I. Сказ о Райханараб-падишахе,
о рождении Гургули и о том, как создался Чамбули-Мастан

Жил великий падишах Райханараб,
Правил он всем миром,
Много было у него красавиц-наложниц и рабынь,
Дочь у него была по имени Хирмангул, луноликая.
Был у него колдун и чародей,
Был у него знахарь, что загадывал и разгадывал,
Провидел ли он друга иль врага,
Он все предсказывал Райхану.
[Однажды], гадая, увидел знахарь народ туркменов,
Обитавший в камышовых зарослях.
Главарем туркменского народа был Ахмад,
Старейшинами были:
Юсуфхан и Каххархан,
Надирхан и Зухурхан,
Камалбек и Карахан.
Была у Ахмадхана жена по имени Далла,
Была у него дочь, ясный месяц,
Были у него большие тростниковые шалашиг
Была у него сестра по имени Хилол,
Весь мир озарялся ее красотой,
Но прятала она красоту свою.
Прислуживала она невесткам,
Вынося много унижений и обид.
Семи невесткам прислуживала она,
Л жили они все порознь,
И ночами бодрствовала красавица.
Горько плача и стеная,
Коротала она жизнь свою.
Узнал об этом Райханараб, великий падишах:
«Пойду войной,— сказал он,— на Ахмадхана!»
А везиры* его сказали: «Доброе дело, славный падишах,,
|Ведь] народ туркменский нищ и немощен».
Послали они колдуна,
Пришел он к кочевью Ахмадхана,
Прикинувшись старцем-ясновидцем.
Попросил воды «немощный старец».
Приказала Далла, жена Ахмадхана,
И Хилол принесла воды.
Ясновидец тут же нарисовал ее портрет
И, не допив воды, ушел.
Вернулся он в страну Райхана,
Показал портрет Хилол.
Увидал [ее] портрет Райхан
И сказал: «Пойду войной на страну Ахмадхана!»
Снарядил он семьдесят богатырей,
Пришли они в страну Ахмадхана.
Главарем [там] был Ахмад, был он старшим в стране своей,
Дал он приказ, и приняли коней у гостей.
Расселись [гости] в большой мехмонхоне*,
Ахмад разостлал дастархан *:
«Не взыщите, гости, за вопрос,— сказал он,—
Чем озабочены, семьдесят богатырей?»
«Нас послал сюда Райханараб,
Мы, Ахмадхан,— сказали,— прибыли к тебе послами:
Подаришь ли луноликую Хилол Райхану?»
«Ладно», [ответил Ахмадхан] и собрал [весь народ], от мала до велика:
«Что посоветуете мне, дорогие соплеменники,
Сородичи мои, и стар и млад?»
Семьдесят человек от Райхана,
Он послал [их] ходатаями-сватами за Хилолджан:
«Отдашь ли девушку или будешь воевать?
Сестра моя ведь не одна-одинешенька,
Всем вам она приходится дочерью».
Заволновался народ туркменский:
«Мы народ немощный,
Каково нам воевать с Райханом,

Отдадим за него,— сказали,— Хилолджан
И караван с большими дарами».
Назначил Ахмадхан калым: 70 Рабынь запросил и немало рабов,
Отары овец запросил с чабанами,
Табуны коней запросил с табунщиками.
Отправили обратно семьдесят богатырей,
И показали они ответ Ахмада Райханарабу,
Тот выполнил требования Ахмада.
Ахмад поставил над табунами сорок табунщиков,
Пасти отары поручил чабанам.
Устроил пир Райхан
Для всей страны Ахмадхана.
Для козлодрания* бросили на майдан* тушу козла,
Подносы стали разносить со всякими угощениями,
Собрались главари туркменов.
Помыли тут лицо Хилол,
Нарядили Хилол,
А когда наступил вечер и час последнего намаза*,
Надел на нее Ахмадхан [свадебный] наряд:
«Не плачь, дорогая сестрица,— сказал он,—
Ведь я выдаю тебя замуж за Райхана!
Станешь ты наряжаться в шелка,
А кушать будешь ты сахар и леденцы, сколько захочешь».
«Неужели не нашлось для меня мусульманского юноши,-
сказала Хилол,-
Он был бы ночью мужем мне, а днем для вас — слугою».
 * * *
Усыпив бдительность Ахмадхана,
Убежала Хилол в широкую безводную степь.
Расстроился этим Ахмад
И отдал [вместо нее] за Райхана свою дочь.
Отвез ее Райхан в свою крепость и поселил там.
А Хилол бродила по пустыне.
От голода не осталось у нее ни сил, ни духа,
И отдала она господу душу.
Труп ее нашел погонщик верблюдов
И привез этот труп в страну Ахмадхана.
Заплакала, запричитала жена Ахмада,
А Ахмад и Юсуфхан пошли
И похоронили ее тело на кладбище,
Погонщика же одарили богатой одеждой.
* * *

Был конь вороной у Райхана,
Взвился вверх он на сорок аршин.
Кобылицу, мать вороного коня,
[Райхан] подарил Ахмадхану,
Сорок юношей, что служили табунщиками,
Погнали табуны на водопой,
[И вдруг] кобылица копытами провалилась в могилу.
Увидала кобылица прекрасного младенца, сиротку,
Стало кобылице жаль его:
«Высохло, видно, молоко в груди его матери,
И оставила она сиротку голодным в могиле».
И стала кобылица кормить сиротку [своим молоком] в могиле,
Из-за укусов его зубов остались от кобылицы только кожа да кости.
Ужаснулись, испугались конюхи,
Стали держать совет.
«Давайте сообщим,— сказали они,— Ахмадхану!»
Самые старшие из табунщиков отправились
И поклонились Ахмаду и Юсуфхану:
«От большой кобылицы с белой отметиной
Остались лишь кожа да кости,— сказали они,—
Она опускается над могилой Хилол [луноликой],
Там есть небольшая щель»,— сказали они.
Тотчас же приказал Ахмадхан:
«Идите и поскорей разройте могилу,
Узнайте, что там такое,— сказал он,— в этой могиле».
Но везиры не согласились с Ахмадханом.

«Тяжкий грех ляжет на душу Хилол [луноликой]»,— сказали.
«Тогда посоветуйте что-нибудь другое»,— сказал Ахмад.
«Когда кобылица опустится над могилой,
Пусть накинут на нее аркан,
Она прыгнет вверх на семь аршин,
И все, что было тайным, станет явным».

* * *

Отправились два табунщика
Прямо на кладбище.
Кобылица в то время кормила сиротку.
Два конюха набросили на нее аркан,
Взвилась кобылица вверх,
И рядом с кобылицей показался сиротка.
Заплакав, сиротка спрятался в могилу.
Доставили весть Ахмадхану,
Рассказали ему о сиротке.
Дал приказ Ахмадхан:
«Быстрей отправляйтесь и разройте могилу Хилол
[луноликой]!»
Везиры тут же приказали двум конюхам:
«Пригоните табун к полудню
И стреножьте кобылицу!»
Отправились два конюха,
Пригнали табун к полудню.
Схватили два табунщика кобылицу
И стреножили бессловесное животное.
Проголодался сиротка в могиле.
Тогда везиры Ахмадхана взяли бабки и кукол
И отдали их двум юношам,
Дали им сахар, леденцы и отправили их.
«Идите,— сказали,— к могиле,
Выройте небольшую ямку, вроде очажка,
И по одной побросайте [игрушки] в могилу!»
Пошли юноши, вырыли ямку и устроили засаду.
Бабки и куклы побросали они в могилу,
А сами спрятались в укромном месте.
Проголодался сиротка и вылез наружу.
Увидел он землю и небо,
Увидел степь и высокие горы,
Бабки увидел и быстро схватил их, 170 Взял их в ладони, не смог уместить, сунул в рот.
Собрал все в большой ямке
И, занявшись игрушками, стал в одиночку забавляться.
Люди незаметно и быстро подбежали
И схватили сиротку.
Поднялся крик сиротки к поднебесью,
Тут же стали давать ему сахар и леденцы.
«Не плачь,— говорили они,— милый ребенок!»
Засыпали могилу и ушли.
Привели сиротку в шатер Ахмадхана.
Ахмад увидел невиданно красивого мальчика,
Стал готовиться Ахмадхан к пиру.
Собрал он всех, от мала до велика,
В обилии подавали всем яства и хлеб.
Вынесли сиротку, чтоб увидели его и стар и млад.
«Все, от мала до велика,— спросил Ахмад,— скажите,
как наречь нам сына?»
Был там дряхлый, глубокий старец,
Все собравшиеся предоставили ему право [дать ребенку имя].
«Как зовут его отца?» — спросил он.
«Нет у него отца»,— ответили люди.
«Кто его мать?» — спросил седовласый старейшина.
«Он найден в могиле сестры Ахмадхана».
«Вот,— сказал он,— друзья, он сам дал себе имя:
Назовем его Гургули-султан...»
Помолились, встали стар и млад
И отправились по своим делам.

* * *

Стал Гургули крепышом,
Невиданно красивым богатырем.
Ранним утром встал Гургули,
[Об этом] не знали Ахмад и Юсуфхан.
И прогнал Гургули сорок конюхов.
Те подняли плач и крики,
А он отогнал табун в пустыню Кумистан.
В зарослях кустарника нашел тень
И уснул под ним глубоким сном.
Сорок конюхов пришли к Ахмадхану:
«Чтоб он подох, твой Гургули, он не дал нам покоя, Ахмадхан,
А табун отогнал он в пустыню Кумистан!»
Разгневался Ахмад. Сбежались и Юсуфхан,
И Каххархан, и Зухурхан,
И Камолбек пришел, и Карахан.
«Он нас разорил, дорогие братья,— сказал Ахмад,—
Погубил Гургули наш табун в пустыне Кумистан».
Ахмадхан, а с ним и братья Ахмадхана
Привязали к поясам ножи,
В руки взяли черные луки
И отправились в пустыню.
Пришли они в пустыню Кумистан.
Ахмад увидел табун:
Новорожденные жеребята были крупнее однолеток.
Обрадовались Ахмадхан и Юсуфхан.
«Душу свою отдам за тебя,— сказал Ахмад,— дорогой Гургули!
Даже в таком месте, где много воды и травы,
[Табунщики] не смогли выгулять лошадей, остались от них кожа да кости.
А у Гургули — нашего сына,
В Кумистане удвоился табун кобылиц».
Они поспешили к Гургули,
И увидели, что голова его лежит в тени [куста],
А тело — на раскаленном песке,
Песок засыпал лицо Гургули-султана.
Ахмад, увидев это — зарыдал.
Проснулся Гургули и поздоровался:
-«Чего ты плачешь, дядюшка?» — спросил он.
«Кто тебя обидел, что ты стал табунщиком?
Я дам тебе скакуна, Гургулиджан,
Возьми равного себе сверстника-молодца в товарищи
И отправляйся [с ним] на охоту в высокие горы!»
«А сколько месяцев минуло с тех пор, как стал я табунщиком?»
«Прошло шесть месяцев,— ответил,— мой дорогой сынок».
«Я вернул тебе табун, но ты рассчитайся со мной, да поживее!»
«Бери себе одного из скакунов, Гургулиджан!»
«Сорока конюхам ты платил, не скупясь,
Вместо сорока ты платишь теперь одному и то, видишь, как испугался».
«Ладно, выбирай, что пожелаешь для себя из табуна в широкой степи».
Пошел Гургули и нацелил свой аркан,
А кобылица с белой отметиной — Кулло, плача, подошла
И сама вдела голову в петлю аркана Гургули-султана.
Он ударил кобылицу и отогнал прочь,
Но она вернулась к Гургули-султану.
Тогда Гургули султан обвязал ей шею кушаком и повел за собою.
«Я получил то, что заработал»,— сказал он Ахмадхану.
Ахмадхан дал приказ сорока конюхам,
И они быстро угнали прочь табун.

* * *
Разгневанный вернулся к себе Ахмадхан,
Послал глашатаев оповещать людей:
«Слушайте все, и стар и млад,
Каждому, кто подаст Гургули хлеба или воды,
Кто даст совет ему либо ночлег,
Тому я голову с плеч снесу, а все имущество отдам
на разграбление».
* * *

Гургули прибыл в страну Ахмадхана.
Люди преградили ему путь,
Палки замелькали у них в руках.
«Пропади пропадом,— говорили,— рожденный без отца, убирайся прочь!»
Ни воды ему не дали, ни хлеба.
[Пошел он], плача и ведя кобылицу на поводу.
Летовка у Ахмада была на большом горном пастбище,
Туда пошел Гургули и там пас он свою кобылицу.
* * *
Разнеслась молва по белу свету:
«Сына родила в могиле сестра Ахмадхана
От какого-то чабана или табунщика».
Услышал эту весть Райхан.
Поклялся: Боги мои, Лот и Малот *,— сказал он,—
Мои великие кумиры и идолы!
Обманул меня видать, Ахмадхан,
Вот почему не отдал он за меня свою сестру,
А вместо нее отдал мне свою дочь...
Живей приведите ко мне вороного коня!»
Оседлали и привели к нему бессловесного коня,
Разгневанный отправился в путь Райханараб, великий падишах.
«Пока не добуду Даллы,— сказал он,— жены Ахмадхана,
Не успокоюсь ни за что на свете!»
Он тут же вскочил на вороного коня,
Но перед ним — река, шириною в сорок аршин
И такой же глубины.
Хлестнул Райханараб коня плетью,
Прыгнул конь на семь аршин от берега,—
Земля задрожала, и небо загремело!
Появился падишах Райхан,
Преградил дорогу ему Гуруглиджан.
Увидел [Райхан] невиданно красивого юношу.
«Чей ты сын,— спросил он,— душа моя, мальчик?»
«Я,— ответил он,— племянник Ахмадхана».
«Я дам тебе,— сказал,— много денег,
Приведи лишь,— сказал,— ко мне Даллу, жену Ахмадхана».
В ответ сказал Гургули-султан:
«Спарь сперва своего вороного коня с моей кобылой!»
Поклялся ему [в том] Райхан.
Гургули впереди, а за ним Райхан
Направились к жилью [Ахмадхана],
Ахмад и Юсуфхан были на охоте.
«Янга *,— сказал Гургули,— пришел какой-то гость,
Дай-ка гостю чашу воды!»
Налила она воды и сказала: «На, отдай ему, Гуруглиджан!»
«Нет, сама подай,— ответил Гургули-султан,—
Пусть это будет твоим благодеянием, душа моя, янгаджан».
Подала Далла гостю чашу воды,
Схватил ее Райхан за руку,
Гургули приподнял и ловко посадил [Даллу] на коня.
Гургули впереди, а за ним Райхан.
Подвели кобылицу и поставили поперек дороги,
Райхан спарил с ней своего коня.
Пришел в себя Райхан
И помчался обратно в безводную степь Хайбар.

* * *
Ахмадхан [тем временем] был на охоте в камышовых зарослях.
Дочь Ахмада и [другая] жена Ахмадхана
Быстро доставили ему весть:
«Жену твою Гургули отдал Райхану».
Разгневался Ахмадхан и вернулся домой.
Нашел он ложе Даллы [пустым] и оторопел.
Разъярился и пустился вдогонку
Вслед за Гургули-султаном,
Но Гургули умчался на большое горное пастбище,
Вернулся ни с чем Ахмадхан.
Гургули продолжал пасти свою кобылицу,
И принесла ему кобылица жеребенка.

Он отнял его от кобылицы,
Побираясь, вымаливал материнское молоко.
Поил его материнским молоком, и обрел жеребенок человеческий разум.
Отправился Гургули в безводную степь к погонщикам верблюдов,
Достал у них верблюжье молоко,
Поил жеребенка в изобилии [и этим] молоком,
И стал тот высоким конем.
Отправился он в безводную степь к чабанам,
Поил жеребенка в изобилии [овечьим] молоком,
Набрал жеребенок сил, чтобы бродить по безводной степи.
Поил его лисьим молоком, и стал он скакать по полям и долам,
Поил его заячьим молоком, и стал он чуять издалека.
Стал жеребенок жеребцом, большим жеребцом.
Начал объезжать его Гургули на большом горном пастбище.

* * *

Отправился Гургули в страну Ахмадхана.
Поздоровался с Ахмадом,
Попросил сбрую у Ахмадхана:
«Конь мой теперь вырос,
Дай мне сбрую, душа моя, дядюшка,
А я тебе в дар приведу дочь Райхана».
Приказал Ахмад, и тотчас принесли сбрую.
Прикинулся Гургули-султан каландаром *
И отправился в страну Райхана.
!{1 Н1 Н*
Был у Райханараба большой сад.
Гуляла в нем жена Ахмада с дочерью Райхана.
Затянул «каландар» песню дервиша*:
«Как красиво,— сказали,— он поет».
А Далла узнала Гургули:
«Добро пожаловать,— сказала,— дедушка нищий!»
«Я приехал,— сказал он,— за тобою».
«Со мной уж немало пожил Райхан-падишах,
Я укажу тебе, что делать:
Я дам тебе дочь Райхана, Гургулиджан,
Отвези ее к Ахмадхану».
Далла крикнула девушкам:
«Наложницы и рабыни, все, от мала до велика,
Приходите, поиграем, девушки-душеньки!»
Разыгрались они, весело смеясь.
«Каландар» показался в большом саду:
«Кто из девушек вскочет коню на круп?»
Подошла Далла, вскочила, но тут же кубарем свалилась,
Рассмеялась, развеселилась дочь Райхана,
Игриво подошла к коню,
И словно на носилки принял он на свой круп красавицу.
Гургули-султан же шелковым арканом
Привязал [к седлу] дочь Райхана,
И сам дал знать Райхану:
«Дочь твою я похитил для Ахмадхана,
Зовут меня — Гургули, а мой конь — родня твоему».
Мигом вскочил на коня Райхан,
Пустился в погоню за Гургули-султаном.
Оба коня доскакали до большой реки.
Скакнул Гургули-султан на семь аршин от берега реки,
А задние ноги райханова коня
Увязли в реке.
Ни жив ни мертв едва выбрался Райхан,
Вернулся к себе обратно Райхан.
А Гургули проехал через широкие безводные степи
В страну Ахмадхана.
«На, бери,— сказал он,— душа моя, дядюшка!»
Ахмад забрал дочь Райхана,
На радостях он подарил Гургули-султану доспехи.

* * *

Отправился [Гургули] на охоту к родникам у густых камышовых зарослей,
Увидел сорок родников с проточной водой,

Увидел жилища все в развалинах.
Размечтался Гургули:
«Если заняться постройкой, будет здесь славное место».
Обдумав все хорошенько, он в слезах и муках
Напряг силы и построил дом высотою в сорок аршин,
Соорудил сорок престолов из золота,
Назвал он это место «Чамбулом хайбарским».
Отправился он к Ахмадхану:
«Я построил,— сказал он,— Чамбули-мастан.
Приведи свое племя и поселись в моей стране».
И головы не поднял Ахмадхан.
Созвал он всех от мала до велика.
Рассердился он на Гургулиджана,
Но не,испугался его Гургули.
И вскоре привел он сам племя туркменов,
И благоустроили они Чамбули-мастан,
Сделали Гургули главным шахом.
Приказал Ахмаду и Юсуфхану:
«Такие же, как в державе Райхана,
Мы построим,— сказал,— дворец и крепость».
Призвали искусных мастеров,
Распоряжался Гургули, а расходы нес Ахмадхан,
Построили Чамбули-мастан.
На сорок вершин к поднебесью поднялась крепость
Каждый зубец на стене был разукрашен золотой резьбой,
Восемнадцать трапезниц выстроили в один ряд,
Сорок золотых престолов поставили
Проворный Саки *
И Гургули — могучий шах.
От народа туркменского
Послов разослал Гургули-султан,
Прославился он на весь мир.
Агаюнус из волшебного сада Ирам*,
И Ширмой — ясный месяц
Услыхали о славе султана,
Обернулись в голубей поднебесных
И прилетели в Чамбули-мастан.
Они поклонились Гургули,
И понравился им султан.

* * *

Прикинулся каландаром Гургули-султан,
Направился в город Исфахан*,
Чтобы привести Хасанхана,
Выбежал играть Хасанхан,
Сын искусного ткача,
Взял его [на руки] Гургули-султан.
«Я — Гургули,— он сказал,— я — султан,
Отвезу тебя в Чамбули-мастан».
Привез его в Чамбули-мастан,
Стали пестовать его Агаюнус и Ширмой-красавица.
Однажды Гургули-султан
Сказал с тоской: «Бездетен я!»
| Приказал он Саки: «Оседлай,— сказал,— скакуна!»
«Счастливого пути, дорогой мой отец!»
«Я отправляюсь к кипчакам за Шадманом».
«А чей он сын, дорогой мой отец?»
«Он сын охотника, он богатырь,
Сам он очень меткий стрелок, мой милый сын».

* * *

Отправился Гургули-султан к кипчакам.
Был на охоте Шадман,
Взял его Гургули с собой и уехал,
Привез его в Чамбули-мастан.
Стал обоих [Хасана и Шадмана] растить по своим обычаям,
Поручил им сорок джигитов из туркменского народа.
Дал Шалману большой лук,
Привязал к его поясу восемнадцать колчанов,

В Чамбули-мастане стал упражняться тот в стрельбе.
Назначил Гуругли Хасана старшим над сорока джигитами
Хасан обучал их разным боевым приемам.
И стали они Саки называть дедушкой, дали ему золотой тамбур
И стал он распевать о том, что делается на белом свете,
И рассказывать о богатырских подвигах.

II. Сказ о Хунхар-падишахе и о том, как Гуругли привез Аваза в Чамбул.

Жил на свете Хунхар, великий падишах.
Был у него богатырь по имени Гурджи.
Держал он большой караул на городской площади,
Молва о нем разнеслась по всему свету.
Жил Карим, искусный мясник,
Он распоряжался сотней подмастерьев-мясников.
Жил-был большой бай* из [племени] теке-туркменов*,
Звался он Кунгурбаем.
Карим-мясник отправился к нему покупать баранов.
Устроил в честь него Кунгурбай большой пир, до самого полудня.
Была у Кунгурбая сестра по имени Гулоим,
Была она самой красивой на всем белом свете.
Чтобы отобрать баранов, отправились они в широкую степь.
Стадо было в долине в нескольких днях пути.
Выторговали они баранов, рассчитались,
И слуги погнали баранов [в город].
Карим-мясник сел верхом на коня
И вернулся к Кунгурбаю.
Похитил он Гулоим и пустился в обратный путь. 20 Привез ее в страну Хунхара, великого падишаха,
Баранов он передал в царскую казну,
А Гулоим растил по своим обычаям
И женился на Гулоимджан.
Родился от Гулоим мальчик, которого назвали Авазхан.
Видом своим Аваз подобен Рустаму Дастану*.
Красотой своей Аваз подобен ясному месяцу,
Два локона свисают у него на плечи с двух сторон,
Стан его — гибкая лоза,
И сделал его великий падишах своим кравчим.

***
Увидел как-то сон Гуругли-султан,
Наутро устроил он своей дружине пир.
Приосанились Хасан и сорок молодцев,
Гуругли стал рассказывать [свой сон]
Сорока туркменским шахам,
Ахмаду и Юсуфхану, Шадману и Хасанхану.
Усадил он Саки и сказал: «Душа моя, сынок,
Ты мудрец у нас в Чамбули-мастане.
Видел я сон на рассвете,
Хунхара видел, великого падишаха,
Аваза я видел, богатыря.
Кто же из вас, как мужественный воин,
Пойдет на поединок против Гурджи-пахлавана *?»
Приосанился Хасанхан,
Отдал приказ сорока джигитам.
Саки оседлал ему коня.
Приторочил барабан и барабанные палочки-
Взял острое копье Хасанхан,
Сел верхом на коня.
Пошел с ним и Шадман, мужественный воин,
Привязал к поясу восемнадцать колчанов,
На плечо накинул большой лук.
Собрались в дорогу сорок шахов султана.
Благословил Гуругли всех — от мала до велика,
И отправились они из Чамбула в путь,
Выступили в поход на Гурджи-пахлавана.
Увидали они множество пушек и ядер,
Увидали силу и мощь Гурджихана.
Хасан с сорока молодцами разбил шатер,
Лег спать Хасанхан,

А сорок молодцев [тем временем] удрали.
Проснулся Хасан и отправился к султану.
Рассказал он, каков Гурджи.
Разгневался Гургли и сам отправился из Чамбула.
Прибыл он к лагерю Гурджихана.
Гурджихан заметил Гургли,
Вооружился и вышел на поле боя.
Несколько часов они бились палицами.
Метнул свое копье Гургли-султан
И выбил Гурджихана из седла. О Сбросил на землю Гурджихана,
Отрубил ему голову султан
И отправился в страну Хунхар-султана,
Прикинулся он Кунгурбаем-гуртоправом.
Пригнал баранов на большой базар.
Притворился юродивым, несмышленым.
Карим-мясник приехал верхом на лошади,
Сто подмастерьев-мясников идут впереди него.
Стал торговать баранов отару за отарой.
Как увидел Гургли Карима-мясника, заплакал и запричитал.
Карим-мясник заметил его и сказал:
«Что ты плачешь и стенаешь?»
«Я — „Кунгурбай",— сказал Гургли-султан,—
Слыхал я, что родился у Гулоим Авазхан,
Душа моя истерзана, и сердце испепелилось,
Мечтаю я взглянуть на Авазхана».
Карим-мясник приказал двум подмастерьям-мясникам отправиться к падишаху.
Пришли они к Хунхару и поклонились ему:
«Разрешите,— сказали,— взять нам с собою Авазхана».
Привели к ним Авазхана.
Схватил его в объятия «Кунгурбай»:
«Бери,— сказал,— всех баранов, душа моя, зять,
Хоть задорого, хоть задешево».
Приказал тогда Карим-мясник Авазу:
«Возьми-ка своего дедушку и идите домой!»
Бросил «дедушка» баранов и ушел, ведя перед собой Авазхана.
Гургли и Аваз пришли в гости к Гулоим.
Вошли они в большой сад,
Тут подбежал конь Гургли-султана.
Вскочил мигом Гургли на коня, а впереди себя посадил Аваза.
«Зовут меня,— сказал,— Гургли-султан,
Я повезу тебя в Чамбул, о Авазхан!»

***

Дошла об этом весть до Хунхара, великого падишаха, и ринулся он в поход.
Послали за Гурджиханом,
Но оказался убитым Гурджи-пахлаван.
Разбил шатер Гургли-султан,
Поставил на выстойку коня,
В шатер же посадил он Авазхана.
Хунхар семью рвами окружил султана,
Ударил в боевой барабан и ринулся в бой,
Гургли вооружился, сел верхом на коня,
Ударил в боевой барабан — земля задрожала, и небо загремело.
Бились они на поле боя копьями,
Потерпел поражение Хунхар и удрал.
А Гургли привез Аваза в Чамбули-мастан.
Агаюнус и Ширмой стали любовно пестовать Аваза.
На третий год прикинулся султан мертвым.
Девять жен было у него из туркменского племени,
Обрадовались они смерти султана,
Схватили свои узелки и отправились восвояси.
Только две пери * горько заплакали.
Из окна услышал это Авазхан.
Вскочил Гургли, похвалил луноликих красавиц,
А Аваз разгневался, сел верхом на Гулибодом,
Отправился в страну своего отца.
Гургли впереди, а за ним сорок джигитов по его приказу
Отправились вслед за Авазханом.

***

Поведем сейчас рассказ об Авазхане.
Аваз вернулся домой, а мать его так и обмерла.
Отец впал в тоску в одиночестве.
Тут же донесли Хунхару:
«Вернулся Авазхан!»
Схватили его, привели к Хунхар-султану.
Аваз рассказал все о Чамбуле.
Принесли вина и браги, но не стал пить Авазхан.
Тогда повели его и бросили в темницу.
Гулоим с кувшином воды, с лепешкой в платке, горько плача,
Пришла к двери темницы.
Аваза в клетке потащили на виселицу.
Послали глашатаев и оповестили всех, от мала до велика,
Собрались все и стар и млад.
Прикинувшись каландаром, прискакал Гургули-султан,
А за ним сорок молодцев.
Ударил он в боевой барабан, и битва началась,
Разбил он виселицу вдребезги,
А Хунхар удрал в пустыню.
Разрушил [Гургули] город Хунхара,
На двенадцать тысяч лошадей погрузил он огромные богатства.
Привез Аваза в Чамбули-мастан,
Назначил его старшим над сорока джигитами.
Дал Авазу в награду Ветрокрылого коня,
Дал боевой барабан и золотые барабанные палочки,
Мраморную кольчугу и лазуритовое копье,
Боевые латы, щит, меч и кинжал, острый как алмаз.
Девяносто шесть лет было тогда султану.
Службу нес Аваз, и блаженствовал султан.

Сказ о Сугдунче и его дочери Зарине Златописанной. {править}
Жил в былые времена Сугдунча,
Был он великим падишахом, властелином мира.
От его мощных ударов
Трепетали дэвы* на горах,
И вот [приказал] падишах вырыть пруд,
Пруд, говорили, безбрежный,
Вода в нем прозрачная,
Вокруг него [стояли] накрытые столы,
Восседали за ними молодцы,
Восседали богатыри.
Все — один к одному.
Если кто-нибудь совершал набег,
Они тут же расправлялись с ним.
Была у Сугдунчи дочь,
Красоты она была неописуемой,
Звали ее Зарина Златописаная.
Богатыри и цари
Пылали страстью к девушке.
А белый дэв сказал:
«Я овладею царицей красоты!»
Спустился белый дэв с горы,
Голова его больше купола.
Пришел везир и сказал [шаху]:
«Взгляни, Сугдун, со своего трона —
Это невероятный богатырь,
Он,— сказал,— дэв пустыни».
Сугдун отвечал: «Не волнуйтесь,
Сидите спокойно на своих местах.
Против одного, как говорится, нужен только один,
Если же начать собирать большое войско,
Люди,— сказал,— станут упрекать».
Потом вскочил Сугдун с места:
«Где,—сказал,— ключи?
Подготовь все, что нужно к 1бою,
И вы смотрите, [что будет]!»
Люди про себя сказали:

«Сугдунча сошел с ума,
Ведь одним ударом лапы,—сказали,—
[Дэв] надвое разрубает человека!»
Сугдунча сказал своим людям:
«Вы не рассказывайте сказок,
Кто из нас сильнее —
Это,— оказал,— решит судьба».
Открыли оружейную палату,
Надели на него дорогой халат,
Латы боевые надел он,
Прикрылся кованым щитом,
Шлем свой четырехгранный
Надел на макушку.
Спереди лук у него,
А у пояса каленые стрелы.
К поясу привязали ему
Восемнадцать, говорят, кинжалов.
Если посмотришь на его сапоги,
Скажешь, будто мраморные они.
«Приторочьте мой боевой барабан,— сказал,-
К седлу боевого слона
И палицу мою приторочьте»,— сказал.
На пруди, гляди, булава,
И вот уже все доспехи на Сугдуне.
Погляди: вот и готов он к бою!
В ярости вскочил он со своего места,
Земля, говорят, превратилась в пыль.
Подошел он к слону,
Ноги вдел в стремена,
Сел в седло, взобрался на слона,
И звук барабана его раздался
[Так, что] горы задрожали.
Услышал |белый дэв,
Шерсть на дэве, говорят,
Взъерошилась вся.
Сказал белый дэв:
«А ну, посмотрю-ка я получше.
Он ударил в барабан,
Значит, вышел он против меня,
Видно, не боится он меня,
Видно, очень он силен!»
И вышел дэв на поле боя
И испустил такой рев,
Что от звука, вылетевшего из пасти его,
Словно дым поднялся к поднебесью.
Вышел Сугдуншах
В ярости на поле боя:
«О злосчастный, подлый дэв,
Нелегко овладеть моей дочерью,
Голову твою, злосчастный, снесу [с плеч]
И брошу в этом поле!»
Дэва от этих слов
Охватил такой неудержимый хохот,
Что земля вся загрохотала,
Словно гром на небе.
Оба были могучи.
И вот, друг против друга — два богатыря.
Схватили они друг друга за пояса,
Посыпались удары с обеих сторон.
От сильных ударов оба
Изошли черным потом.
Уже кровь хлещет фонтаном у обоих,
Из носа, из ноздрей.
Оба бьют сплеча.
Крепко стоит Сугдунча —
Восемнадцать могучих ударов нанес ему
Подлый, проклятый дэв,
Но нет никакого проку от ударов.
Тогда крепко уперся он ногами в землю,

И восемнадцать каленых стрел
Выпустил Сугдунча, слушайте!
Дэв повернулся и со своего места
Сказал: «О силач Сугдунча,
Если есть у тебя еще сила в руках,
Ударь-ка меня покрепче!»
Обнажил Сугдунча меч
И так ударил дэва,
Что земля погрузилась во мрак,
Дым поднялся до небес.
Еще раз ударил его мечом.
Дэв повернулся и поглядел:
«Молодец, Сугдунча!—сказал,—
Этот удар пришелся мне впору».
Протянул свою руку Сугдуншах,
Схватил за пояс и поднял
Проклятого дэоза так,
Что, когда на землю бросил его,
Раскололась голова дэва,
Мечом Сугдун отрубил ее,
Высек надпись на камне
И поставил его у края дороги:
«Всякий, кто польстится на Зарину —
Откуда бы ни пришел он,
Голову его, подобно голове дэва,
Снесу с плеч долой!
Кто осмелится теперь
Прийти за Златописаной,
Я согну его в бараний рог,
Я размозжу ему череп!
Каждый пусть приходит и читает
Надпись на этом камне!»
И разошлась весть о Сугдунче
И по Балху и по Бухаре,
Достигла она и Карши
И, поверишь ли, даже Гузора!
***
Из краев Баляской страны, говорят,
Прибыл один кудрявый молодец.
«Каково,—сказал он,— падишах Балха,
Если пойду я за Златотшсаной?»
Отец его, падишах, замолчал,
«Сын мой,— сказал,— очень велико твое мужш
Но из-за Сугдунчи ведь
Дэвы рассеялись во все стороны!»
От этих слов отца у сына
Рвение, говорят, возросло еще более.
Одежду, что была на нем,
Он в клочья разорвал.
Страх запал в душу отца его,
Горе овладело его сердцем.
«Добрый молодец он,— сказал,—
Быть ему хозяином моего коня!»
Затем падишах, говорят, обернулся
И поглядел на Аваза:
«Да будет душа отца твоего жертвой твоей,
Твоей, львенок мира!
Ты — сын Чамбула,
Сам ты выкормлен Ширмо.
Сын мой, я дам тебе скакуна
И все снаряжение»,—сказал.
«Пусть,—отвечал,— оседлают коня, отец,
Чтобы я видел это своими глазами».
Приказали Гуланор:
«Сбрую вороного коня,— сказал,—
Принеси, быстро сбегай!»
Принесли сбрую,
Положили перед конем.
Три парчовых потника положили на него,

Туркменское седло возложили на него,
Три подпруги подтянули,
Сзади приторочили боевой барабан,
Седельную подушку — на коня,
А нагрудные ремни — золоченые,
Одна к другой золотые бляхи.
Стремена, поглядишь,
Все золоченые и золотые.
Уздечку с восемнадцатью подвесками
Надели на морду ветроногому.
Боевой барабан принесли,
Приторочили к луке седла.
Барабанные палочки, поглядишь,
Все златокованые.
Увидел, что вороной конь смеется,
Посмотрел султан и [говорит]:
«Да будет душа моя жертвою твоих подков,
Животное,— сказал,— ты — верный конь
Из породы коней Райханараба,
Вырастил тебя султан.
Для славы Аваза, сына моего,
Ты, конь,— сказал,— жизни не пожалей!
Выпестовал я этого юношу,
Сейчас он выезжает из Чамбула
В опасные места, на бой,— сказал,—
Помогай ему, животное!
Человечьим молоком я тебя выкормил,
О разумное животное!»
И пришел Аваз с улыбкой,
Подбежал к отцу:
«Дай мне боевые доспехи, отец.
Я отправляюсь в поход!»
«Все доспехи, что есть у меня,
Сын мой,— сказал [султан],— пусть будут жертвой твоей головы».
Аваз взял ключ
И пошел к оружейной палате.
Отобрал боевые доспехи
И положил перед собой.
Надел дорогой халат,
Поверх — панцирь из золота,
На ноги натянул сапоги,
Сапоги-вездеходы.
Гвозди их из золота,
А подковки — жемчуга.
Кольчугу из камня надел
И боевые латы на тело.
Опоясался ремнем,
А к поясу прикрепил восемнадцать кинжалол.
Меч с золотой рукояткой у него,
И сам-то меч наполовину из золота.
Привязал меч к поясу
И выехал он, статный и высокий.
Султан повернулся и поглядел,
Благословил его, друзья:
«Сугдунча силен,— сказал,—
Да поможет тебе Аллах».
Руки Аваз прижал к груди:
«Иду я в поход в далекие края,
Снаряжен я к бою,
У вас,— сказал,— прошу молитву.
Еду я в страну Сугдунчи,
К этому падишаху, властелину мира».
Получил он благословение отца.
Пошел к Ширмо:
«Иду я в страну,—сказал,—
Сугдунчи… А ты не против ли?»
«Ведь он размозжил голову дэва,
Ты не боишься,— спросила,— этого падишаха?»
«Дай мне благословение,

И тогда я решусь.
Одолею Сугдуна,— сказал,—
По милости создателя,
Меня, моя мать,— сказал,—
Не считай ничтожным человеком!»
«Из обеих моих нежных грудей
Я вскормила,— сказала,— тебя, мой сынок, молоком
Соль из моих рук ел ты,
Ведь я твоя мать,
Я люблю тебя,
В тебе моя жизнь,
Без тебя я не стану жить ни одного дня,
О милый мой сынок!
Пусть будет счастлива твоя звезда —
Я даю согласие на твой поход».
Получил благословение [Аваз],
Ноги — в стремена,
Сел в седло
Баловень, кудрявый молодец.
Ударил в барабан палочками,
Сидя в седле на своем крылатом скакуне.
Все люди вышли [поглядеть].
Приосанился Аваз,
Стегнул плетью [коня] Аваз —
Пошевелились и кожа и мясо,
Дошел удар до кости,
Вороной стал грызть удила.
Натянул [Аваз] узду коня:
И направил [коня] к воротам,-
Увидел его безумец Хасан:
«Да приму я смерть ради кудрей твоих,
О добрый молодец!
Ты словно могучий лев,— сказал,—
Верхом на вороном коне.
Не печалься, что ты один,
Повсюду, где бы ни был ты, помни,
Что жив твой дядя. 280 Я возьму дубину,
Чинару в руки я возьму,
Самого дэва я оседлаю!
Дядюшку своего, о дитя мое,— сказал,—
Не считай ничтожным человеком!
Этот дэв, что приручен мною,— ведь он чудовище,
А я на нем езжу верхом.
Если будет биться сам Сугдунча,
Справлюсь я и с Сугдунчой!»
Аваз прижал руки к груди,
Получил благословение для похода,
Отпустил узду коня
И выехал за ворота,—
Подобен могучему льву добрый молодец.
Доехал он до Богистана…
Взглянул на озеро Каракул,
В другую сторону взглянул —
Там Охмонкул, другое озеро.
Прибыл он в Шахчанор,
В страну, говорят, Искандера *.
Видит холмы,
Степи и долины,
С четырех сторон — море.
Хундукул — другой город.
Прошел он и город Шер.
Увидел большой сад,
Соскочил с коня:
«Вволю попасись в степи,
А завтра утром мы двинемся снова…».
От усталости ног не чует под собой Аваз,
Положил он голову на суфу*,
И заснул могучий лев…
Уж ночь была на исходе,

Когда Зарина жемчужнозубая
Сон увидела, тонкостенная,
Во сне увидела желанного —
Юношу верхом на скакуне,
С видом льва, весь обвешан воинскими доспехами,
Кудри у него золотые,
Распущенные по плечам.
Взглянула ему в лицо,
Воскликнула: «О, если бы он был моим возлюбленным,
Заплакала девушка во сне:
«Во сне нашла я,— сказала,— милого,
О,— сказала,— милого, любимого».
Испустила, смотри-ка, глубокий вздох,
Очнулась от сна девушка,
Перевела немного дыхание:
«Поднимусь я на троне в поднебесье,
Посмотрю во все четыре стороны,
Может быть, и сбудется мой сон».
Сказала девушка: «Подружки,
Живей принесите мой гребешок,
Наряжусь-ка я как следует,
Румянами подрумяню щеки,
Насажу мушки одну за другой,
Сурьмою* подведу глаза,
Басмой подрисую брови.
На голову накину платок
С узорчатой каймой,
Лицо прикрою расшитым платком,
Выпушу подвески и цепочки,
Заплетенную косу перекину на грудь,
Пусть спускается она ниже подола.
На голову — золотой венец,
В уши вдену серьги.
Лицо засветится, словно ясный месяц.
В нос вдену кольцо, подружки,
Кудри свои причешу.
Зубы мои — жемчуга и перлы,
Уста мои — раскрытая фисташка,
Шея моя белее снега,
Сверкаю я словно пятьсот звезд,
Станом моим восхищается весь мир!»
Вот Зарина Златописаная
Надела все свои украшения:
«Звенит браслет мой, подружки,
Блестит мой перстень,
Надет на пальчик он,
Весь он из чистого золота.
Туфельки на ногах с носками, загнутыми полумесяцем,
Гвоздочки в туфлях золотые.
Отец мой — богатырь Сугдунча,
Слава о нем разнеслась по всему свету.
Подружки мои верные,
Горит душа моя от горя!
Принесите мне мой трон,
Хочется мне на прогулку отправиться,
На прогулку по небу».
Подружка сказала:
«Никак ты опечалена?
Почему нынче,— спросила,— нет на тебе лица?»
«Не спрашивай меня,— ответила,— ни о чем.
Сон я видела утром,
Хочу погулять я по степи».
«Смотри, не обманывай меня!
Уж не влюбилась ли,— спросила,— в кого-нибудь?
Помни, грозен твой отец!
Если быстро ты не вернешься,
Твой отец повесит нас на виселице».
«Вставайте,— сказала,— подружки,
И не оглядывайтесь назад,— сказала,—

Вы двое пойдете впереди меня».
На заре взяли они ключ
И пошли впереди обе девушки,
Открыли большую оружейную,
Вынули из ларей оружие,
Разложили каждое в отдельности.
Румянами подрумянили щеки,
Мушки посадили — по пять и четыре,
Сурьмой подвели глаза,
Басмой подрисовали брови.
Рубашка шелковая на ней и из змеиной кожи,
На каждое плечо — по несколько амулетов.
На голову повязали шаль Каймой — вокруг головы.
Расшитый платок опустили девушки ей на лицо,
Цепочки выпустили на лоб.
Глаза хмельные, а брови, как змеиный хвост,
Словно цветок она, распустившийся весной.
Обмотала себя несколькими шалями,
Заплетенные косы — ниже подола,
Много на ней золотых подвесок.
В уши вдели сережки,
В нос — золотое кольцо.
Посмотришь — украшение вселенной!
Уста сладки, как сахар,
Зубы — будто жемчуг и перлы.
Шея белее снега,
Излучает свет, словно множество звёзд.
Груди ее, как гранаты,
На руках у нее браслеты,
В кудри воткнула гребень,
Кто увидит ее — с ума сойдет.
Стан у нее, словно гибкая лоза,
На ногах золотые браслеты,
Туфельки с носками, загнутыми полумесяцем,
Гвоздочки их из золота, а подковки — жемчуга.
«Да буду я вашей жертвой, подружки,
Принесите мне,— сказала,— мой трон.
Я воссяду на свой трон,
Отправлюсь гулять по небу.
Осмотрюсь по всем-четырем сторонам:
Грустно стало мне,— сказала, - подружки».
Зарине Златописаной,
Дочери Сугдунчи-падишаха,
Принесли трон.
«Не отправляйся ты,— говорят,— неведомо куда,
А не то не миновать нам большой беды,
Отец твой снесет нам голову с плеч,
И ты станешь виновницей нашей смерти, красавица!»
Рассмеялась Зарина
И речь такую повела:
«Я отправлюсь гулять по небу,
Скучно мне, подружки,
Как [и где] увидит меня мой возлюбленный?
Если встречусь я с ним,
То я ведь буду наверху, а он — внизу.
Что ж. сумеет он сделать со мной, сестрицы?
Я обо всем вам расскажу —
Ну что может вам сказать на это мой отец?»
Девушка уселась на троне:
«Сон видела я в темную ночь,
Грустно стало мне и тоскливо,
Сбудется ли мой сон?
Если же в степи я встречусь с кудрявым,
У которого копье и боевые доспехи,
Дальше не пойду я,— сказала,— а скроюсь!»
Девушка посмотрела сверху,
Все четыре стороны, словно море.
Видит: спит кто-то на золотом ложе,
Спустилась она пониже на своем троне,

Увидела кудри золотые у спящего,
На теле боевые доспехи,
Увидела меч на поясе,
Увидела копье на гриве коня,
Плеть, висящую на луке седла.
Рассмеялась девушка:
«Ха-ха». Сказала: «Сон мой в руку!»
Сошла с золотого трона,
Обошла кругом златокудрого девушка.
Не очнулся Аваз ото сна.
Написала письмо Златописаная:
«Чего ты ищешь в безводной пустыне?
Разве ты не боишься меня, юноша?
Зовут меня,— написала,— Ашкар *-пахлаван»
Прочитала заклинание девушка:
И вот, глядите, какой у нее стал стан и рост.
Голова у нее стала, как огромный купол,
Так и назвала себя — «Ашкар-пахлаван».
Аваз очнулся от сна,
Увидел слона, а на нем палицу,
470 Вскочил мужественный Аваз:
«Заснул я на чужой земле,
Кто он — мусульманин или неверный?»
Посмотрел [Аваз] на богатырские плечи [противника],,
Сел верхом на ветроногого коня:
«Да буду я жертвой четырех твоих копыт, животное?
Нет у меня братьев, ни старшего, ни младшего,
Одинок я на чужбине,— сказал,—
Нет у меня здесь доброжелателя».
Повернул он своего коня,
Ударил что есть силы в барабан.
Барабан Аваза гремит,
Звук его разносится на много верст.
Зарина тоже повернулась и взглянула:
«Он вовсе не боится меня.
Этот молодец, видать, богатырь!
Не струсил юноша».
Подняли оба бой барабанный в степи —
Земля задрожала.
Зарина Златописаная сказала:
«Возьму я Аваза в плен,
Прикую его цепью к своему трону,
Привезу и погляжу на него,
Уговорю его отца,
Чтобы он отдал Аваза нам.
Я вовсе не стану упрекать тебя,
Ты благородный богатырь,
Ты вооружился [и ринулся] в бой,
Но будешь ты в моей власти,
Пожалеешь, златокудрый, [что начал бой].
Откуда ты родом?
Не из Чамбула ли Гуруглишаха?
Если есть в тебе мужество — выходи вперед!
На твоих губах молоко еще не обсохло,
Я же Ашкаршах — властелин мира!
Сокрушу я тебя одной стрелой,
Вгоню тебя в землю.
Моя палица вознесена кверху,
Иди, ступай в Чамбул, к шаху,
Приведи сюда Ширмо,
Приведи светозарную Гульсум,— сказала,—
Отдай мне их в подарок в придачу к твоему коню».
«Из-за меня, Ашкар,—ответил Аваз,—
Не осталось на свете богатырей.
Я посажу тебя в темницу,
И только прах останется от тебя.
Не запугивай же меня, Ашкар!»
Сошлись они друг с другом,
Зелено-красная земля стала черной.

Надела она наконечник на стрелу
И [нацелилась] в грудь Аваза-юноши.
Разлетелась стрела на кусочки.
Сняла меч с пояса,
Закусила губу,
[Что есть силы] ударила Аваза так, что
Искры посыпались во все стороны,
[Даже] земля осветилась, друзья!
Аваз хохочет: «Ха-ха!
Таков твой удар, Ашкаршах?»
[Тогда] подняла она палицу над головой,
Ударила Аваза с такой яростью,
Что из глаз его [ручьем] потекли слезы.
Второй удар нанес богатырь.
Закусил Аваз губы зубами,
Из обоих ноздрей юноши
Кровь полилась рекой на поле боя.
Сказала девушка: «Не рассчитала,
Слишком сильно ударила тебя нечаянно».
Аваз повернулся и взглянул на нее:
«Ударь еще разок, Ашкар!»
Еще один удар нанесла она яростно —
Осел конь в землю до бабок.
«Теперь,— сказал [Аваз],— наступил мой черед!»
«Что ж… ударь,— отвечала,— ты царевич!»
Пришел в ярость Авазхан.
Так привстал на стременах [Аваз],
Что от гнева этого льва
Ремни натянулись, как проволока, братец!
Раздается гром боевого барабана,
Бряцание лат царского сына.
Обернулась девушка и смотрит —
Пасть коня подобна огромной пещере,
Из пасти валит дым столбом,
Увидела копье в руках у богатыря,
Испугалась сильно девушка.
А Аваз говорит коню:
«Ты вскормлен человечьим молоком,
Будь же начеку,
Чтобы не попасть в плен!
Но если [враг] — красавица,
То, когда я буду наносить удар,
Ты отводи мой удар!»
Так учил он своего ветроногого коня,
А тот внимал словам царского сына.
Высекает копье пламя,
Так ударил он по «Ашкаршаху»,
Что латы того разлетелись на кусочки,
Но вороной конь сдержал себя,
Восемнадцать забрал взлетело вверх,
Показались ее локоны,
Восемнадцать прядей вьются вокруг лица красавицы,
[Но тут же] трон взлетел в небо.
Посмотрела Зарина сверху
И пропела оттуда такую газель*:
«Темной ночью, о баловень, любовь наполнила мою грудь,
Мечом, палицей и в шлеме своими руками я бой вела.
Но устыдилась я, ошибку совершила я,
Не преследуй,— сказала,— меня,
Претерпишь бед немало».
«Не такой я человек,— сказал Аваз,—
Чтобы ты сверху меня запугала.
Я узнал тебя — ты Зарина,
Твой стан — украшение вселенной.
Не такой я ничтожный человек,— сказал,—
Чтобы испугаться твоих угроз,
Иди, а я пойду в твою страну,
И ничего я не боюсь!»
«О ты — соловей садов, ты направился в мой сад,

Так послушай же,— сказала девушка,— задумал тяжкое ты дело,
Я накину веревку тебе на шею, тебя схватят палачи,
Ударят по шее мечом, тело твое утонет в крови.
Отец мой — богатырь, попадешь ты на виселицу».
«Я — соловей садов, я направился в твой сад.
У меня — одна душа, и ее готов принести,—сказал — в жертву тебе,
Так зачем же перед ловушкой твоего отца испытывать мне страх?
Твое прелестное лицо я, Зарина, увидел, узрел,
Зря ты со мной так много разговариваешь, я направляюсь к тебе».
[Тут] девушка взлетела и исчезла.
Аваз же воскликнул: «О ветроногий,
Душу свою я отдам за тебя,
Я жизнь свою провел
На седле твоем, ветроногий.
Нет у меня ни старшего брата,
Ни младшего нет.
Ты сбереги мою честь!
Куда ж исчезла Зарина?
Мы пойдем с тобой в безводную степь,— сказал,
Ближе к реке».
Сквозь одну степь проскакали,
Проехали через другую,
На перепутье увидели
Нищего-каландара:
«Не подашь ли мне милостыню?
Если дашь мне милостыню,
Проезжай через степь, проходи!»
Аваз повернулся и каландара
Смерил взглядом:
«С каландарами,— сказал он,—
Я не дружу!
Если я обнажу свой меч,
То снесу тебе голову [с плеч].
Я возьму твси отрепья,— сказал,—
Твой колпак брошу в свой хурджин *
И твою кружку для подаяния,— сказал,— заберу.
А с ней и твой священный камень и чильтор *,
Голову твою снесу и брошу в степи,
Тело твое отдам воронам [на съедение]».
Каландар сказал Авазу:
«Большая у меня семья,
Разве нет в тебе жалости?
[Ведь] ты же не подлый разбойник!?
Если ты снесешь мне голову с плеч,
Станут мои дети несчастными.
Если же ты дашь мне милостыню,
Век я буду,— сказал,— тебе благодарен».
Аваз долго думал
И горсть золота из кармана
Бросил он в кружку старцу.
Отъехал Аваз от каландара,
Отъехал, стегнув плетью [своего коня].
Девушка же, прочитав заклинание,
Поднялась на своем троне в небо [и сказала]:
«Я нарядилась в колпак и отрепья,
Вот почему ты меня не узнал.
Оказала тебе несколько слов,
Ты бросил в мою кружку золото.
Не следуй за мной, глупец,
Попадешь ты в беду!»
Аваз сказал: «Я не вор,
Я возьму тебя [открыто], посажу верхом,
И поеду в Чамбул,-— сказал,—
Я приму позор на свою голову.
Когда поеду в страну твоего отца,
Я буду поступать как лев,
Посажу тебя сзади себя на коня,
Затем,— сказал он,— увезу тебя
И привезу тебя в Чамбул,

Отца своего ублаготворю».
Девушка летала по небу
И смотрела на него:
«Златые кудри у него,
И шах его отец,— говорит,—
Он, видать, не любит меня,
Он не полюбил меня».
Потом, поднявшись над его головой,
Девушка совсем исчезла.
Сошла с трона девушка,
Расположилась в своем шатре.
Вернулись ее подружки,
Увидели златокудрую:
«По степи она ходила,
Лица на ней нет, почернела вся,
В кого-то влюбилась, видать,
Эта царская дочь».
Сказала Зарина девушкам:
«Как бы вам не осрамиться,
Я бродила по степи,
Там дул северный ветер.
Вот и не стало на мне лица.
Да кто же влюбится в меня?
Сила моего отца [известна] во всем белом свете,
Кто решится познакомиться с отцом моим,
Лежать тому под могильным камнем».
Затем сказала Златописаной
Одна кудрявая девушка:
«Что же ты не признаешься?
Я подымусь на минарет*,
С его вершины позову твоего отца,
Дочь твоя, скажу, села на трон,
В поднебесье улетела, послушай.
Влюбилась она в кого-то,
Лицо ее потемнело».
Так они беседовали друг с другом.
В шатер, будто невзначай,
Зашла другая девушка, вестовая:
«Я твоя вестовая,
Юношу я встретила,
Подружка, в степи,
Там, где ты гуляла.
Он отпустил своего вороного коня,
Я видела его золотые кудри,
Какой же красавец этот юноша».
Девушка [Зарина] сказала: «Не лги!
Попусту не болтай,— сказала,— несчастная,
[Ведь] из-за страха перед моим отцом
Голова дэва на горе валяется,—
Сказала,— ни один человек
Сюда не приведет коня».
Девушки рассмеялись
Громким смехом: «Ха-ха!»
«Каждое его плечо,— сказала вестовая,—
Как оно прекрасно, я видела сама,
И доспехи его я видела,— сказала,—
Он убьет твоего отца, красавица,
Каждая жила на его лбу,— сказала,—
Дрожит от ярости».
Златописаная посмотрела и рассмеялась:
«Твои слова мне по душе,
Пока я буду жива,
Я не прогоню тебя».
Снова девушка рассмеялась:
«Сделай, как скажу тебе, подружка,
Я прочитаю заклинание,
И станет он юродивым,
Распевая, он придет,— сказала,—
К нашему шатру.

О том, что я сделаю,
Не дознается падишах,
Я посажу его в шатер.
Не брани меня, красавица,
Сослужи мне службу».
Зарина повернулась к подружке
И ласково взглянула на нее:
«Если ты моего друга,
Приведешь,— сказала,— из степи,
Я сделаю так,
Что ты станешь старшей над всеми [прислужницами]».
Девушка встала с места,
Прочла заклинание, послушай-ка,
Втихомолку отправилась в степь,
Никто ничего не заметил,
Пошла девушка в большой сад:
«Скажи-ка,— обратилась она,—баловень-всадник,
Отец твой мусульманин
Или какой-нибудь,— сказала,— неверный?»
«Зачем так грубо говоришь со мною,
Проклятая девушка-цыганка?
Я никого не боюсь здесь
И ни перед кем я не в долгу!
Зовут меня Аваз,
Отец мой полководец,
А пришел-то я сюда
Ради Златописаной Зарины».
«Коль ты ради Зарины пришел,
Так пойдем вместе, орел,
Я буду тебе,— сказала,—
Тысячу раз благодарна».
«Уходи, девушка,— отвечал Аваз,—
Не подглядывай за мною,
Девушка, подобная тебе,— сказал он,—
Недостойна меня.
Я человек боевой,
В голове у меня лишь битвы,
Сугдун-пахлаван,— сказал,—
Падишах над несколькими странами,
Сугдун, говорят, большой богатырь.
Не ходи со мною, красавица,
Попадешь в беду».
Сказала Авазу девушка:
«Я раскрою тебе кое-что, могучий лев,
Я дам тебе другую одежду,
Если войдешь,— сказала,— в город,
Никто не узнает тебя».
Долго думал Аваз…:
«Хватит разговаривать, красавица,— сказал,—
Иди и садись в шатер.
Не подглядывай за мною,— сказал,—
Я сам пойду вслед за тобой».
Девушка пошла к шатру.
Аваз опять долго думал.
Надел Аваз на голову колпак,
Прикинулся каландаром.
Накинул на коня попону —
Стал и конь неказистым,
Повисли уши у него.
Залез Аваз на коня,
Пристроил свою нищенскую переметную суму,
Повернулся «каландар» и посмотрел:
«Да стану я жертвой твоих четырех копыт, животное,
Ведь накормлен ты человечьим молоком,
Нет у меня братьев, ни старшего, ни младшего,
Нет у меня никого, животное,
Нет у меня здесь наставника,
Ухвачусь я за твои поводья, ветроногий,
Копье мое стало подобно посоху».

Проехали они через сады,
Направились к воротам,
Доехали до Карадарахта,
Увидели черный лес.
Пересек его сын Гуруглишаха.
Увидел волшебную реку,
Птицы волшебные летают по воздуху.
Соорудил Аваз мост.
И переехал мост на коне.
«Животное, что уготовано нам судьбою?
Сделаем так,— сказал,— животное,
Мы подойдем к воротам,
Направимся к девушке,
Никто не станет нас бранить».
Показались они у ворот,
Увидели их привратники:
«Уж больно жалок этот нищий,
Снимем-ка цепи с ворот,
Пусть заходит нищий за подаянием».
Один из них засмеялся: «Ха-ха!
Кто говорит, что это жалкий нищий?
Это царевич большеглазый,
Этот храбрец — сам Аваз.
Очень он силен, и конь его тоже,
Едва он проникнет в город,
Как все тут разгромит!
Аваз сказал: «Я старый человек,
Как бы не осрамиться тебе, неверный!
Я,— сказал он,— легок, как пух,
Было нас двое каландаров,
Повстречался нам Аваз,
Брата моего младшего он связал в безводной пустыне.
А я остался один-одинешенек,— сказал,—
И пришел я к вам,
Отворите же мне ворота!
Я буду безропотно дожидаться,
Ведь я беспомощный старик».
Отворили ему ворота.
«Не пойду я»,— сказал тут конь.
Бросились, взяли его за узду,
Пнул его посохом «немощный»,
Закусил он губы
И так, говорят, прыгнул,
Каблуками пришпорив коня, братец!
«Пропади ты пропадом, каландар!»
Аваз пошел на базарную улицу,
Так прекрасно он запел,
Что всех людей очаровал.
Девушки взяли кубок, полный золота,
И высыпали «каландару» в переметную суму.
Осмотрели его суму —
Высыпалось, говорят, оттуда золото.
Девушки с изумлением сказали:
«Пропади он пропадом, подружки,
Порванная сума у юродивого,
Кладешь туда золото, а оно высыпается.
Он курильщик опиума, этот путник,
Он словно одурманен бангом* этот каландар,
У него на голове — высокий колпак,
Но поет этот дедушка словно соловей».
Девушка из шатра выглянула:
«Да буду я жертвой его колпака,
Когда он пел свою дервишскую песню,
Он всю душу мне разбередил»,— сказала.
Девушка сказала подружке:
860 «Я скажу юродивому один байт*:
Если он влюбленный, то он [меня] поймет».
«Есть у меня шатер, он окаймлен разноцветной бахромой,
Атласных одеял и парчовых очень много у меня.

И подушек пуховых без счета у меня.
Нежны уста мои, зубы — перлы и жемчуга,
Сияют розовые ланиты мои, словно сверкающий месяц,
На мою белую шею взгляни: словно снег в горах».
Посмотрел на нее «каландар»
И пропел он девушке такие байты:
«Не такой я человек, чтобы
Взирать на твой шатер,
Нет у меня ног, чтобы
Подойти к твоей постели,
Нет уст у меня, чтобы
Встретиться с твоими устами,
Нет глаз у меня, чтобы
Глядеть на твои ланиты,
Нет рук у меня, чтобы
Обнять тебя за шею,
Так к чему же ради тебя
Совершать мне тяжкий грех?»
После этого он пустился [бродить] по улицам,
Стал озираться по сторонам,
Увидел арочные ворота,
На створках этих ворот
Он увидел три золотые бляхи,
Остановился он
И запел дервишскую песню.
Прекрасный голос «дедушки»
Дошел до слуха девушки.
Взглянула она на своих прислужниц:
«Подойдите-ка,— сказала,— к золотому трону,
Посмотрите сквозь зубцы на стене —
Что это за каландар?»
Две девушки взяли свои туфли.
И вот, смотри, они уже идут.
Поднялась на трон,
Посмотрела на «дедушку»:
«Очень жалок он,-— сказала,—
Все его страшное лицо в оспенных следах».
Оглянулся «каландар»:
«Охаяли меня, девушки,— сказал,—
Дайте-ка я спою байт,— сказал.
Чтобы послушали эти девушки:
,,Я соловей садов, перед дворцом твоим я пою,
Я несчастный нищий у ворот твоих стою в шн I
Девушка услышала этот байт,
Посмотрела на «дедушку»,
Потом, раскрыв уста,
Спела ему такой байт:
«Ты соловей садов, ты поешь в моем саду,
Я дам тебе [груду] золота величиной с гору Каф, но ты не знаешь цену золоту,
Ты влюбился в меня, ты мой дорогой возлюбленный.
Приходи и воссядь на мой трон, хоть ненадолго, будешь моим гостем»
Прислужницы сказали: «Подружка,
Каландар такое же поет.
Он помнит все строчки песни,
Он понимает их смысл.
[Но уж] очень безобразен он лицом!
Дай юродивому милостыню,
Неспособен он к хорошей беседе,
Недостоин он этого дома».
«Если бегом,— сказала [Зарина],— не побежите
И не приведете ко мне дедушку-каландара,
Я вас обеих,— сказала,—
Сброшу с высокого минарета,
Разрублю вас на части,
Эй, бедовые цыганки!
Бегом,— сказала,— бегите, девушки!
Надевайте на ноги туфли с носками,
загнутыми полумесяцем,
Спускайтесь вниз по лестнице,— сказала,—

Откройте ворота для дедушки,
Узду примите из рук каландара.
Нечего больше глазеть,— сказала,—
Утром рано его и приведите,— сказала,—
В ворота,— сказала,— и пусть входит,
Приведите его на мою улицу,
Ничего,— сказала,— не бойтесь!»
Девушка надела туфли на ноги…
940 «Бог с тобой,— говорит,— подружка,
Черный колпак его безобразен,
Да пропади он пропадом,— сказала,—
Срам-то какой,— сказала девушка,—
От этого вонючего юродивого!»
Еле отрывая ноги от земли, нехотя
Поплелись они из дому,
Спустились по лестнице,
Открыли ворота,
Крепко схватив под уздцы,
Потащили коня за собой:
«Да это животное и ногами,— говорят,—
Передвигать не умеет».
Каландар обернулся и посмотрел на них:
«Чтоб вы подохли черной смертью, сестрицы,
Заморочили вы мне голову…
Да не зайдет больше в ворота
Это животное,— сказал,— разве вы не видите?»
Взглянули обе девушки:
«Дохлятина,— сказали,— а хитер.
С нами-то он заигрывает,
А сам всегда готов выкинуть какую-нибудь штуку…»
«Пойдем, подружка,— сказала,—
Поплачемся перед ним,
Погладим ему хвост и гриву,
Поплачем, попросим его —
Может быть, послушает животное
Нашу мольбу».
Одна девушка встала спереди,
Другая встала позади,
Потом поцеловала девушка
Челку коня,
Погладила его сзади
От хвоста до ног,
Потом стала переставлять его ноги.
«Кто,— говорят,— этого „ветроногого”
Проведет по улице,
Этакую заморенную скотину, друзья?»
Довели, наконец, до ворот,
Раскрыли прекрасные ворота,
Потом втащили туда коня,
Поместили его в конюшню.
Под ногами у него и мраморный камень,
И кормушка высокая перед ним:
«Да будет наша душа жертвой его челки!
Нечего больше глядеть, подружка,
Семь бархатных торб,— сказала,—
И еще принеси ему кишмишу,
Высыпем ему в кормушку,— сказала,—
Пусть поест этот „ветроногий”,
Не то обессилеет,— сказала,— подружка,
Это жалкое животное.
За ним и ухода-то не было никакого».
Одна из них сказала:
«Человек должен быть послушным».
Девушка быстро побежала,
Вышла на улицу,
Вошла в кладовую,
Взяла кишмиш, тут же вернулась.
В торбах — сахар и кишмиш.
Всыпали в кормушку коню.

Конь взял на зуб кишмишинку,
Взяло ее из кормушки животное,
Нетронутым выплюнуло изо рта,
Снова бросило в кормушку.
«Подружка,— сказала [одна прислужница],— погляди-ка на него:
Мы так много трудились,
А конь кишмиш нетронутым выплюнул,
Пусть подохнет сын отца хозяина коня!
Разве я не говорила, что он очень стар!
Он — уже мертвая дохлятина,
Он так и умрет в этой конюшне,
А зловоние от него распространится по всем улицам и базарам.
За это зловоние,— сказала,— перед Златописаной
Мы будем в ответе».
«Знаешь ли, подружка,— сказала,—
Что нужно человеку?..
И за сотню таких с колпаками
Не отдам я этого каландара,—сказала,—
Привел он какую-то старую скотину.
Если она подохнет,—сказала,— подружка,
Ему заботы мало,
А мы с тобой в ответе.
Скажут — мы слишком сильно его за узду потянули,
И век мы будем в ответе
За его зловоние перед Златописаной».
Каландар посмотрел на девушек:
«Сугдун, властитель, падишах,
Если отправлюсь наверх, к его трону,
И он снесет мне голову с плеч,
То за это вы не будете в ответе?»
Девушка оглянулась, посмотрела,
Так сказала Авазу:
«Мы поднимем трон на воздух.
Мы ведь все волшебницы.
Мы устроим тебя на троне, каландар.
Когда дознается Сугдунча, — сказала,—
Я подниму тебя наверх—
Он, могучий, ничего и не обнаружит».
Красавицы пошли вперед,
Сзади идет «каландар».
Дошли до минарета.
«Иди,— сказали,— каландар, наверх!»
«Сестрица,— ответил он,— поясницу ломит у меня,
Я „беспомощный старец”,
Не могу я подняться по ступеням,
И руки и ноги у меня дрожат.
Если поднимусь я вверх по ступеням,
То руки мои и ноги, сестрица,
Совсем,— сказал,— отнимутся у меня.
Поднимайтесь-ка обе наверх,
Берите меня за руки,
Подтяните и втащите меня наверх,
Проведите меня [как-нибудь], несчастного, живым».
Сказала девушка: «Подружка,
Ведь этот юродивый не свой человек,
Если мы подадим ему руки,
Не осрамиться бы нам из-за него».
А «каландар» снизу посмотрел:
«Если оторву им руки,
То как бы завтра самому не осрамиться».
Схватил он за руки двух красавиц в платках,
Но опрокинулся назад «каландар» в колпаке.
Одна девушка говорит:
«Этому юродивому Подай, подружка, рукав!»
Ухватился за рукав «нищий»,
Но опрокинулся назад —
Две шелковых рубашки
Порвал прямо от плеча.
Заголосили девушки:

«Чтоб подох сын твоего отца, „нищий”.
Что мы сделали тебе дурного?
А ты порвал наши рубашки в клочья!»
Каландар сказал:
«Эй, красавицы, Я не виноват, проклятые!
Вы мне от ношеных шелковых рубашек
Протянули рукава,
Вот они сами собой и порвались»,— сказал.
«Хватит болтать, дедушка,
Ты дурно поступил с нами,
Мы опозорены перед [другими] девушками,
Осмеют они нас!
Иди, иди вперед,— сказали,— дедушка!
И больше не разговаривай с нами.
Осрамились мы обе,
Нам и головы больше не поднять!»
Так расплакались девушки.
Слезы текут из глаз [ручьями],
А сзади них идет «немощный дед».
Спросила девушек Златописаная:
«Почему у вас из глаз слезы текут [рекой]?»
Ответила одна из девушек:
«Мы не жалуемся,— сказала,— сестрица,
Но посмотри-ка на наши рубашки —
Так испортил их нам каландар!»
Тогда обернулась и сказала Зарина:
«Не браните его, подружки,
Пусть немного попоет дедушка,
А рубашек,— сказала,— красивых
Полно в ларях в кладовой.
Мне нужен этот нищий,
Пусть что-нибудь пропоет дедушка».
«Каландар» обернулся и посмотрел:
«Не сердись, сестрица.
Я пришел,— сказал,— издалека,
Я старый, голодный человек,
Принеси мне попить и поесть,
Тогда в мое тело,— сказал,—вернется жизнь,
Тогда мы и поговорим».
Зарина Златописаная сказала девушке:
«Подружка, лети на крыльях,
Я кубок заказала у ювелира.
Я пальца в нем еще не обмочила,
В этот кубок,— сказала,— подружка,
Налей шербета* — и бегом сюда!»
С мест вскочили обе девушки,
Надели туфельки на ноги.
Загрустили обе девушки:
«Колпак дедушки да в сырую землю бы!
Мы умрем от зловония этого каланДара.
Он пришел неведомо откуда,
А мы в конце концов умрем от этой вечной беготни».
Пошли они в погреб,
Наполнили кубок шербетом.
Принесли кубок девушки,
Поставили перед «нищим».
«Нищий» был как пьяный,
Мимо кубка руку протянул.
Зарина сказала нищему:
«Ты слепой, что-ли, дедушка?
Кубок-то находится перед тобой,
Почему ты руку не туда протягиваешь?»
«Нищий» отвечал девушке:
«Слепой я, несчастный,
Я не вижу твоего кубка.
Прикажи этим двум красавицам,
Этим самым прекрасным на белом свете,
Чтобы они не кокетничали со мной».
Обе девушки повернулись и сказали:

«Он, видать, вовсе не слеп, подружка!
Из восьмидесяти девушек
Он нас двоих избрал для себя, сестрица.
Поправь, подружка, локоны,
Румянами подрумянь,— сказала,— обе щеки,
Брови подрисуй,— сказала,- словно змеиный хвост.
Преподнесем кубок дедушке —
Нас обеих избрал он своими кравчими,
Веди себя так, чтобы не попрекали нас потом!»
Поднялись обе жемчужнозубые,
Стан их как гибкая лоза,
Кокетливо подняли они головы,
Поднесли кубок «каландару».
«Каландар» поглядел
На весь их облик лебединый:
«Как он пьет, подружки?
Мне горько смотреть, ей-богу,—
Сказала Зарина девушкам,—
Да буду я вашей жертвой, жемчужнозубые,
Не беспокойте дедушку-гостя.
Гость,— сказала,— лучше всего на свете.
Передо мною и вами.
Пусть всего, что хочет, отведает каландар,
Пусть насытится, сестрицы,
А потом уже мы будем его просить».
Поел и насытился «дедушка-нищий».
Потом Зарина обратилась к нему:
«Старый дедушка, я спрашиваю тебя,
Откуда ты родом?
Ответь-ка мне на мой вопрос!
Да буду я жертвой твоего высокого колпака,
Ты обходил безводные степи,— сказала,—
Все, говорят, города.
Не видал ли ты где-нибудь златокудрого,
Того, что служит украшением вселенной?»
«Не спрашивай меня,— отвечал,—
Несчастный я каландар,
Брожу я по горам и долам
До позднего,— сказал,— вечера, я бездомный,
Ты найдешь его
Во владениях Апгкара»,— сказал.
Зарина спросила «нищего»:
«А город Ашкара близко ли?
Как нам туда попасть, дедушка?
Не посадишь ли ты меня позади себя на коня,
Чтобы отправиться во владения Ашкара?»
«Каландар» сказал: «Мой конь —
Немощная дохлятина.
Если найдет нас
Твой отец-богатырь,
Я от страха не смогу
И спасти тебя, красавица,
Этот Сугдунча-падишах!»
«Я произнесу заклинание,— сказала девушка,—
И трон [мой] поднимется кверху,
Оба мы воссядем на него,
Поднимемся,— сказала,— в воздух,
И не сможет нас достать
Мой отец Сугдунчашах».
Отвечал «каландар»:
«О девушка,
Приготовь-ка доспехи.
Куда бы нам ни пришлось идти,— сказал,—
Не пойдем же мы с пустыми руками».
Приготовила все доспехи,
Незаметно вышла девушка,
Потом, улыбаясь, вернулась:
«Не подтянешь ли подпруги,— сказала Зарина,—
Покрепче прикрепи нагрудные ремни».

Оседлал «каландар» коня.
Приторочил все вещи, говорят,
Положил мягкое одеяло
На ветроногого.
Прочно сел верхом, говорят,
Аваз на коня.
На круп коня за ним взобралась девушка,
Прочно устроилась и она.
Вынул «каландар» золотую веревку,
Обвязал вокруг девушки
И завязал узел на ее груди.
После этого снял он колпак с головы
И крикнул Аваз внутри город[ской стены]:
«Давайте, эй, ловите меня,
Я умыкаю девушку златокудрую!»
На крики Аваза, говорят,
Сбежались люди.
Увидели золотые кудри,
Ниспадающие на спину.
«Это не каландар,— сказали,—
Это Аваз, царский сын!»
Все люди после этого, дружок,
Сели тотчас же верхом,
Загородили дорогу Авазу:
«Куда удираешь, негодяй?
Гляди, чтоб мы тебя за шею,— сказали,—
Живьем не притянули к виселице!»
Аваз [им тут же] отвечал:
«Если кто благоразумен —
Пусть сидит спокойно на своем месте!
От удара моего копья,— сказал,—
Камни разбиваются вдребезги».
Вышел один богатырь,
Возвышается он над Авазом:
«Уж больно ты мастер запугивать,— сказал,—
Весь прочий народ.
Попадешь ты в мои лапы.
Превращу я тебя в прах!»
Аваз сказал: «На крупе коня за мной [сидит]
Златописаная,
Подойди-ка сюда спереди,
Схвати-ка меня за пояс,
Меня вместе с этой девушкой».
Разгневался от этих слов
Этот, говорят, богатырь.
Посмотришь на его рот —
Словно туча на небе.
Схватил он за пояс Аваза,
Изо всех сил ударил Аваза.
Аваз только усмехнулся и сказал:
«Ударь-ка еще разок, богатырь!»
Ударил он булавой, говорят,
Аваза так сильно, говорят,
Что клубы дыма от булавы богатыря
Словно пламя взметнулись в небо,
И словно звезды попадали на землю,
И мир весь, говорят, охватило огнем.
Посмотрел народ:
«Слава этому богатырю!»
Аваз отвернулся и говорит:
«Ударь,— говорит [Аваз],— еще разок!»
Богатырь сказал Авазу:
«Я больше не стану наносить ударов.
Бей ты теперь,—-сказал,— Аваз,
И пускай народ смотрит!»
Заскрежетали, говорят,
Оба стремени.
Бряцают латы, как послушаешь.
Грохочут звенья кованого щита.

Весь народ Сугдуншаха
Заговорил: «Есть, оказывается, силач на свете!
Посмотрите: жилы у него на лбу
Нависли над бровями».
После этих похвал сказали:
«Каково нам с ним воевать?»
А он протянул руку,
Схватил падишахского богатыря,
Три раза дернул его
И бросил оземь.
Разгневался тут, дружок,
Сугдунча—повелитель мира.
Махмудшах сказал: «Эй, Сугдун,
Я сам пойду на майдан!»
Он вышел из ворот,
Этот Махмудшах-пахлаван,
Сел верхом на боевого слона,
Закусил губы,
Сказал: «От моей руки, Аваз,
Ляжешь ты, полный печали, в сырую землю!»
После этого Махмудшах вышел,
Смеясь, на поле.
«Глупо поступил ты,— сказал,—
Пришел бы Ахмадхан,
Пришел бы еще и Юсуф,
Если бы пришел Якубхан,— сказал,—
Вместе с ним был бы Давудхан.
Пришел бы Давудхан,— сказал,—
Был бы с ним и Каршихан.
Пришел бы Каршихан,—сказал,—
Был бы с ним и Карахан.
Пришел бы Карахан,— сказал,—
Привел бы он Огдармышхана.
Пришел бы Огдармышхан,— сказал,—
Привел бы он Туглармышхана.
Татарский шах пришел бы,
С ним бы пришел и Надирхан.
Пришел бы Надирхан,— сказал,—
И все были бы против нас!
Злосчастный ведь ты, таджик!
Ты,— сказал,— нашей крови,
Хоть и попрекают меня
Все на белом свете».
Аваз сказал: «Здесь нечего зря болтать и препираться
Каждый сам себе помощник,
Каждый, у кого есть страсть [к битве]!
Знаешь ли ты,— сказал,—
Я увезу Зарину Златописаную,
Ты один на один,— сказал,—
Выйдешь со мною на бой.
Нанеси-ка, Махмудшах, удар,— сказал,—
Не запугивай,— сказал,— ты меня!»
После этого вступили в поединок
Оба они на майдане.
Махмудшах нанес удар
По голове царскому сыну.
Аваз рассмеялся и сказал:
«Таков-то твой удар, Махмудшах?
Ударь,— сказал,— еще разок —
Ты ведь лев, могучий лев!»
Слон Махмудшаха со всей мочи
Ринулся на майдан.
Закусил [Махмудшах] губу.
Аваз сказал: «Эй, Махмудхан,
И не пытайся спорить со мною,
Быстрее возвращайся обратно,
Сообщи Сугдуну,— сказал,—
Что мы стоим друг друга,
Немножко поиграем друг с другом».

Махмудшах повернулся и посмотрел.
«Нечего,— говорит,— тут запугивать,
Аваз, сын Гурутлишаха,— сказал,—
Мы с тобой вступим в поединок.
[Видал ли ты, как] я целый год воевал,
Я разгромил всю страну Багланшаха,
[Так что ты], сынок, не хвастайся»,— сказал Махмуд
[Тут] Аваз разгневался,
Так нацелил свое копье,
Что от его удара у Махмудшаха-пахлавана
Ни щита не осталось, ни панциря,
Схватил его [Аваз] за пояс,
Стянул его с седла,
Сбросил его со слона,
И так ударил его, друзья,
Что задрожала и земля.
Аваз отпустил удила вороного коня,
Доскакал до ворот эмира:
«Если я сейчас же не выеду в степь,
То я перебью весь народ».
Отворили ему тогда ворота,
Выехал в степь на простор могучий лев,
Словно орел [конь его].
Поехал к роднику
И сошел с ветроногого,
Разбил боевой шатер в степи:
«Если я не выиграю битву,
То вовсе не вернусь в Чамбул».
Зарина повернулась и посмотрела:
«Если выйдет на поле боя,—- сказала,-— падишах,
Мы станем невидимками».
Тогда Аваз обратился к ней:
«Не говори мне таких слов,— сказал он,— девушка,
Я не боюсь никого,
Ни мусульманина, ни гяура.
Родник [там] есть и рощица,
Ты там посиди спокойно,
Какое тебе дело до меня? — [сказал Аваз],—
Я дважды поклялся: не вернусь,
Пока Зарину Златописаную
Не покажу шаху Чамбула».
Девушка повернулась и посмотрела на него:
«Мое желание в жизни,— сказала,—
Точно сбылось.
Разве ты не знаешь,— сказала,— могучий лев,
Что я обладаю многими искусствами, [заклинаниями]».
Пока они оба беседовали,
Пыль поднялась столбом.
Аваз повернулся и увидел:
Прибыли богатыри падишаха.
От звуков барабанов и труб
Земля, говорят, загремела.
Аваз посмотрел в ту сторону
И услышал еще звуки барабанов.
Прибыли прислужники падишаха,
Они несли трон.
Конь тут рассмеялся.
Аваз увидел это и обрадовался, братцы:
«Да буду я жертвой смеха твоего, животное,— сказал,—
Тебя вырастил Гуруглишах,
Ты вскормлен человечьим молоком, ветроногий,
Будь же начеку!
Ты — животное, верный мой конь,
Место свое в бою ты знаешь сам.
Давали тебе и молоко диких зверей,
Так силу мою не убавляй,— сказал,—
Душу мою отдам за твои копыта!
У матери мы одни.
Посмотрим, какова будет наша судьба?

Что бы ни случилось в жизни,
Если я упаду в бою на поле,
На меня,— сказал,— не оглядывайся,
Животное,— сказал,— само будь начеку!
Эти восемьдесят богатырей для нас — ничто!
Только Сугдуна не считай за ничто,
Сутдунча ведь встретился лицом к лицу
С тем дэвом, что влюблен был в девушку.
Будь осторожен, следи за ним».
[Сугдун] послал сюда восемьдесят хитрецов.
Окружили они Аваза, братцы,
Аваз обернулся и поглядел:
«Чего вы окружили меня?
Подходите, давайте поборемся, посмотрим…»
Стали дразнить его богатыри:
«Небольшой он человечек, немощный,
Одно только копье у юноши,
Восемнадцать ножей на поясе.
Мы его сейчас напутаем, друзья»,— сказали.
Потом повернули богатыри
И в ярости напали на царского сына.
День превратился, говорят, в черную ночь.
Аваз повернулся и стал невидимкой,
Потом девушка обернулась и посмотрела:
«Прогуляемся немножко, осмотримся».
Они вместе пошли, голова к голове,
И погнали восемьдесят богатырей.
Как подойдут к какому-нибудь коню,
Каждый из них с седла
Хватал за голову кого-нибудь и сбрасывал.
Аваз-юноша, сам, один
Связал сорок богатырей.
Лишь один из богатырей босой, в одном белье
Успел вскочить на слона
И быстро удрать:
«Сугдунча, послушай мои слова:
Он один сорок человек пленил!»
Сугдунча повернулся и взглянул на него:
«Испугался ты,— сказал,— и удрал!
Аваз ведь,— сказал,— один-одинешенек,
А вас сколько? — сказал,—
Не иначе, как струсили вы, негодяи!»
«Падишах, выйди,— отвечал,— и сам посмотри,
Ты узнаешь силу его ударов,— сказал,—
Он сидит на мраморном седле».
Усмехнулся Сугдунча:
«Я возьму в плен богатыря,
И над всеми вами сделаю его старшим!»
«Ты бахвалишься, падишах,
Я же сам испытал его силу.
Ты не знаешь ее,
Возвращайся обратно в город,
Он всех нас уничтожит!»
Сугдунча рассмеялся:
«Ха-ха! Трусы вы все,— сказал,—
Испугались одного царского сына!
Больше не сражайтесь, хватит с вас,— сказал,— друзья,
Оставьте его, пусть берет наше деревце,
Зарину Златописаную,— сказал,—
Я уготовил царскому сыну.
Уничтожит он всех вас.
Богатырская красота у него,
Во сне увидел он Златописаную,
Наяву он нашел свою любовь.
Вторгся он в ваше царство,
Он всех вас в клочья разорвет,
А Златописаную,— сказал,— похитит».
Приказал он своим конюхам:
«Приведите сюда боевого слона!»,— сказал.

Привели к воротам слона,
Снарядили его для боя.
После этого осмотрел его Сугдунча:
Увидел палицу, притороченную к седлу,
Висит и боевой барабан,
И, глянь, тяжелый панцирь,
Шлем с забралом.
Сугдунча выехал:
«Мы пойдем на поединок,— сказал,—
Все для сражения готово!»
Вышел величественный падишах,
Двое стремянных наготове.
Уселся на слона,
Посмотрел в обе стороны:
«Очень силен этот царевич,
Испугались,— сказал,— все богатыри,
Ни к чему оказались ни палица, ни меч.
Очень сильным,— сказал,— посчитали царского сына!
Оба мы сядем верхом, животное,
На Аваза я посмотрю,
На Аваза я погляжу,
Посмотрю, какие у него доспехи, снаряжение.
Хвалят его люди.
А я его вовсе ни разу и не видел».
Вдел он ноги в стремена,
Сел верхом на слона.
Земля превратилась в прах,
Слон осел до щиколотки, братцы,
Посмотрели, говорят, что случилось —
Сутдун пришел в ярость:
«Жалко,— сказал.— царского сына!»
Сугдун выехал из города,
Люди все стоят, прижав руки к груди,
Восхваляют его, братцы,
Люди говорят: «Аваз молод еще,
Хотя и лев по мужеству,
Если схватит его падишах,
Забросит его за три версты,
Жаль его кудрей»,— говорили.
Сугдунча выехал на майдан,
Раздался свист стрел с обеих сторон,
Звуки барабана поднялись к поднебесью.
Сугдун увидел Аваза:
«Жаль этих кудрей,— сказал,—
Кто тебе велел, чтобы ты пришел сюда?
Ведь слух обо мне,— сказал,— везде прошел».
«Не считай меня маленьким,— отвечает Аваз,—
Раз ты пошел на меня войною,
Мы будем сражаться друг с другом.
Давай биться, сидя на коне.
Какое бы геройство ты ни проявил, падишах,
Но и я все равно упорен буду.
Бери Златописаную с собой,
В Чамбул сам приезжай и там прояви геройство».
Сугдун сказал: «Что говоришь ты?
Мало было предосторожностей тебе?»
Раскрыл грудь Сугдунча,
Показал царскому сыну:
«Ударь меня в грудь,— сказал,—
Может, твой удар придется впору.
Сбросишь меня с седла!»
Аваз же сказал Сугдуншаху:
«Ты голову дэва отсек в воздухе.
Я знаю твою силу, падишах,
Я твой раб и слуга,
Я прижимаю руки к груди.
Ударь меня покрепче.
Ты — правитель, а я — каландар».
Сугдунча впал в ярость, друзья,

Не стал глядеть больше,
Выпустил он свои каленые стрелы,
Сотрясаются панцирь и латы,
Стрелы попадают в Авазхана.
Семь ударов нанес, говорят, падишах.
Стрелы разлетелись вдребезги.
«Яростнее наноси свои удары, падишах!» — сказал [Аваз],
Выхватил свой меч
И так ударил им Аваз,
Что слон богатыря заревел:
«Я нанес удар по полководцу,
Да умрет твой сын,— воскликнул,— наездник на слоне!»
Встал конь Аваза твердо — и ни с места!
«От удара моего ты взвоешь!»
Сугдунча даже не взглянул на него,
Потом поднял черную палицу:
«Сейчас ударю царского сына,— сказал,—
Вгоню его в землю».
Аваз прикрылся щитом. 1570 Стал просить Аваз:
«Не двигайся с места,—
Сказал Аваз коню,—
Чтоб никто не смог нас ни в чем упрекнуть».
Сутдунча-богатырь ударил
По кованому щиту,
Пламя в небо полыхнуло,
Из глаз Аваза слезы потекли ручьем.
[А Сугдун] нанес ему еще один удар,
С гривы коня пот рекою заструился.
Призадумался крепко [Сугдун]:
«Хоть и мал он, но искусен.
Называют Сугдунчу могучим верблюдом,
А по силе Аваз равен ему».
Повернулся Аваз и посмотрел:
«Ударь,— говорит,— еще разок!»
Сугдунчашах сказал Авазу:
«Прошло мое время в этом мире.
Я,— сказал,— тебя увидел впервые,
Слава,— сказал,— твоей силе!
Если бы не был ты таким сильным, орел,
То после того, как я сел в седло,
Ты исчез бы с лица земли!
Я восхищен тобою,— сказал царь,—
Ни палицы ты не испугался, ни стрел.
Ведь я,— сказал он,— ударил тебя яростно мечом.
Земля стала, словно вспаханная,
Ты же над головою держал только щит,
И не побежал ты от меня в сторону.
Слава твоему благородству,— сказал,—
Все, что ты ни сделаешь, будет благословенно.
Давай, дружок, немного побеседуем».
Аваз повернулся, прижал руки к груди.
«Дорог мне этот юноша,— сказал Сугдун,—
Я сложил свои рассказы.
Оба они были мужественными бойцами».
Поле боя стало зрелищем.
Тут Аваз подошел, ликующий,
Звенят стремена, мои друзья,
На какой ремень ни посмотришь,
Словно играют они у седла.
Люди не насмотрятся:
«Велико же его мужество!»
Отбил он каленые стрелы [Сугдуна]
И ударил по Сугдунче-пахлавану.
Он даже, говорят, не пошевелил губами.
Выхватил свой меч с золотой ручкой,
Разъярился Аваз.
Если посмотришь на землю,
Земля закипела, братец.
Так он ударил Сугдунчу,

Что огонь метнулся из-под удара!
Стали хвалить Аваза все, от мала до велика:
«Поглядите на удары этого юноши:
Он удар такой наносит,
Что [от него] камень вдребезги разлетается».
Поднял Аваз свое копье над лукой и гривой,
Положил между ушами ветроногого,
Гневно закусил губу:
«Чу*-чу! — сказал,— верное животное,
Не осрами меня, крылатый,
Твоими конюхами будут семь девушек,
Пущу тебя на весенние тюльпаны,
Будешь пастись на траве-мураве.
Твою бархатную торбу, животное, леденцами я заполню
Да будет душа моя жертвою твоих четырех копыт,
Под ногами у тебя будет мрамор,
Будут пестовать тебя в конюшне».
Так наставлял он животное,
А конь внимал ему,
Пришло в волнение животное,
Столкнулись два богатыря,
Гляди, ударил своим копьем Авазхан —
Дым поднялся к поднебесью.
Разорвал на теле латы.
Разбил мраморный панцирь вдребезги —
Летят в поле осколки, словно град.
Такой удар получил Сугдунча, братцы,
Что пот ручьями заструился с него.
«Силен, оказывается, сын султана,— сказал Сугдун,—
Он из страны Хатлан *,
А проживает он в Чамбуле».
Но никто из них еще не вышел победителем.
Схватили они тогда друг друга за пояса,
Вздыбились оба крылатых коня,
“Сплелись они, как две змеи,
Сцепились один с другим ухо к уху,
Кони так изрыли землю, что из нее вода засочилась.
«Что ты делаешь, конь?» — сказал Аваз.
Так стегнул он коня плетью,
Что задрожало животное,
Взвилось высоко над полем.
Царский сын заставил его вновь опуститься,
Вода из-под копыт потекла ручьем,
Длина ручья более сорока аршин.
Опрокинул Аваз богатыря Сугдуна,
Выбил его из седла,
Повалил его наземь на майдане,
Выхватил свой меч из ножен
И сказал Авазхан Сугдунче:
«Я голову тебе снесу, богатырь!»
А Сутдунча поглядел на Аваза:
«Попал я,— сказал,— в твои руки,
Сто раз слава твоей силе!»
Поглядел на него Аваз,
Сказал: «Не стану я тебе голову рубить,
[Но] страна твоя будет подчиняться Хатлану.
Меня послал мой отец.
„Покажи,— сказал отец,— свою силу
Этому Сугдунче-пахлавану!”
И, вот, мы встретились,— сказал,—-лицом к лицу,
Повоевали мы немного друг с другом,
Ни в чем нельзя нас упрекнуть.
Долго ты пугал меня,
Так и не напугал.
Если бы я не повалил тебя со слона,
То не отобрал бы твое снаряжение,
Верхом отвез бы тебя я
И задал бы тебе страху!
Сказал я: „Пусть увидит мою силу”.

А сейчас бери,— сказал он,— своего слона
и садись верхом,
Мы вместе поедем. Послушай-ка,— сказал,—
Зарина Златописаная мне говорила,
Что много у нее врагов —
[Так] пусть она не говорит: „Он привел
моего отца пленным”.
Я приведу тебя в седле верхом
И покажу всем богатырям.
Пусть они скажут: „Этот юноша-всадник
Сам мал, а мужество его велико.
Пусть похвалят его богатыри».
Подружились они друг с другом.
Объявил Сугдунча-пахлаван:
«Будь то царь или нищий,—сказал,—знайте все:
Могуч этот юноша,
Он стянул меня с седла,
Он бросил меня наземь на майдане,
Он поднял свой меч с золотой рукояткой,
Он снял бы мне голову с плеч,
И не нашли бы вы меня,— сказал,— друзья.
Мы шли на бой в далекий путь,
Показал мне силу свою этот юноша.
От силы его удара я чуть не ослеп.
Слушайте внимательно,— сказал,— мой народ,
Я скажу вам свое слово:
Я полюбил этого царевича,
Отдал ему свою дочь — пусть будет это на благо».
Зарина, цветок златописаный,
Воздала тут благодарность златокудрому:
«Возлюбленный сердца моего,— сказала,— любовь мои,
Тысячу раз я буду твоей жертвой»,— сказала.
Сугдунча сказал: «О юноша,
Я устрою большой свадебный пир,
Нет ведь у меня никого на свете,
Есть у меня лишь младший брат и одна дочь,
И ты стал мне сыном».
Потом повернулся Аваз и посмотрел:
«Благослови нас, коли ты согласен.
Если мы поселимся в Чамбуле,
Мы оба найдем там свое счастье,
В степи мы не останемся, на поле.
Послушаем же, что скажешь ты нам?»
Сугдунча благословил его:
«Благоденствие,— сказал,— на белом свете
Пусть будем уделом такого богатьфя, как ты»,
Потом благословил всех, от мала до велика.
И дал Сугдунча-пахлаван согласие на брак.
Аваз-юнец пустился в путь,
Промчался, скажут, он через холмы,
Как стрела, пущенная из лука.

IV. СКАЗ О ЖЕНИТЬБЕ АВАЗХАНА

Поведем рассказ про Авазхана,
Хасанбека и Шадмана,
Про сладкоголосого Саки-бобо *.
Когда выступал Гургули-султан в поход,
Саки прославлял его по всему свету.
Падишахами в Чамбуле были Ахмадхан,
Гулюсуф и Карахан,
Каххарбек и Зухурхан,
Было их семь братьев-падишахов.
Приказали они своим людям:
«Приведите мулл* и ишанов*,
Славных военачальников,
Устроим пир для Ахмадхана!»
***
Начался у Ахмадхана пир,

Толпами сошелся народ Ахмадхана,
Все джигиты и мужественные воины,
Каждый туркмен верхом на коне.
Для козлодрания бросили на большой майдан тушу козла.
Повара занялись приготовлением яств,
Одни расстилают дастархан,
Другие готовят чай.
Гул от козлодрания поднялся к поднебесью.
Воссел на трон Гуруглишах-султан.
Саки впереди, а за ним — Авазхан,
Поклонились Гургули.
«Проходите,— сказал он,— дорогие дети!»
Сели перед Гургули четверо молодцев.
Разостлали перед ними дастархан,
Прижал Авазхан руки к груди:
«Есть у меня просьба к тебе,— сказал он,—
Разреши, дорогой отец,
Дай мне в подарок коня —
Ведь пир устроил мой дядя Ахмадхан,
Мы отберем козла у туркменов».
Не дал им подарка Гургули-султан:
«Вы молоды еще,— сказал он,— дорогие дети».
Краска сбежала с лица Авазхана,
Загрустили Хасан и Шадман.
Подошли Агаюнус и Ширмоойджан
И поклонились Гургули:
«Опечалил ты четырех молодцев,— сказали они,—
Прикажи Саки,
Пусть оседлает им скакуна,— сказали,—
Ведь мы бездетны, светлейший,
Эти четверо юношей наши с тобой дети».
Приказал Гургули Саки:
«Оседлай,— сказал,— коня Булкира!»
Направился Саки
В конюшню к скакуну.
Приказал двум девушкам,
И взяли они под уздцы бессловесного [коня],
Повели его в поводу две луноликие красавицы.
Мраморным гребешком его расчесали,
Круп животного веником почистили,
Голову и морду коня платком обтерли.
Саки набросил на него бархатный потник,
С двух сторон подложили подседельники,
Мраморное седло с лукой на него возложили,
Семь подпруг на могучем коне подтянули,
На голову животного уздечку надели.
А для Шадмана [коня] подвели Гулибодом.
Нарядили Авазхана,
Хасанбека и Шадмана.
Две пряди свисают у Аваза на грудь,
А стан его — гибкая лоза,
Красота его подобна ясному месяцу,
Словно звезда она, что отражается ночью в озеро.
Сел он верхом на коня,
А с ним Хасан и Шадман,
Направились к торговым рядам Чамбула.
Вот показались они у Ахмада
На большом майдане.
Люди Ахмада сбежались,
Взяли под уздцы коня Авазхана.
Поклонился он Ахмаду.
Ахмад приказал:
«Подайте хорошее угощение детям Гургули-султана!»
Забегали люди Ахмада,
Принесли богатый дастархан с угощениями.
Выпил Аваз с туркменами.
Тут с места вскочил Шадман,
Увидел, что козлодрание началось на майдане:
«Братец,— сказал он Авазхану,—

Разреши-ка мне поскорее,
Дай-ка мне коня,
Я унесу козла Ахмадхана».
Краска сбежала с лица Аваза, побледнел он как смерть:
«Если не дам ему султанова вороного коня,
Неблагородным сочтут меня повсюду».
Дал ему коня — сел верхом Шадман,
Помчался за козлом Ахмада.
Приказал тут Юсуфхан
Всем туркменам, от мала до велика:
«Безродные чужаки — эти дети Гургули-султана,
Попрошайки они и рабы,
Пропустите их,
Пусть выезжают на майдан,
Заманите их в ловушку,— сказал Юсуфхан,—
Одолейте их и опрокиньте,
Пусть сломают себе руки, пусть размозжат себе головы,
Пусть и духа их не останется
В Чамбули-мастане!»
Пропустили Шадмана.
«Мчись,— сказали,— сын султана!»
Дали Шадману ухватиться за ногу козла,
Окружили его игроки в козлодрание,
Погнали его на большой майдан,
Вышибли его из седла,
Бросили Шадмана на майдане.
Мигом подбежал Хасан
И принес его к Авазхану.
Шадман был полуживым,
Из головы его сочилась кровь.
Аваз приказал:
«Приведите ко мне вороного султанова коня».
Привели вороного коня Авазхана,
И приказал он Хасанхану:
«Покрепче седлай коня!»
Шапка на голове у Аваза, опоясан он кушаком,
Двухвостая плеть в руках у него,
Сел верхом на коня,
Ринулся на майдан, где было козлодрание.
Юсуф увидал это и рассмеялся,
Приказал игрокам в козлодрание:
«Будьте джигитами и богатырями:
Отправился на козлодрание сын султана —
Его мы тоже опрокинем!»
Открыли путь Авазхану:
«Проезжай,— кричат,— сын султана!»
Аваз с силой стегнул плетью
По паху коня,
Вплотную сошелся с Юсуфханом.
Царевич Юсуфхан
Был в Чамбуле знаменит.
Пригнулся сын Гургули-султана,
Словно голодный орел в поднебесье,
Выхватил козла из рук Юсуфхана,
Сам укрепился в седле и поднял козла кверху.
Поднялся крик,
Сбежалась толпа, все племя туркменов.
Окружили со всех сторон Авазхана.
«Чу!» — крикнул коню Авазхан.
Ряд за рядом повалились туркмены,
Лошади разбежались во все стороны.
Радостен и весел был Авазхан.
Встретились лицом к лицу на майдане
Авазхан и Юсуфхан.
Гневно стегнул Аваз плетью.
Вышиб его из седла,
Бросил Юсуфа на землю Авазхан,
Руки и ноги у Юсуфа перебиты.
Бросил Аваз козла к ногам Ахмадхана.

Разозлился Ахмад на Авазхана:
«Будь проклят твой отец,— сказал,— эй, раб,
Попрошайка, нищий!..»
Выполнили все по обряду и стар и млад,
Положили на ковер Юсуфхана,
Царевича Чамбули-мастана.
Поднялись плач и стоны на лиру,
Схватили [люди] палки, плети и пошли,
Горя гневом, против Авазхана и Хасанхана.
Увидел это Гургули из решетчатого окошка.
Кормилица Аваза зарыдала.
Испугался тут Хасанхан туркменов:
«Давай убежим,— сказал он,— братец!»
«Сиди за дастарханом!»,— отвечал Аваз.
Разгневанный, он сел верхом на коня,
И ринулся в бой Авазхан.
«Вы,— сказал он,— Шадмана опрокинули,
Кровь из головы и рук Шадмана сочится,
Вы нечестно с ним обошлись.
Выходите,— сказал он,— на большой майдан,
Я пролью потоки вашей крови,
Ваши трупы я отдам воронам с поднебесья!»
Упреками осыпали они Авазхана,
Но у тли и стали ухаживать за Юсуфханом.
Ахмад и сорок шахов пошли
К Гургули-султану:
«Уничтожь,— сказали,— этих трех юношей —
Этих попрошаек и нищих из Чамбули-мастана!»
Отпустил их ни с чем шах-султан,
Ахмад вернулся в арк.
Вернулись Аваз, Хасан и Шадман,
Отвели коня в конюшню, привязали его,
Поклонились шаху-султану.
Сели Аваз, Хасан и Шадман,
Разостлали перед ними Агаюнус и Ширмо-красавица
дастархан.
«Есть у меня просьба к тебе,— сказал Авазхан,—
Попрекает меня Ахмадхан,
Называет попрошайкой, нищим и рабом,
Дай уйти мне из Чамбули-мастана».
«Не позволю я тебе уйти»,— сказал Гургули-султан.
«А если не позволишь,— сказал Авазхан,—
То дай мне в жены красавицу из [Чамбула],
Девушку-туркменку.
Я породнюсь с Ахмадханом, [тогда]
Не станут попрекать меня стар и млад».
«Ладно,— сказал,— дорогой сынок,
Сосватаю тебе Каракуз — дочь Ахмадхана».
Позвал он Агаюнус и Ширмоойджан,
Приказал подать дастархан и подносы с угощениями.
«Мы пойдем,— сказал,— сватами Авазхана,
К дочери дядюшки моего, Ахмадхана».
Доставили весть Ахмадхану:
«Сватом идет [к тебе] Гургули со своими красавицами,
Просят Каракуз для Авазхана».
«Сто бед принес мне этот плешивый невежда!
Кто отдаст свою дочь за раба?!»
Притворился больным Ахмадхан,
Приказал [своей жене] Даллаойджан,
Расстелили мигом постель для Ахмада,
Покряхтывая, улегся он в долоне.
«Когда придет Гургули,— сказал,— передайте ему.
Ахмад болен, при смерти он.
Нет у него сил, скажи, ни слушать, ни дышать».
Отправились Гургули-султан,
Агаюнус и Ширмоойджан,
Кормилицы Авазхана,
К торговым рядам султанова Чамбула,
К воротам Ахмадхана.

Люди Ахмада тут же собрались.
Сошли с коней Гургли и две красавицы.
Далла поздоровалась с ними.
Быстро разостлали перед ними дастархан.
Гургли спросил:
«Где мой дядюшка Ахмадхан?»
«Болен он, совсем плох стал,— сказала [Далла],—
Нет сил ни слушать, ни дышать, о Гуруглиджан!»
«Он мне как отец, янгаджан,
Пойдем поглядим на моего дядюшку Ахмадхана».
Далла вскочила и отправилась
Прямо к Ахмадхану:
«Не прикидывайся мертвым,— сказала,— муженек,
Навестить тебя пришел Гургли-султан».
Гургли вошел с двумя красавицами,
Сели с обеих сторон Ахмадхана,
Спросили о его здоровье.
У Ахмадхана же будто еле-еле душа в теле держится.
Гургли сказал:
«Что же ты не принимаешь нас, дорогой дядюшка?
Только вчера на пиру ты был здоров...»
«Добро пожаловать,— сказал Ахмад,— дорогой мой сынок"!
«Мы пришли сватать красавицу Каракузойджан,
Отдадим Каракуз за Авазхана!»
Рассердился Ахмадхан:
«Ах ты безродный,— сказал,— глупец,
Ты, сын, рожденный без отца, Гуруглиджан!
Родился ты в могиле,
Вскормлен ты молоком скотины,
Чего взять с чужака, с раба?!
Зовусь я Ахмадханом,
Я падишах большого народа,
Молва обо мне разнеслась по всему свету,
Разве не станут попрекать меня могущественные государи?»
«Не говори,— сказал,— таких слов, дядя Ахмадхан.
Нет на свете чужаков,— сказал,—
Лучше Аваза ты никого не найдешь для Каракузойджан»
«Пусть народ назовет меня собакой, не отдам я ее за твоего Аваза!
А ты если сватом назвался, то вставай и убирайся!»
Очень стеснялся Гургли,
Ушел вместе с двумя своими женами.
Воссел он на свой трон,
Пришел Саки и красавец Аваз,
Пришли Хасан и Шадман,
Сели вокруг султана:
«Добро пожаловать, светлейший,— сказал,—
Скажи что-нибудь радостное Авазхану,
Отдал ли Ахмадхан [за него] Каракуз?»
«Чтобы умерло дитя Ахмадхана! — сказал
Гургли-султан,—
Он даже не посмотрел в нашу сторону».
Сбежала краска с лица Аваза, побледнел он,
Заплакал, запричитал перед Гургли:
«Не женюсь я,— сказал,— дорогой отец,
Благослови меня, я уйду из Чамбула,
[Здесь] попрекают меня туркмены».
Призадумался шах-султан:
«Я благословлю тебя, дорогой сын!»
Зарыдали обе красавицы.
Саки тут же подбежал
И поклонился Гургли:
«Не отпускай, отец, Авазхана,
А разреши-ка поехать мне, „дедушке",
Подари мне коня ветроногого.
Семь месяцев пусть он [Аваз] меня подождет,
Я похожу, поброжу по свету —
Может, где-нибудь найду девушку получше, чем дочь Ахмада».
«Ладно, сынок»,— сказал Гургли-султан.
Взял тамбур Саки-бобо,

Накинул на себя кашмирскую шаль,
Вышел из Чамбула.
Надел колпак на голову,
Превратился в старого каландара,
Отправился в безводные степи Хайбара.
И вот весенней порой
Увидел он зеленеющую поляну,
Увидел родник и чинару,
Город увидел, крепость и минарет,
У города увидел стоящих в ряд сорок девушек
В дорогих одеждах, все с косичками.
\Возвращались они к себе домой.
Среди них была девушка, словно ясный месяц,
Носили ее на руках сорок девушек.
Повернул за узду коня
И подъехал к роднику сын султана,
Привязал он коня за узду к чинаре,
А сам, повесив на виду тамбур,
Прикинулся спящим Сакиджан,
Храп его поднялся к поднебесью.
Забеспокоились очаровательная девушка
и сорок красавиц,
«Ой», — вскрикнули девушки и повернули обратно.
Повернулись, оглянулись,
Увидели безобразного каландара:
На теле — рубище, на голове — колпак.
Рассмеялись девушки: «Ха-ха-ха-ха!
Вот сыграем шутку!»
Приказала [красавица] двум девушкам:
«Идите и гоните прочь дедушку,
Чтобы не было от него зловония».
Две девушки подбежали к нищему.
«Дедушка!» — окликнули они его.
«Дедушка» притворился глухим и даже не взглянул на них.
«Ты жив или мертв, дедушка? — сказали девушки,
Да будешь ты жертвой нашей красоты,
Подымись-ка и оглядись!»
Поднялся Саки-бобо:
«Что вы говорите, — сказал, — душеньки, мои детки? »
«Вставай и убирайся прочь, да поживей», — сказали они.
Увидели девушки: тамбур
Висит на сучке чинары.
«Ты певец или виночерпий, дорогой дедушка?»
«Этот тамбур находится у меня на сохранении, ясный месяц,
Один человек послал его со мной для одного байского сынка».
Две девушки крикнули остальным подружкам:
«Идите-ка сюда, душеньки-сестрицы,
Певец, оказывается, этот старичок!»
Девушки окружили «нищего».
Тут же дали ему в руки тамбур.
Стал он потихоньку петь и рассказывать,
Заслушался и стар и млад.
Положил тамбур на землю и прочитал молитву.
«Хорош нищий, — сказала красавица, —
И мудрый ты и сладкоголосый,
Душу нашу истерзал ты и сердце испепелил.
Возьми-ка тамбур и еще спой, сначала!»
«Я — немощный старец,
Ни силы, ни духа не осталось у меня,
Нет у меня во рту зубов.
Если молод певец, — сказал, —
Лишь тогда нравится он девушкам-красавицам».
Но не отпустили его девушки,
И снова запел Саки, [сын Гургули -султана.
Разрыдались девушки...
Положил [Саки] тамбур, прочитал молитву и сказал:
« Ох, девушки-душеньки!»
Среди сорока девушек одна была госпожой.
«Хоть еще разок спой для меня!» — сказала она.

«Снимите с головы свои чачваны*!» — сказал Саки.
Сбросили они свои чачваны.
Спел он тогда песню для красавицы —
Четыре девушки тут же упали без чувств.
Тогда-то и раскрылась красота их госпожи —
Весь мир светом ее озарился!
Сел верхом на своего коня «каландар»
И отправился прочь от родника.
Еще раз оглянулся он на сорок красавиц,
И стало жаль ему, что он ушел.
«Нашел я, наконец, — сказал он, — ту красавицу, ясный месяц,
Краса ее в семь раз превосходит красоту дочери Ахмадхана.
Не спросил я только, дочь бая она или ишана,
Дочь ли простого воина или военачальника».
Посмотрел на край поля, а там показался человек,
Немощный старичок верхом на осле.
Накинул на себя Саки кашмирскую шаль,
Прикинулся табунщиком:
С руки свисает аркан,
На плечах чакман *, сам верхом на коне.
Приветствовал старика:
«Есть у меня к тебе просьба, дорогой дедушка.
Я табунщик в широкой безводной степи,
Утерял я свой табун, дорогой отец,
И вот блуждаю, отец.
От жажды чуть не умер,
Увидел я источник и в нем проточную воду,
Там было сорок девушек, кто помоложе, кто постарше,
Не дали мне они воды, дорогой отец,
Чьи же дети они, какого тирана?»
«Есть такой Суюнафшар, великий падишах,
Дочь у него Ойтоли, ясный месяц,
У нее — сорок прислужниц.
Он из черепов складывает минареты, льет он кровь рекой.
Всякий, кто заявится к нему сватом,
Погибнет, не останется в живых.
Ты лучше никому и не рассказывай об Ойтоли,
А то голову тебе с плеч снесут, о табунщик!»
***
Когда сгустились сумерки, пришел Саки, [сын] султана
Подошел к воротам великого падишаха.
Люди Суюнафшара сказали ему:
«Эй, душу свою погубишь, глупый табунщик.
Тут тебе не место, убирайся прочь!
Здесь живет Суюнафшар, великий падишах».
Дернул Саки коня за повод,
Показался его тамбур.
«Да ты песни поешь или стадо пасешь, эй табунщик? »
Схватили они коня под уздцы:
«А ну-ка сходи, дорогой дедушка», — сказали.
Сошел Саки, сын султана,
Привязали за повод его коня,
Поклонился он Суюнафшару.
Суюнафшар и не взглянул на табунщика.
Так и стоял Саки с прижатыми к груди руками.
Обернулся тогда и поглядел на него великий падишах.
«Ты откуда, гость?» — спросил он.
«Из султанова Чамбула.
Я потерял свой табун в широкой безводной степи».
«Давай познакомимся друг с другом!»
Поклонились и познакомились они друг с другом,
Посидели друг против друга.
Набилась палата великого шаха,
Пришли военачальники и воины,
Сели все перед падишахом,
Дали тамбур в руки деду.
Поднялись вверх громкие звуки песни.
Так пел он и сказывал,
Что слезы потекли из глаз Суюна.

Положил «табунщик» на землю свой тамбур.
«Чего только ни пожелаешь, проси у меня, табунщик,
Я все тебе отдам!» — сказал великий падишах,
И трижды поклялся в этом Суюнхан.
Сбросил тогда на землю свою чалму Саки, сын султана,
И локоны Саки распустились,
Раскрылась красота султанова сына Саки.
«Я приехал сватать Ойтоли
Для Аваза, сына султана».
Разъярился Суюнхан,
Снял нож с пояса,
Но везиры быстро отняли у него нож:
«Ты дал слово, обещал,
Ты поклялся, великий падишах.
Выдай Ойтоли за Аваза!
Запроси за нее рабов и рабынь,
Запроси отары овец с чабанами,
Табуны коней запроси с табунщиками,
Гурты скота запроси с гуртоправами,
Девять караванов верблюдов с товарами
со всего света —
Все даст тебе Гургули-султан!
Но если потребуешь выхоженного им коня
Из породы райхановых коней —
Ни за что не пойдет на это Гургули-султан!»
Так приказал Суюн, и тут же согласился Саки.
Нарядился он в богатую одежду,
Посадили его верхом на коня,
И отправился Саки в безводную степь,
Возвращаясь в султанов Чамбул.
Воротился домой могучий вороной конь,
И к родникам Чамбула прибыл проворный Саки.
Проехал он сквозь обсаженную садами улицу Чамбула,
Через торговые ряды Чамбула хайбарского,
Через ворота Чамбула хайбарского
К воротам могучего шаха Гургули.
Засуетились кормилицы Аваза.
Асалмирохур взял под уздцы могучего коня,
Привел его в мраморную конюшню,
Торбу с кормом подвесили ему на шею.
***
Воссели сорок шахов Чамбула хайбарского.
«Добро пожаловать, — сказали, — проворный Саки,
Разыскал ли ты красавицу, ясный месяц?»
«Проехал я, — сказал он, — сквозь широкую безводную степь,
Нашел Суюнафшара, оказывается, он большой падишах.
Есть у него, оказывается, дочь Ойтоли.
Ее краса затмит луну на небе,
В семь раз превосходит она красотой дочь Ахмада».
«Что запросил он, дорогой сын?»
«Рабов и рабынь,
Отары овец с чабанами,
Табуны коней с табунщиками,
Гурты скота с гуртоправами,
Девять караванов верблюдов с товарами со всего света».
«Хоть зовется он великим, — сказал Гургули, —
Но, видно, придет его страна в упадок:
Мелочен уж очень Суюнхан,
Ничего особого он и не запросил».
Снова начал тут Саки:
«А кроме того, запросил он коня».
Краска сбежала с лица Гургули, стал он бледен как смерть.
«Благословляю Аваза, но коня не дам».
Зарыдали кормилицы Авазхана:
«Прости,— сказали,— дорогой отец!..
Не отдадим мы коня Суюнхану,
Если отдадим коня, снеси нам голову с плеч, дорогой отец!»
Дал [Гургули] рабов и рабынь,
Погнал чабан овец,

Погнал табунщик табуны,
Погнал гуртоправ гурты,
Главный погонщик повел верблюдов.
Сел Саки верхом на коня,
От коня остались только кожа да кости.
Отправились они из Чамбула.
Заметили их люди Суюнхана.
Отогнал сын султана скакуна в общий табун,
А сам сел на большого откормленного коня.
 «Ну, а где конь султана?»
«Вон там, в стаде, от него остались лишь кожа да кости».
«Смотрите, каков этот колдун и чародей!
Не верьте словам султанова сына,
Он хочет обманом взять красавицу Ойтоли».
Забрали коня, на котором он сидел.
А ему отдали того щуплого, от которого остались лишь кожа до кости.
«Поезжай, привози Авазхана,
Пускай устраивает свадебный пир шах-султан».
И вернулся Саки в Чамбул.
***
У Суюнхана был сын по имени Олимкул,
Направился он в широкую безводную степь.
Со своими воинами был он на охоте,
Когда встретился с ним Захракча-богатырь,
Был он умелым копьеметателем на майдане,
Был он и богатырем и хорошим борцом.
Побеседовали богатыри друг с другом
И уговорились об игре двое юношей.
Захракча выиграл у Олимхана.
«Я отдам тебе Ойтоли», — сказал Олимкулхан.
Договорились и пришли к соглашению.
Захракча остался на охоте в широкой степи,
А Олимхан отправился оттуда прочь.
Прибыл он в страну своего отца,
Стада увидел, в них овец без счета,
Увидел верблюдов с товарами со всего света,
Пришел и поклонился отцу:
«Чьи это товары, дорогой отец?»
«Я выдал Ойтоли за сына султана.
Это Гуругли прислал мне товары»,— сказал.
Побледнел как смерть Олимкул.
«Не отдам я,— сказал,— Ойтоли за сына султана,
Отдам за Захракчу, он — богатырь,
Он — царевич Хорасана».
Сел верхом и поскакал обратно.
Прибыл он к месту, где охотился богатырь.
«Авазу отдали, — сказал, — Ойтолиджан,
Сыну Гурутли-султана».
«Слава обо мне разнеслась по всему белу свету, — сказал Захракча, —
Я царевич Хорасанской страны!»
Сорвал он свой шатер,
В ярость пришел он, и вместе с Олимханом
Направились они в страну Хорасанскую.
Достигли столицы Хорасана,
Поклонился [Захракча] своему отцу:
«Добро пожаловать, дорогой сын.
На тебе лица нет, ты бледен как смерть,
Скажи, расскажи, в чем дело?»
«Суюнафшар — великий падишах,
Есть у него сын Олимхан,
Есть у него дочь Ойтоли, ясный месяц,
Олимхан обещал ее мне,
Но Гуругли, плешивый султан
Из Чамбули-мастана,
Сосватал за [Авазхана] Ойтолиджан,
Пригнал табуны коней с табунщиками,
Пригнал отары овец с чабанами,
Пригнал рабов и рабынь,
Мою возлюбленную выдают за Авазхана.

Уж лучше мне умереть, дорогой отец!
Я — царевич в Хорасанской стране,
Я — копьеметатель и богатырь!
Дай мне быстрее войско,
Я пойду на султанов Чамбул,
Я разрушу Чамбул!
Я пошлю послов к Ахмадхану,
Он старший в Чамбули-мастане.
Я изничтожу Авазхана!»
Послали послов в Чамбули-мастан,
Пришли они к Ахмадхану,
Вынули и показали послание.
Прочитал Ахмад и рассмеялся,
И предложил, как поступить:
«Я не пущу этих попрошаек — Шадмана и Хасана.
И из его кормилиц, — сказал он, — ни одной,
Не пущу их сопровождать Авазхана.
Я сам возьму сорок боевых джигитов,
Мы сами проводим Аваза по большаку,
Мы пойдем вперед, а Авазхан отстанет от нас.
Пусть сорок охотников возьмут сорок луков,
В неприметном месте устроят засаду,
И сами с луками сядут в засаде.
Едва покажется сын Гуругли,
Пусть осыпят его стрелами из луков...»
Посланец отправился в путь,
Прибыл в Хорасанскую страну,
Показал послание Ахмадхана.
Взял Захракча-пахлаван сорок охотников,
Отправился навстречу Авазхану.
Устроили засаду,
Стрелы — в луках, а фитили зажжены,
И размечтались об Авазхане:
«Когда же, наконец, прибудет сын султана?»
***
Начался свадебный пир Аваза в Чамбуле,
Игрокам в козлодранье бросили на майдан тушу козла,
Гостям подали много яств.
Принарядились кормилицы Авазхана, Агаюнус и Ширмой-красавица.
Саки с тамбуром в руках
Стал петь радостные песни.
Заулыбались восемьдесят пери,
Развеселились и обрадовались.
***
Пришел Ахмад с сорока молодцами
К воротам Гуругли-султана
Вместе с Юсуфом. Поклонились они.
Быстро Ахмад благословил [Гуругли-султана].
Саки разостлал дастархан.
«В чем дело?» — спросил [Ахмад] Гуругли-султана.
«Зовут меня Ахмад, я великий падишах,
Не нужны мне ни Хасан, ни Шадман,
Ни Агаюнус, ни Ширмоойджан,
Мне одному поручи Авазхана,
Я отвезу его с сорока молодцами,
Я вручу ему Ойтоли, ясный месяц».
Сколько ни возражал Гуругли, не унимался Ахмадхан.
Заплакали Агаюнус и Ширмо,
Ничего не могли поделать Хасан и Шадман.
Отправились кормилицы к коню,
Поцеловали коня в морду:
«Дурное замыслил Ахмад,
Будь же начеку, мудрое животное!»
***
Снарядили сына султана.
Сел Авазхан один на коня.
Отправились сорок шахов вместе с Ахмадханом,
Сорок шахов впереди, а Аваз — позади.
В засаде засели враги.

Учуял султанов конь гарь от фитилей,
Закусил удила,
Полетели, как из лука стрела,
Аваз впереди, а сорок врагов позади,
Прибыл [Аваз] в страну Суюнхана.
Погуляли, повеселились на пиру,
Отдали Ойтоли Авазхану.
Ахмад и сорок молодцев надели дорогие одежды,
Направились в Чамбул,
Оставив одного Авазхана.
«Убить Аваза,— сказал [Ахмад Олимхану],— будет просто.
Но только сначала нужно сделать все как следует,
Разлучить его нужно сначала с конем.
Если будет с ним это животное,
Лучше не затевай с ним боя, Олимхан, —
Он прольет потоки вашей крови».
***
Вернулся Ахмад в Чамбули-мастан,
А Захракча и Олимхан
Караулят с сорока молодыми охотниками.
А Авазхан находился дома.
Подошла тут Ойтоли, ясный месяц,
Поклонилась Авазу.
Он подвел к ней султанова коня,
Прислуживала Азазу луноликая.
Так беседовали они друг с другом,
Миловались и целовались.
Пришел сын Суюна, Олимхан, Великий царевич,
Поклонился Авазхану:
«Есть у меня просьба к тебе, сын султана,
Дай мне, — сказал, — коня,
Я сяду на него верхом,
Проедусь вокруг нашего города».
Задумался Авазхан:
«Если не дам ему вороного султанова коня,
Неблагородным сочтут меня на белом свете.
Враг ли, друг ли мне Олимхан —
Создатель будет моим заступником!»
Дал он коня Олимхану.
Олимхан сел верхом и вернулся к своим.
Бегом сбежались молодые охотники,
Не дал им Олимхан в руки узды,
Сам богатырь повел коня за уздцы.
Заплакала Ойтоли:
«Не миновать судьбы, — сказала, — Авазхан,
Врагов у тебя видимо-невидимо,
Да сдохнет Олимхан!
Он обещал меня хорасанскому царевичу.
Голову снесут тебе с плеч, сын султана,
Придумай что-нибудь,
И ты спасешь свою жизнь».
Быстро надела она доспехи,
Повесила девушка лук на плечо,
Направилась к сорока молодым охотникам,
Пришла и стала около вороного коня.
Не узнал ее Олимхан.
«Настало время, — сказала она, — Олимхан,
Взнуздай покрепче коня.
Я быстро надену на себя доспехи,
Возьму свой лук,
Осыплю Аваза дождем стрел!»
Олимхан вернулся домой,
А Ойтоли [мигом] вскочила на коня и примчалась к Авазхану:
«Вставай, — сказала, — сын султана,
Быстрее садись на коня,
Мчись в широкую безводную степь,
Невредимым приедешь в Чамбули-мастан,
Не убьют тебя.
Будь искусен и приведи войско,

Разрушь этот город, —
Я буду твоей возлюбленной, Авазхан!»
***
Аваз направился в безводные степи,
Аваз показался у Чамбули-мастана.
Зарычал Ахмад: «Вернулся сын султана!»
Аваз поклонился Гургули:
«Дай мне оружие, дорогой отец,
Я пойду войною, — сказал, — на Суюнхана»
Послал султан глашатаев и созвал [народ],
Собрались и стар и млад.
Гургули отдал приказ:
«Бери войско, — сказал он Авазхану, —
Иди в поход на страну Суюнхана».
Пришли Хасан и Шадман,
Оружие выдал им Гургули-султан,
Отправились они из Чамбула
Походом против страны Суюнхана.
***
Захракча был богатырем,
Царевичем Хорасанской страны,
Было у него бесчисленное войско.
Издалека приметили Аваза,
[Стрелки] засели в засаде с луками,
Вышел на поле боя копьеметатель,
Борец с арканами у пояса.
Ударил в боевой барабан сын султана,
Раздался грохот барабана —
Земля задрожала, и небо загремело,
Завертелось колесо судьбы,
Пыль поднялась в широкой степи.
Вскочил на коня Захракча-пахлаван,
Воскликнул: «Аваз!» — и ринулся в бой.
Пустился и сын султана.
Оседлал он султанова коня,
Приторочил боевой барабан и барабанные палочки,
Доспехи надел на себя,
Атласную безрукавку и мраморную кольчугу,
Боевые латы на нем,
Прикрылся кованым щитом,
Привязал к поясу кинжал,
Золотой шлем надел на голову.
Подошел к могучему коню,
Поцеловал в голову и морду животное,
Заплел гриву и хвост животного,
В руки взял лазуритовое копье
И сел верхом на мраморное седло.
Попрощался с Шадманом и Хасанханом,
Вышел Аваз на поле боя.
Открыл свою грудь сын султана —
Метнул в него копье Захракча-пахлаван.
Прикрылся щитом Авазхан —
Копье разбилось вдребезги.
Встал на поле боя Захракча,
Предоставил черед на удар Авазхану.
Дернул тот за повод могучего коня:
Послышались топот конских копыт,
Грохот мраморных лат.
Метнул копье златокудрый,
Выбил [Аваз] Захракчу из седла.
Хасан притащил его в золотой шатер,
Связали ему руки и ноги, бросили его.
Олимхан примчался на поле боя,
Стал биться на копьях с Авазханом.
Метнул копье сын Суюнхана,
Прикрылся щитом Аваз, копье разбилось вдребезги.
Разгневался Авазхан,
Подцепил копьем седло Олимхана,
Перевернул Олимхана вниз головой,

И его [вместе с Захракчой] пленил Хасанхан.
К отбою забил в барабан сын султана.
Отправил послов Суюнхан,
Просил прощение за двух богатырей.
Когда солнце закатилось, все рассеялись.
Снял [Аваз] с пояса кинжал и меч,
По рукам и по ногам связаны двое юношей.
Суюнафшар пришел, плача и рыдая:
«Отдай мне Ойтоли, — сказал ему Авазхан, —
И все, что получил от Гуругли-султана,
Все верни в Чамбул,
Тогда я верну тебе Захракчу и Олимхана».
***
Запели тут веселую радостную песню,
Все имущество Гуругли отправили обратно.
Посадил Авазхан Ойтоли верхом на коня,
Громко запели песню Хасан и Шадман,
С песнями направились в Чамбули-мастан,
А Захракчу и Олимхана отпустили.
Кормилицы Аваза обрадовались,
Побежали встречать его и стар и млад,
Щедро угостил всех Гуругли всякими яствами,
Подарил всем дорогие одежды.
Слухом полнится земля о дастане,
Что остался в память о бездетном Гуругли.

V. СКАЗ О ЖЕНИТЬБЕ АВАЗА НА КАРАКУЗ

Воскликнул богатырь [Аваз]:
«Гуругли-султан, есть у меня просьба к тебе,
Благослови своего сына!
За Черной рекою живет сильный враг.
Я перейду Черную реку
И покончу с землей Фарангистана».
Заплакал султан при этих словах,
Потекли у него слезы из глаз:
«Не дал мне бог сына,
Тебя признал он моим сыном,
Что же делать мне без тебя?»
Засмеялся Аваз, услышав его слова,
Раскраснелось лицо юноши,
Тоска заполнила его грудь.
Взглянул мудрый Саки,
Догадался бедняга, в чем тайный замысел [Аваза].
Воскликнул Саки: «О авлиё*,
Выбрось из головы недостойные мысли,
Устраивай лучше каждое утро пиры
И корми бедняков и нищих.
Не отвергай отвагу воина,
И все мы благословим его:
Пусть идет богатырь в добрый час
И опустошит землю врагов.
Пусть доставит молодец добычу от врага».
Сказал султан: «О Саки, редкостная моя жемчужина,
Ты умеешь одним словом покорить мое сердце».
Встал [тут] Аваз с золотого престола,
Надел на себя кольчугу.
Сменил свои доспехи.
Прикрылся золотым щитом.
«Когда пойдешь в Фарангистан,
Ты встретишь на пути Мазендеранский лес,
В нем [затаились] враги,
Смело сразись с ними, богатырь.
Уничтожь их военачальников.
Богатства их раздай бедным людям,
Они будут молиться за тебя,
И благополучно возвращайся к отцу...
Да поможет вам вечно живой Хизр*».
Так приказал светлейший беглар *:

«Аминь, велик Аллах!»
И стал уезжать Аваз-богатырь.
Есаул * подвел к нему коня Зайналкира,
Приспустил стремена для Аваза.
Вдел Аваз ноги в стремена,
Отпустил он узду бессловесного коня,
Выпрямился [в седле] Аваз, мужественный воин,
Пустился в путь в направлении Чамбула.
Одинок Аваз-богатырь.
Следом за ним поехали дурмены.
Проехал он к покоям Гульширмо,
Осадил коня и взглянул.
Из покоев вышла Гульширмо.
Вышли с нею журавлиным рядом восемьдесят прислужниц,
Воскликнул Аваз: «О луноликая мать,
Вместе с восьмьюдесятью девушками благослови меня,
Вернусь ли я, ведает только великий бог!»
Сказала Гульширмо: «Красавицы,
Развеселите-ка Аваза-воина!»
Раздались звуки дудок и барабанов,
И слились они со звуками бубна и чанга *.
Разбередили душу Авазшаха,
Отпустил он узду ветроногого.
Норовист гнедой конь султана.
Как натянули ему удила,
Пасть животного словно мрачная пещера.
Четыре копыта животного словно большие деревянные блюда,
Шея его как столб, вытянутый к небу,
Круп округлый у коня, хвост его — трубой,
Словно орешки грызет хрустя,
Когда грызет уздечку во рту.
Голова коня вытянута к небосводу,
Грива животного — волосок к волоску.
Челка на голове, как весенние тучи.
Хвост — тончайший шелк.
Две отметины у величавого коня.
Выехал из Чамбула славный Аваз,
В безводную степь пустил верного коня,
Полетел гнедой султана,
Покинул землю Чамбула.
Целых два месяца он проездил,
Чтобы достичь Черной реки.
Забрезжил рассвет,
Гнедой пересек Черную реку.
Предстал пред ними бескрайний лес —
Мазендеранский лес.
У опушки леса сошел златокудрый с коня,
Отпустил скакуна беглара,
Вытащил богатырь восьмиконечные стрелы,
Вложил их в тетиву лука
И вошел в огромный лес.
Выстрелил в серну и убил ее.
Принес серну
К гнедому коню,
Из камня высек огонь.
Приготовил кебаб * из огромной серны
И разом богатырь один съел мясо серны.
Помолился всем святым.
Взял коня авлиё за повод,
Вдел ноги в стремена, уселся в седле
И проехал лес.
Вдруг видит — перед ним шатер,
А неподалеку привязан бесценный конь-ашкар *.
Хозяйкой коня-ашкара была девушка,
Зовут ее, светозарную, Каракуз.
Спала [в то время] красавица.
Богатырь подъехал к шатру,
Осадил гнедого султана.
Заметила Каракуз всадника,

Улыбнулась и стала подобна ясному месяцу.
При ней были боевые доспехи,
Надела на себя боевые доспехи
И вышла девушка, подобная месяцу.
Взглянул Аваз:
Как увидел ее две черные родинки,
Потерял рассудок богатырь.
Весело заржал гнедой конь султана.
А девушка сказала: «О юноша,
Что побледнел ты, как смерть?
Откуда ты, гость?
Не сойдешь ли у моего шатра?
Местечко для тебя здесь уготовано,
Выпей же, кудрявый, пиалу чая,
Вижу я, что ты пришелец,
Не из здешних ты краев.
Сойди и пожалуй в мой шатер».
Воскликнул Авазхан:
«О луноликая, кто ты — из мусульман или неверных?
Прочитай молитву.
Если ты мусульманка,
Я попью твой чай».
Тут Каракуз пожалела, что пригласила его,
И сказала Каракуз: «О юноша,
Не болтай попусту, о гость.
Зовут меня Каракуз-пахлаван,
И дочь я Сарандэву-пахлавану.
Отца моего [также] зовут Абдуллахан.
Тут выехал, говорят, юноша из людей Гурутли-султана,
О его силе знают и в Фарангистане,
Зовут его, говорят, Аваз-богатырь.
Его копье пробивает кремень,
Он разбил падишаха Хумьёна,
Он увел Гульширмо из Гулистана,
Дрожит в страхе перед ним мой отец,
Ужас охватил великого падишаха,
Все государи [во всем белом свете] обуяны страхом,
Как бы не вторгся на нашу землю Аваз!
Если пойдет он войной, то уничтожит все семя богатырей.
Я просила отца благословить меня
На то, чтобы добыла я голову Аваза-воина.
Разбила я шатер на этом перепутье,
Мечтаю я о том, чтобы показался Аваз».
Услышав такие слова, рассмеялся Аваз:
«Что ты мелешь, чертова потаскуха?
Не пробовала ты, видать, ударов Авазхана!
Он сын эмира-султана.
Я испытал на себе силу ударов этого молодца!
Целый год мы с ним сражались,
Не раз схватывался со мною богатырь,
Пока не раздавил мне семь ребер.
Приведи-ка людей своего отца,
Знаменитых богатырей,
А уж потом прегради путь этому юноше,
Твой боевой шатер, ясный месяц, не поможет».
Но Каракуз, одетая в боевые доспехи,
Села на коня-ашкара;
«Выступи-ка вперед, о гость,
Я поведу тебя к великому падишаху,
Я вижу, юноша, что ты подобен девушке».
Тут он [Аваз] пришпорил гнедого,
Подобного звезде на небосводе.
Выехал богатырь на поле боя,
Сразу и растерялась девушка,
Пожалела она о сказанных ею словах:
«Ведь этот юноша будет со мною биться».
Пришпорила [и она] своего коня,
Взвился в небо блестящий конь.
Схватила она за повод коня юноши:

«Слова мои, о гость, ты принял за шутку.
Мы враги султана,
Ты пришел на нашу землю,
Где не выносят даже имени его».
Захохотал богатырь:
«[Ведь] я и есть [тот самый] Аваз — ваш враг.
Отпусти же уздечку ветроногого,
И условимся между собою».
Рассмеялась и девушка,
Аваз смягчился.
Стали они беседовать друг с другом.
Каракуз спросила: «О юноша, каковы же твои условия?
Ведь и без борьбы я [словно] связана по рукам и ногам»
Аваз ответил: «Мое условие, девушка, таково:
Если одержу я над тобой победу, стану твоим супругом.
Ты ведь сама — богатырь, о девушка,
Чего мне бояться твоего отца!»
Девушка сказала: «О юноша,
Если ж я тебя, богатыря, сброшу
С коня султана,
То повешу тебя на высокой виселице —
У моего отца палачам и счету нет.
Вот поле боя, о молодец!»
Пустили они вскачь своих коней,
Забили оба в боевые барабаны.
Грохот их барабанов разносится по всему белу свету.
Дэвы удрали со страха в горы,
С пастбищ разбежалась скотина.
Схватили оба золотые копья,
Острия копий на головах у ветроногих.
Взлетели на крыльях оба коня —
Послышалось громыхание мраморных лат,
Налетели кони друг на друга.
Звякнули оба щита.
Сказала Каракуз: «Пожалей себя, Аваз!»
Вытащили богатыри восьмиконечные стрелы,
Вложили их в тетиву лука,
Натянули тетиву до ушей своих,
Ударили стрелы по мраморным латам,
Загремели у обоих латы,
Пламя взметнулось в небо,
Упали стрелы на черную землю.
Кони подобны порывистому ветру,
А всадники смеются, сидя в седлах.
Потянули коней за узду, поворачивают их обратно,
А в руках у них уже рукоятки исфаханских мечей,
И снова кони вступили на поле битвы.
И вновь схватились богатыри друг с другом,
Бьют исфаханскими мечами по щитам,
Мечи разлетаются на мелкие кусочки,
Взметнулось над ними пламя.
Хватают друг друга за золотые пояса,
Вот-вот слетят с коней богатыри,
А два коня взлетают на крыльях над безводной степью.
Дергает за повод могучий Аваз,
Смеется над ним девушка.
Направились кони в безводную степь,
Дергает за повод Аваз-богатырь.
На их пути ров в сорок четыре аршина —
Пришпорили обоих коней,
Перепрыгнули через ров в сорок четыре аршина.
Отстал конь султана,
Заплакал навзрыд Аваз-богатырь,
А Каракуз смеется, ясный месяц.
Умоляет Аваз коня,
Но не трогает скакуна его мольба.
Струею течет пот с тела гнедого коня.
Слетел тут у Аваза с головы шлем,
На голове копна золотых кудрей.

Как увидела та роза кудри богатыря,
[И узнала о том, что] он очень силен,
Пожалела, что стала с ним сражаться.
Влюбилась она в Авазхана,
И поддалась ему девушка.
Сбросил ее Аваз с коня-ашкара,
Обе руки связал ей сокол,
Сказал Аваз: «О Каракуз, прочитай молитву,
Если не станешь мусульманкой,
Снесу тебе голову с плеч исфаханским мечом!»
Стала Каракуз мусульманкой,
И душу и тело вручила Авазхану.
Согласился на это Аваз-богатырь.
Сказала Каракуз: «О супруг,
Теперь воевать с твоими врагами буду и я!»
Рассмеялся Аваз-воин в ответ,
Четырежды поцеловал ее черные родинки.
Рано утром оба встали,
Сели на крылатых коней
И направились в страну Фаранга-падишаха.
Увидели они толпу плачущих людей –
Все люди нищие и немощные.
Спросил их Аваз-богатырь:
«Почему вы плачете?»
«Что спрашиваешь ты, о юноша.
[Ведь] пьет нашу кровь зверь Фаранг,
Никак мы не найдем себе защитника
Такого, кто освободил бы нас из лап проклятого!
Стадам его счета нет,
Богатство его безмерно,
У него миллионы овец с чабанами,
Табуны его не уместятся и в целом свете,
У него тысячи верблюдов с погонщиками.
Все мы трудимся [на него],
А он нашим детям и куска хлеба не дает!»
Взглянул [на них] Аваз,
Потекли слезы по его щекам.
«Не горюйте,– сказал он,– люди!
Видать, ваш падишах – тиран,
Но роющий яму другому, сам в нее упадет,
И богатство достанется вам». | Сказал народ: «О молодец,
Ты гость наш, и ты сладкоречив.
Семьдесят два палача у этого зверя,
Семьдесят две виселицы с висящими крюками,
Миллион богачей-баев у него,
Семь темниц, забитых бедным людом.
Нет дела этому зверю до гибнущего народа!
Несколько миллионов правителей у него по белу свету
И несколько тысяч богатырей-копьеметателей.
Миллионы складов с восьмиконечными стрелами,
Семьдесят тысяч боевых палиц у проклятого шайтана*.
Триста тысяч боевых копьеносцев на поле битвы у него.
[К тому же'] у него стальные боевые сети,
А при каждой сети – сотня богатырей.
Стало нам известно, что в Чамбули-мастане появился
Сын эмира-султана,
А зовут его, говорят, Аваз-богатырь.
От страха перед Авазом [у людей-зверей] еле-еле
душа в теле держится,
Этот шайтан кровью плюет.
Все мы бедные люди молимся, [не чая],
Когда увидим, наконец, Авазхана.
Говорят, что Аваз – это лев на майдане.
Душу он отдаст за бедных людей».
Поднялись волосы дыбом у Аваза,
Сжал в ярости могучие руки богатырь.
Мраморные латы лопнули на нем.
Враги его спят крепким сном,
Голодный же люд и вовсе сна не знает.

Направился Аваз [той же']ночью в город
И сразу пошел к воротам зиндана *.
Там спали девяносто два богатыря — тюремщики
проклятого [падишаха].
Схватился Аваз за рукоятку исфаханского меча
И тут же обезглавил всех [спящих].
Затем копьем он стал бить по воротам зиндана,
Разбил ворота вдребезги.
Увидели бедные люди юношу,
Разрыдались все узники темницы.
Руки их закованы в железные кандалы,
На ногах у них железные колодки,
Кровь сочится у них из глаз:
«О юноша прекрасный,
Ты открыл нам двери зиндана!
В сновидениях мы видели Аваза-богатыря,
А теперь мы видим тебя, богатырь, наяву.
Если ты и вправду Аваз, то пожалей нас,
Освободи нас из зиндана и от кандалов.
Да будет счастье с тобою, о богатырь!
Увидим снова мы наших детей,
Да изничтожит господь власть нашего падишаха!»
Взял многоискусный Аваз свой исфаханский меч,
Вмиг разбил он железные оковы
И вывел бедняков из зиндана.
Освободились бедняки из зиндана
И побежали они к своим детям.
А богатырь уже снова готов к бою,
И Каракуз, ясный месяц, вслед за ним,
Думаешь, что уже рассвет [от ее лучей].
Ударили оба в боевые барабаны.
Барабаны у обоих гремят,
Вражья крепость дрожит.
Зверь Фаранг испугался,
Раздулись ноздри у него,
Как будто мыши бегали в них,
Подвески в носу [у него] как блюдца,
Голова проклятого словно небесный купол,
Каждое ухо его вывернуто наружу.
Зарычал он и встал с большого трона,
Бедный люд стал радоваться,
А богатеи Фаранга-кровопийцы стали рыдать:
«Увы,— заговорили,— ушла из наших рук власть».
Собрались все богатеи,
Созвали войско,
Все богачи вышли на поле боя.
Заплакали захребетники-кушхуры * и сановники:
«Появился, наконец, Аваз-богатырь,
И уходят из наших рук все лавки».
Поднялось на небе солнце,
Собрались враги-звери,
Выпрямился и Аваз-богатырь.
Народ, вышедший из темницы,
Молится за юношу.
Строятся войска в боевые порядки,
Становятся в ряды на поле боя.
Бьется Аваз по-богатырски,
Вместе с ним сражается и Каракуз, ясный месяц:
«Посмотри, какова я, дорогой супруг!»
С двух сторон напали на войско.
Падают вражеские трупы, словно осенние листья.
Кровь врагов течет, как река Джайхун *,
Но людей у проклятого — тучи.
Среди войск — гнедой конь султана,
Аваз, разгоряченный, на своем коне.
Вышел Фаранг-зверь на поле боя,
Построились в ряды бедные люди.
Два ряда образовалось из бывших узников,
Все в помощь Авазу-богатырю.

Аваз сказал гнедому:
«Ты помни, мой конь,
Разве ты боишься удара Фаранга,
Может, Фаранг и не одолеет меня?»
Фаранг сказал: «О юноша!
Любил я Каракуз, ясный месяц,
Но ты пролил кровь моего народа.
Ты [сам], юноша, очень красив,
Приходи, и я поцелую тебя вместо Каракуз».
Засмеялся Аваз-богатырь [и сказал:]
«Не попробовал ты силы юноши!
Вот после боя твой черед – наноси удар!»
Шестипудовая бронзовая палица взлетела к поднебесью
Но Аваз-богатырь не шелохнется, стоит на поле боя.
Косит гнедой глазом на взлетевшую палицу,
[И] хочет ветроногий отступить влево.
[Но] потянул его воин за узду:
«Не отступай ни на волос, животное,
Давай-ка напугаем эти войска!»
Укрепился в седле удалец,
Щитом укрылся на крылатом коне.
Палица Фаранга, кружась, опустилась
Прямо на щит богатыря.
Пламя взметнулось над Авазханом,
Четырьмя копытами увяз конь в земле,
Перевернулась палица на земле,
Столбом пыль поднялась к поднебесью.
Зарыдали бедные люди:
«Увы, сто раз увы, нет более Аваза-богатыря,
[Того, кто] стал нашим покровителем,
[Кто] освободил нас из зиндана,
[Благодаря которому] мы увидели своих детей,
[Тот, кто'] разбил кандалы на наших руках!»
[Вдруг] с востока повеял ветерок
[И] рассеял пыль по полю.
Крепко сидит в седле Аваз-воин,
Выпрямился он на ветроногом.
Разогнался он на гнедом,
Оторвался гнедой от земли,
Дернул Аваз за повод [коня] и повернул [его] обратно.
Тыльная часть копья под мышкой [Аваза],
А острие копья горит, как светильник в небе.
Гнедой конь мчится, пригнув голову,
На крыльях летит ветроногое животное
И настигло падишаха.
Выставил Аваз свое копье,
Просверлил он черный камень,
Расколол надвое бронзовый щит,
Пробил броню на груди,
И сквозь спину прошло копье богатыря,
Брызнула кверху кровь на высоту копья.
Перевернулся враг вверх ногами,
Вверх тормашками грохнулся он на землю.
И вот рычит зверь,
А Авазхан встал над его головой
И отрубил ему голову исфаханским мечом.
Зарыдали богатеи-кровопийцы.
Сел на скакуна Аваз-богатырь,
Вместе с ним сражается и Каракуз, ясный месяц,
Пришли в смятение богатеи Фаранга.
Оба богатыря бились подобно беркутам.
Целый месяц воевали [они] в стране зверя [Фаранга],
От стальной сети [врага] ничего не осталось,
Пал чародей на поле боя,
Голодные собаки сожрали мясо зверя [Фаранга].
Люди, выпущенные из зиндана, вознося к небу руки,
Молились за Аваза:
«Аваз – украшение мира!
Богатырь он и защитник бедняков!»

Не осталось ни одного воина из войск зверя,
Бедняки со всех сторон говорили: «Мир, мир!»
Назначил падишахом Тимурхана Аваз.
Был там юноша Буррохан,
Его назначил везиром богатырь.
Все состояние больших богачей
Раздал беднякам Авазхан.
Все поминали его добрыми молитвами:
«Да станет жертвой за тебя весь мир, Авазхан,
Бери свою боевую добычу!»
Взял он казну и луноликих красавиц,
И табуны [Фаранга] с табунщиками,
Овец Фаранга с чабанами.
Каракуз рядом с супругом,
Вышли они ранним утром из той страны.
Каракуз сказала: «О дорогой супруг,
За горою Мазендерана моя родина,
Проведаем моего отца
И получим у него благословение,
[Потом] поедем с тобой в Чамбули-мастан».
Направились они в безводную степь Хайбар,
С ними добыча и восемьдесят девушек.
Еще месяц они ехали,
И Каракуз прибыла в страну своего отца,
Пришел Аваз, боевой лев.
У Каракуз — отец Абдуллахан,
Младший брат ее — Саттархан,
Старший брат ее — Кадирхан,
Есть у нее сестра — Зульфпари,
Зовут их мать — Ойсулуг.
Все вышли с прижатыми к груди руками,
Поклонились Авазу-богатырю
И приветствовали воина.
В то же утро вошли они во дворец.
И собрались все люди падишаха,
[Чтобы] полюбоваться на Аваза-воина.
Воссел Аваз на свое место,
Вознес молитву за благополучие государя.
Поднялось солнце к зениту,
Аваз впереди, [за ним] Каракуз-красавица.
Благословил их Абдуллахан
И восемьдесят златокудрых красавиц.
Аваз впереди, за ним его добыча,
Выехали в степь
И направились в Чамбули-авлиё.
Глядел эмир на дорогу:
«О краса Чамбула, воин Аваз,
Когда вернется мой сын!?»
Три месяца ездил Аваз-богатырь,
Миновал богатырь реку Вахш,
На пути у него река Джайхун,
И реку Джайхун пересек Аваз,
Проехал через четыре реки
И прибыл в страну Чамбул.
Табуны передал он табунщикам
И старейшему конюху эмира Шахсалману.
Овец передал чабанам,
Верблюдов — погонщикам верблюдов.
Въехал Аваз в Чамбули-мастан,
Навстречу ему Гургули-султан,
За ним шествуют правители,
Приветствуют Аваза-воина.
Забегали, засуетились есаулы,
Берут за повод бессловесного Зайналкира.
Аваз спешился, руки сложены на груди,
Стан у юноши словно гибкий саженец.
Обе руки сложены на груди.
«Здравствуй, светлейший авлиё!»
«Мир моему сыну!»

Приветствуют его и правители,
Все взошли на золотые троны,
Аваз впереди, дурмены позади.
Воссели на золотые троны,
Раздал Аваз добычу дурменам,
А восемьдесят девушек сделал наложницами.
У кого страсть сильней — взял двоих, друзья,
Кто поскромней — одну.
Вошли в большой сад авлиё,
Один за другим посмотрели все.
Помолились за Аваза
Все старцы:
«Аваза послал нам бог,
Всегда ведет он борьбу с врагами,
Бой Аваза богатырский,
Имя Аваза — богатырь,
Его копье пробивает кремень!
Слава о нем разнеслась по белу свету,
Стал сыном султана,
Сын мясника Карима был глупыш,
Стал истым мусульманином,
Верно служит он Чамбули-мастану,
Замок его зовется Балхубаном!»

6. Сказ об Авазе и Райханарабе.

Этот дастан о Гуругли, милые,
Создан в давние времена, о друзья,
На земле таджиков.
Называлась эта страна Чамбули-мастан,
А старшим был в стране Гуругли-султан.
Богатырем Чамбула был Аваз, мужественный воин.
Было у Аваза две дочери-красавицы,
Двух сыновей имел богатырь.
Одного сына звали Нурали — добрый молодец,
А младшего сына звали Шералихан.
Ставка Аваза была в Балхубане.
Собрался однажды Аваз на охоту.
Свою старшую дочь Гуланор
Подозвал к себе Аваз, могучий лев:
«Дочка моя Гуланорджан,
Послушай-ка, что затеял твой отец,
О красавица моя, ясный месяц.
Приведи-ка коня Зайналкира,
Поведи его к цветочному пруду в Балхубане,
Помой ноги и тело бессловесному [коню]».
Побежала Гуланор, светозарная,
Подбежала к отцову коню,
Сняла путы с ног животного,
Надела недоуздок на морду коня,
Повела на поводу крылатого коня.
Довела его до цветочного пруда в Балхубане.
В цветочный пруд завела она гнедого,
Мускусным мылом натерла ему тело,
Самшитовым гребнем расчесала гриву коня —
Грива животного — волосок к волоску.
Хвост завязала тончайшей шелковой лентой.
Челка у гнедого словно весеннее облачко,
Пылинки не осталось на шерсти у гнедого.
Златотканым платком провела луноликая
По бессловесному гнедому коню —
На теле гнедого и пылинки не осталось.
Повела его на поводу в Балхубан.
Конь у Аваза игривый,
На девушек засматривается это животное,
Схватил гнедой кончиками зубов,
Укусил за сосок дочь Авазхана,
Треснул сосок,
Гуланор засмеялась: «Ха-ха!»

Сказала: «О гнедой конь моего почтенного отца,
Беда с тобой, ведь ты, как мой отец, с девушками заигрываешь!»
Привязала гнедого к золотому колышку,
Сказала Гуланор: «О сестрица Гульхумор,
Принеси-ка скорее сбрую для гнедого,
Оседлаем коня нашего отца,
Отец наш отправится на охоту в безводную степь Хайбар».
Бегом понеслась Гульхумор,
Принесла сбрую для гнедого,
Надела ее на коня, что с зубами как перлы.
Встала Гуланор с улыбкою,
Подошла девушка к гнедому,
Набросила позолоченный бархатный потник
На спину отцова коня.
Подошла к коню сестрица
И пару кундузских подседельных ковриков
Закрепила на крылатом коне,
Туркменское седло со стременами
Возложила на ветроногого,
Семь рядов подпруг подтянула,
Спустила гурия* стремена с двух сторон
На груди у животного,
Расшитую попону и покрывала положила на ветроногого коня,
Нагрудные ремни закрепила, их звенья позолоченные,
Удила натянула на морде животного.
Снарядили обе сестрицы все как следует,
Зайналкира поставили на выстойку
И сестрицы пошли, покачиваясь,
Стан [их гибок] как лоза, а талии — муравьиные,
Губы их — фисташки, а зубы — жемчуга.
Пришли к отцу,
Сказали: «О искусный отец,
Оседлали мы полностью гнедого коня».
Аваз сказал: «О сестрицы,
Принесите мои боевые доспехи.
Против нашего Чамбула
Враги все время замышляют дурное,
Пусть не будет нехватки в боевом снаряжении,
Пусть всегда будет готово к бою наше оружие!»
Принесли боевые доспехи обе девушки,
Сложили доспехи перед отцом.
Встал Аваз, многоискусный,
Возложили они на отца золотой венец,
Мускусный халат и сапоги положили у ног отца.
Аваз надел сапоги-вездеходы,
На голову богатырь надел шлем,
На тело — мраморные латы,
Грудь прикрыл семью щитами,
Семь раз обернул стан булгарским поясом,
К поясу привязали кинжал.
Закрепил на себе все снаряжение,
А с двух сторон собраны пряди волос.
В руки взял он лазуритовое копье,
Восьмиконечные стрелы привязал богатырь.
Бегом пустился к своему гнедому коню,
Поцеловал четыре копыта бессловесного,
Потер свои глаза [пылью из-под их копыт] Авазхан
Сказал: «О гнедой, ветроногий,
Ты, мой крылатый,— сказал,— и удалой
Я пойду на бой с врагами,
Вечно враги против нас замышляют дурное,
Сживем со света врагов!»
Такие слова сказал Аваз-богатырь
На ухо своему бессловесному гнедому.
Разумно животное,
Смеется крылатый гнедой.
Авазхан вдел ноги в стремена бессловесного коня,
Гнедой скакнул на целый полдневный переход.
Выпрямился Аваз в седле,

Выехал краса мира из Балхубана,
Отправился в Кабадиан по берегу большой реки,
А перед ним пустыня,
Бродил [по ней] богатырь десять дней.
Стал как одурманенный Аваз на гнедом коне.
Увидел старуху в пустыне.
Горько стенала немощная старуха,
Оплакивала она в пустыне своего сына.
Услышал Аваз голос беспомощной старухи,
Поторопил богатырь своего гнедого коня
И понесся вскачь к старухе.
Заметила беспомощная старуха всадника,
Аваз поклонился старухе.
Крикнул Авазхан: «О душа-матушка!
Что ты скажешь мне, немощная старушка?»
Старуха сказала: «О милый сынок, я плачу по сыну своему.
Был у мня сын, он был богатырем,
Звали его Бектошкул, был он хорошим дехканином*.
Был у нас великий падишах Райханараб,
Дочь была у него, красавица,
Звали ее Хурлико, ясный месяц.
Райханараб прислал послание
От имени дочери Хурлико
На имя Бектошкула-пахлавана.
Вывел Бектошкул своего крылатого пегого коня,
Боевые латы надел на грудь,
Привязал богатырь восьмиконечные стрелы,
Семь железных крюков взял Бектошкулхан,
Подготовился пахлаван навестить дочь Райхана.
Бектошкул сказал: „О мать, быстрей благослови меня!"
Сказала я: „О Бектошкул, душа моя, не обманывает ли тебя этот хайбарский Райхан?
Не заманивает ли он тебя в темницу, лукавый?
Повесит он тебя на большой виселице,
Нет ведь у тебя брата родного,
Который пошел бы за тебя в страну
Этого Райханараба, глупого и бездельника".
Оттолкнул меня богатырь...
«Будь осторожен,— сказала я,— Бектошкул, душа моя,
Кроме тебя, нет ведь у меня заступника».
Бектошкул-пахлаван, мужественный воин,
Сел верхом на бессловесного пегого коня и отправился в безводную степь,
Направился в страну этого нечестивого араба.
Коварный Райханараб встал со своего золотого трона,
Пошел навстречу сыну моему, Бектошкулу,
Поздоровался с богатырем.
Привел Бектошкула в большой город,
Посадил Бектошкула на золотой трон,
Возложил на голову Бектошкула золотой венец,
И сказал Райханараб: „Бектошкулхан!
Хочу я, чтобы ты стал моим дорогим сыном.
Много царей разбил ты, богатырь.
Отдам я за тебя Хурлико, ясный месяц".
Согласился Бектошкул-богатырь.
Послали есаулов за красавицей Хурлико.
Хурлико поняла эти слова,
Приказала своим прислужницам:
«Принесите узелки с одеждой,
Быстро переоденемся во все лучшее».
Принесли они узелки,
Поставили перед красавицей.
Облачили ее в золототканую одежду
И рубашку из змеиной кожи,
На голову ей — расшитый золотом платок.
Взяла она зеркало,
Подвела свои глаза
Сурьмой, подвела она ресницы
У двух своих черных очей,
Румянами подрумянила щеки,
Заплела свои кудри,

Выпустила их на щеки.
Выступает золотокудрая,
На ноги она надела запястья.
Ее стан, как алиф *, друзья,
Ее зубы — чистое серебро,
На шее золотое ожерелье.
Серебряное ожерелье на груди у нее.
Покачиваясь, пошла красавица,
В зубах у нее сакич *, пощелкивает им красавица,
А звуки сакича поднимаются к поднебесью.
Пошла она, изгибаясь,
Стан ее [гибок] как лоза, а талия — муравьиная,
Уста ее — фисташки, а зубы — жемчуга.
Сама она — отрада для души.
Четыре-пять подвесок выпустила,
Они спускаются ей на лицо,
Брови — хвостики змеиные,
На плечах у нее девяносто амулетов,
Груди ее — гранаты.
Шея ее словно тончайшая бумага,
Губы и рот ее — жемчуг чистый.
Идет кокетливой походкою,
И покрывало спадает у пери:
Прелестный кашгарский цветок.
Тело ее — прекрасный жемчуг.
Коль увидишь красоту луноликой,
Влюблен если ты — умрешь.
С места встала луноликая,
На груди у нее колышется цепочка,
Сама словно цветок, распустившийся весной.
Поспешила игриво,
На ногах у нее булгарские туфельки.
Сделала первый шаг — жеманится,
Сделала второй шаг — заигрывает,
Сделала третий шаг —
Выпрямилась и прихорошилась.
Брови подрисованы басмой.
В носу у нее золотое кольцо,
В ушах — позолоченные сережки,
Расшитый золотом платок и венец на голове.
Чтобы подготовить ей покои,
Разостлали одеяла,
На них положили пуховые подушки.
Приказал Райханараб-зверь
Сверкающей Хурлико:
«Завари-ка быстро чай,
О дочь моя, Хурлико!
Быстрей насыпь в чай снотворного зелья,
Я же приведу Бектошкулхана,
А ты принесешь тогда снотворное зелье».
Приготовили снотворное и чай,
Поставили чайник на поднос.
Бектошкул-богатырь
Выпил пиалу чая, поданного красавицей,
Лишился сознания богатырь:
[Ведь] эта девушка, Хурлико,
Пошла и, как сказал ей отец,
Развела в чае снотворное зелье.
Без сознания упал Бектошкул,
Потому что выпил чай красавицы.
Принес железные кандалы Райхан,
Заковал руки и ноги Бектошкула
И повел и запер его в зиндан».
Вот что рассказала беспомощная старуха.
Заплакал Аваз-богатырь,
Сказал Аваз: «О мать,
Не беспокойся больше о сыне.
Ты искала Аваза-богатыря,
Вот я и есть Аваз, мужественный воин,

Я буду справедлив к тебе,
Я вызволю твоего сына из рук Райхана».
Посадил он старушку на ветроногого гнедого коня,
Семь ночей и семь дней ездили они в степи,
Пока не достиг Аваз страны Райхана.
В доме немощной старушки
Провел ночь, настало утро.
Проснулся Райхан-падишах,
Отдал он приказ со своего золотого трона:
Велел палачам казнить [Бектошкула].
Палачи поставили на базаре виселицу,
Собралось зрителей видимо-невидимо,
Весь измученный народ пришел,
Страдающий от гнета подлого Райхана.
Тогда вывели из зиндана
Бектошкула-пахлавана.
[Приставили ему] копья к затылку,
Пригнали его мигом на базар.
Как взглянул Бектошкул и увидел все,
Вспомнил свою мать, друзья,
От страха перед смертью закричал он,
Охватили его горе и тоска:
«Где ты, — сказал он,— моя мать?
Хоть землю проруби, о мать, но приходи!
Посмотри-ка на своего сына,
[Ведь] твой сын молод,
О мать моя, дорогая,
Не привела ты богатыря Аваза,
Чтобы он спас меня от виселицы Райхана.
Сам навлек я на себя беду.
Где он мой желанный друг?!
Аваз, ведь ты мой избавитель!»
Услышал его богатырь Аваз,
Надел на себя боевые доспехи,
Вскочил на крылатого Зайналкира,
Пустил Аваз вскачь своего крылатого гнедого коня,
И Зайналкир взлетел на крыльях.
Загремели мраморные латы,
Добрался до базара боевой лев,
На базаре спешился Авазхан.
По виселице Райхана
Как ударил мечом мужественный воин,
Так и разбил виселицу вдребезги.
Разрубил оковы,
Высвободил Бектошкула,
Снес палачам головы с плеч долой.
Райханараб тут же примчался
На своем бессловесном коне,
За плечами у него огромная палица,
Голова его как небесный купол,
Уши его громадны,
Словно дехканские чапары*-волокуши.
Увидел его облик и силу Аваз:
Каждый ус его как осока резучая,
А зубы его словно топоры,
Ни во что не ставил он Аваза.
Увидел Райхан Аваза и расхохотался.
Сказал Райхан: «Эй, Аваз, молокосос,
Ты стоишь только того,
Чтобы тебя обнять!»
В лицо Райхану-падишаху
Захохотал Аваз: «Ха-ха!»
Аваз сказал: «Эй, Райхан,
Зовут меня Аваз-богатырь,
Копье мое пробивает кремень [насквозь].
Есть у меня для тебя совет.
Сто кулачных ударов я готов нанести в бою,
Но и одним ударом кулака побью тебя, Райхан.
Эй, Райхан-падишах, ударь-ка меня!

Я передаю тебе черед на удар!»
Нацелил свою палицу Райхан
На Авазхана.
А мудрый гнедой
Косит глазом на гнусную палицу.
Встрепенулся ветроногий гнедой:
«Отпряну назад от палицы!»
Но натянул Авазшах узду:
«Ни на волос не отступай, гнедой!»
Четыре ноги свои на майдане
Держит, не двигаясь, бессловесный конь.
И когда палица зверя [Райхана]
В тот час и на том поле битвы
Угодила в щит Авазхана,—
Огонь брызнул на землю, а дым поднялся к поднебесью.
Отскочила, перевернулась палица.
Расхохотался [Райхан]-зверь, [увидев, как поднялась пыль столбом].
[Но] рассеялась пыль, и увидел тут Райхан,
[Что] Аваз сидит в седле.
[Тогда] раздался барабанный бой Аваза.
Боевой барабан Аваза гремит,
А все кругом дрожит.
Испугался Райханараб.
Аваз взял золотое копье,
Один конец копья — под мышкой,
А острие копья на голове у ветроногого,
На четверть выступает копье.
Выставил свое копье Аваз,
Просверлил он копьем черный камень,
Бронзовый панцирь Райхана надвое, расколол,
Щит его пробил,
Спалил семь нижних шелковых рубашек,
Насквозь прошло копье сквозь грудь.
И Райханараб-падишах
Вверх тормашками грохнулся на черную землю.
Весь народ, что наблюдал за битвой, рассмеялся,
Сказав: «Будь здоров, Авазхан,
Спаслись мы от ига Райхана!»
И отдал Аваз его царство народу,
А Бектошкула взял себе в друзья Авазшах.
Мать Бектошкула
Назвала своим сыном богатыря Аваза.
Аваз-богатырь
Отдал страну нищему люду.
Благословил Авазхана [народ],
Вернулся он на свою любимую родину,
В свой Чамбули-мастан.
Гульширмо, увидев Авазшаха,
Созвала играющих на дойре*.
Раздались звуки флейт и барабанов,
И слились они со звуками дойры и чанга.
Добился своей цели Авазхан,
И вам своего добиться — все вы молоды!
Хикмат Ризо этот дастан сложил, друзья,
Это сказание о прошлом богатырского народа,
О богатырях давнего времени,
Что вышли родом из таджиков.

VII. О ПОЕДИНКЕ АВАЗА С ЛАНДАХУРОМ, СЫНОМ ПАДИШАХА КАШКАНДЭВА

Встал эмир Гургули с золотого трона,
Взял он подзорную трубу,
Поглядел в нее
И увидел: колышатся в воздухе знамена,
Увидел в степи боевые войска.
Впереди увидел отряд осьминогов,
За ними — отряд копьеметателей,
Увидел бесконечное число лучников,
Увидел палиценосцев богатырь,

Увидел сетеметателей и заклинателей,
Безбрежное море войск.
Когда они прошли степь,
Взглянул эмир на Аваза,
Встал могучий Аваз:
«Не печалься, светлейший беглар,
Ведь ты мой отец!»
Разрыдался эмир,
Потекли слезы ручьем из глаз Гургули-султана.
«Нет мне жизни без тебя,
Ты, богатырь, стал моим сыном,
Ведь не дал мне господь детей,
Без тебя не останется [жить] султан!»
Принесли доспехи Авазу.
Поднялся он с места, удалец,
Возложил на голову золотой венец,
Надел надушенную мускусом одежду победы,
На тело — мраморные латы. -
Прикрылся семью щитами удалец,
К поясу привязал кинжал,
Закрепил на себе все боевое снаряжение,
А с обеих сторон ножны.
Взял он в руки лазуритовое копье,
Взял двойной барабан удалец,
И выехал богатырь из Чамбула.
Мелькают четыре копыта гнедого, словно огненный дождь.
Выступил богатырь на встречу с врагами.
Выехал в поле
Аваз, могучий лев:
«Рука моя на твоей гриве,—
Сказал,— конь беглара,
Не дай пленить [моих] двух дочерей,
Расправь свои крыла, бессловесный,
Чтоб враг не захватил нас обоих».
Войска все были в сборе,
И начал Аваз бой.
Ударил богатырь в боевой барабан —
Гремит барабан по степи.
«Эй, противник,— крикнул Аваз-воин,—
Кто против меня, выходи вперед!»
Но и бровью не повел Ландахур,
Развалился он в золотом шатре.
Трижды призывает богатырь
Выйти противника на поле боя,
Но войска и не шелохнулись.
Половина войска повернула назад,
Отряд осьминогов, врагов Аваза-воина.
Вдруг поднялся вокруг Аваза шум —
Окружил его отряд осьминогов.
Бьется [Аваз] словно леопард,
Воин Аваз украшает поле боя.
Сыпятся с воздуха восьмиконечные стрелы,
Копьями бьются богатыри [Аваза],
Стрелы падают на поле боя.
Уже многие вражеские воины покаялись,[что вступили в бой],
А Аваз, словно голодный волк,
Что нападает на отары баранов.
В слезах везиры-ясновидцы Ландахура,
Говорят везиры: «Если не проснешься
Ландахур-богатырь,
Эй сын великого Кашкандэва,
Не останется и семени от войска твоего,
Стоит стон в войсках твоих!»
Поднялся Ландахур-богатырь,
Привязал стрелы в три ряда,
С двух сторон повесил исфаханские мечи.
И ножны у него и огромные ножи,
Голова его словно небесный купол,
Уши как дехканские чапары-волокуши,

Усы его свисают книзу.
Вышел он на поле боя,
Ни во что не ставит он богатыря,
Встал перед могучим львом:
«Одинок ты,— сказал,— многоискусный Аваз.
Локоны у тебя и мускусная [одежда] победы,
Брови у тебя словно у девушки.
О Аваз-воин,
Все военачальники отдают мне добычу свою.
Мне перепало много добычи от них.
Из-за тебя, богатырь Аваз,
Я разрушу страну твою Чамбул».
Засмеялся богатырь Аваз:
«Не говори так, неверный,
Похваляются собою только женщины!
Труп твоего осла съедят ястребы,
Даром не достанется тебе Чамбул.
Вот тебе поле боя!
Зовут меня Аваз-богатырь,
Копье мое пробивает кремень насквозь
Твой черед, наноси удар!»
Ландахур взял лук,
Вложил богатырь в него восьмиконечную стрелу,
Тетиву до ушей своих
Натянул тот безродный.
Угодила стрела в мраморные латы,
И, расплющившись, стрела богатыря,
[Тут же] упала на землю.
[Тогда] метнул он палицу кверху
Над Авазом-богатырем,
А другой рукой ударил его огромным копьем,
Копье Ландахура разбилось вдребезги.
Захохотал Аваз-богатырь,
[Но тут] с поднебесья летит палица Ландахура.
Косит глазом гнедой на палицу, друзья,
Ветроногий хочет в сторону отпрянуть,
[Но] натянул узду Аваз-воин.
[Вот] палица упала с поднебесья.
Угодила в щит богатыря —
Пламя взметнулось на поле боя,
Палица, перевернувшись, ударилась так,
Что земля взметнулась с двух сторон,
Поднялась пыль столбом,
И эмир перестал видеть Аваза.
Поднялись в Чамбуле стоны...
[Но вот] повеял сверху ветерок,
Пыль рассеялась на поле боя.
Посмеивается Ландахур-богатырь...
Выпрямился Аваз-богатырь
На гнедом коне султана...
Мечи исфаханские разбились вдребезги,
Не осталось в руках у них оружия,
Схватили друг друга за золотые пояса,
Укрепились они в седлах,
[А] два коня взлетели на крыльях,
По тридцать две родинки у обоих животных.
Происходят оба от коня Райханараба,
[Значит], братья они.
Отбились оба коня от войск,
Три ночи и три дня кружили в степи,
[И тут] наступила ночь.
На четвертую ночь скакун авлиё [Гуругли]
С места не может сдвинуться гнедой конь богатыря,
Жалобно ржет верный конь.
Стал умолять его Аваз-богатырь,
Слезы текут ручьем у него из глаз.
Сетует он на коня султана:
«В руки врага ты отдаешь своего хозяина».
[Но] Зайналкир эмира [так] замучился,

[Что], сколько ни просил его воин,
Не шевельнулся конь авлиё [Гуругли],
Завязло в зарослях верное животное,
Струями пот стекает с тела гнедого.
Конь заснул на четырех ногах.
Издал крик Аваз, удалец,
Но и с места не сдвинулся конь беглара.
Вышиблен [Аваз] из седла,
И Ландахур уж надевает на него кандалы.
Сковал он руки Авазхана
И в плен берет богатыря.
Коня эмира ведут сзади в поводу.
Привели Аваза к везирам –
Все везиры смеются.
Связали Аваза на майдане.
«Земля чамбульская,– сказал,– погибла!»
Вышел Ландахур на майдан,
Крикнул: «О Гуругли-султан!
Мы два полководца.
Нет пользы в войне, авлиё,
Сойди-ка со своего коня,
Я отведу тебя к Авазхану,
Я свяжу твои руки, сокол нашего времени!»
Краска сбежала с лица эмира,
Побледнели губы его,
Закусил он их, раскровенив на них всю кожу.
Выхватил золотое копье,
Положил золотое копье на голову коня Охбутана,
Ударил копьем по щиту Ландахура-богатыря.
Сломалось копье [Гуругли] султана.
Вытянул руку Ландахур-богатырь.
«О эмир, ты не стоишь цены моего коня.
Не этим славишься ты, авлиё,–
Ведь ты уже полуживой».
Схватил сокола нашего времени Гуругли-султана.
Привели его к Авазу-богатырю,
Поставил эмира на майдане,
Смеялись дурмены:
«От двух врагов избавились мы.
Главарем Чамбула назначим Ахмадшаха».
Взглянул Ландахур:
«Заклинатели, сетеметатели, выходите вперед!»
Посылает Ландахур сетеметателей
На Чамбул султана.
Окружил он утром дурменское племя,
Согнал дурменов в кучу.
И всех угнал в плен Ландахур-пахлаван.
Разрушил страну Чамбул,
Пленил Гульширмо и восемьдесят девушек
И направил войска в сторону Балхубана.
В Балхубане – ставка Авазхана.
Каракуз, ясный месяц, увидела,
Каракуз очаровательная заплакала,
Шелковую одежду на себе разорвала,
Родинки свои содрала:
«О, муж,– сказала, рыдая,–
О, горе,– сказала,– мой муж!
Две девушки мои – беспомощные,
Посыплю голову пеплом,
Буду скорбеть по мужу до самого судного дня!»
Каракуз повесила талисман на грудь
И обернулась голубкой,
Взлетела на крыльях в поднебесье,
Каракуз по воздуху смогла скрыться,
[Но] враги схватили двух девушек,
Пленили дочерей Авазхана,
Угнали из Чамбула они весь род [Гуругли] султана.
Гнал Шахсалман табуны коней святого,
Табуны эмира угнал Ландахур-богатырь.

[А] Каракуз летела по небу,
Лицо пери все в слезах,
Ищет она город Каримхана.
В горах и безводной пустыне затерялась дорога,
Пыль и прах поднялись к поднебесью.
Спустилась она в стране Шахбаза-зверя,
Встретили Каракуз, ясный месяц,
Повели к золотому трону,
Взглянул на нее Шахбаз-падишах,
[Увидел, что] текут по щекам красавицы кровавые слезы.
Ни кровинки в лице и в теле.
И сказал Шахбаз: «О сестрица,
Из какой ты страны, сверкающий месяц?»
Разрыдалась пери Каракуз:
«Что сказать мне, дорогой падишах,
Не слыхал ли ты имени Аваза-богатыря?
Моим мужем был этот богатырь,
[Но] сын чудовища Кашкандэва
По имени Ландахур-богатырь
С семьюдесятью двумя поднятыми ввысь знаменами
Пошел войной на эмира-султана.
Скакун эмира стал уже стар годами,
И не смог конь Аваза сдвинуться с места,
Пленил Аваза этот богатырь,
Лишился эмир своих сил,
Весь род эмира [Ландахур] увел в темницу».
Сказал Шахбаз: «О сестрица,
Зовут меня Шахбаз.
Я заменю тебе отца,
Ты испепелила мое сердце.
О сестрица, слезы рекой текут из глаз твоих!
Я слышал имя Авазхана,
Но самого его не видел.
Ты стала гостьей в нашей стране.
Хоть безгранично силен Ландахур-богатырь,
[Но] мы отомстим ему [за тебя].
Не горюй, сестрица,
И не разыскивай страну, где сейчас Аваз, могучий лев.
Во имя Аваза, твоего мужа,
В память о нем я назову тебя сестрою.
Дам тебе золотой шатер
И буду твоим наставником».
Отдал распоряжение падишах есаулам.
Они взяли красавицу Каракуз
В город Шахбазшаха,
Дали ей шатер в городе: «Трудись, ясный месяц,
Получай питание!»
Сказала Каракуз: «Ладно, есаулы».
И вернулись есаулы обратно.
Трудится красавица Каракуз.
Была она беременной от Аваза-воина.
Восемь месяцев работала сверкающая Каракуз.
Обносилась она,
Обессилела в той стране.
На девятый месяц стала она бродить по площадям,
И хлеба просила красавица.
Гнали ее дети,
Бросали ей вслед камни,
Бежали за ними собаки.
«Укуси!» – натравливали их на луноликую.
[Так] прошло девять месяцев и девять дней, друзья,
Занемогла она однажды ночью, а наутро
Бог дал ей сына.
У младенца золотые кудри на голове,
[А] Каракуз голодная [бродит] по белу свету,
[И] нет в груди молока у луноликой.
Плачет ее сынок.
Когда видела она, что наступает утро,
Оставляла в золотом шатре ребенка –

[Даже] тряпки не было у матери, чтобы спеленать его.
Ходит Каракуз от ворот к воротам
И просит милостыню у чужих дверей,
А дети швыряют в нее камнями.
[Однажды] у ворот проходил старец:
На голове у него зеленый колпак,
В руке посох, как у отца.
Оставила мать ребенка в шатре,
А сама выбежала за ворота.
Выбежала, упала от голода.
«О милосердный отец,— сказала она,— о желанный,
Девять месяцев, как я нищенка, одна-одинешенька.
В этом шатре по милости бога
Я удостоена сыном.
В этой стране нет мусульман,
[Кто бы мог] дать ему имя, о желанный!»
Старец ответил: «О милое дитя!
Возвращайся скорее,
Войди в шатер, сестрица,
Положи ребенка у входа,
Я взгляну на твоего сына».
Вернулась Каракуз,
Вошла в шатер,
Взяла мать своего ребенка,
Вынесла и положила у входа.
Старец подошел к младенцу:
«Я назвал его Нуралишо,
У покровителя мира острый меч,
Не горюй, златокудрая!
Через десять лет он будет топтать врагов,
И ты добьешься своего».
Ребенка отдал матери.
А был он святой Хизр.
Плачет и стенает мальчонка на руках у матери...
Пошла [Каракуз] к Шахбазхану,
На руках у матери ребенок,
Вошла Каракуз в двери,
Сложила руки на груди.
Шахбаз посмотрел,
Увидел ребенка на руках матери.
А Каракуз горько плачет,
Положила ребенка на золотой трон.
И сказала: «О Шахбаз-падишах,
У Аваза-воина есть теперь сын.
Возьмите малого младенца —
[Ведь] нет у меня никого на белом свете.
Умрет от голода сын Авазхана,
Вы будете в ответе».
Застонал Шахбаз на золотом троне,
Взял Нурали и назвал его сыном.
Проводил он плачущую Каракуз,
В свой дом взял их великий Шахбаз,
Подошел Шахбаз к своему трону.
Вызвал воспитателей, и малых и великих,
И отдал им на воспитание Нурали,
А потом оповестил на базарах:
«Пусть никто не проговорится, что это сын Аваза-воина,
[Иначе] сниму [проговорившемуся] голову с плеч,
А говорили бы, что это сын Шахбазшаха».
Меж тем, [когда] исполнилось Нурали семь лет,
На улице, где жила одна дряхлая старушка,
[Едва] поднялось на небе солнце,
Собрались все дети играть в бабки.
Нурали подрался с сыном старшего везира.
А в руках у них были свинцовые бабки,
В гневе закусил Нурали губы
[Так, что] прокусил их до крови,
Бросил в сына старшего везира бабку,
[Так, что] того надвое разрубило.

[И] бабка, [запущенная] Нурали, отскочив на майдан,
Попала в стену [дома] немощной бедняжки.
Пробила она стену,
[А] проклятая вдовушка пряла [как раз] свою пряжу.
Бабка угодила ей по рукам
[И] раздробила ей руку,
Нурали шел следом,
Нигде не нашел он бабки,
[Но] увидел плачущую старушку,
Душа еле-еле у вдовы в теле держится.
Встала чертова вдовушка
И сказала: «О юноша, чтоб ты сдох молодым!
Пропади пропадом твоя силушка,
Если ты так силен, сынок!
Ах ты, сирота-подкидыш!
Ты покалечил мне руку, проклятый!
Не подыхает [никак] твой отец в зиндане!»
Отвернулся Нурали и заплакал:
«О мать,— сказал,— как зовут моего отца?»
Смотрела Каракуз [на сына]
И подбежала к Нуралишо:
«Что ты плачешь, сын мой?»
«Скажи мне правду, мать, о тайне
Узнал я нечто [о ней].
Как зовут отца?»
«О дорогой мой сын,
Отца твоего зовут Шахбаз».
Горько заплакал Нурали.
«Ты говоришь, мама, неправду,
Я никогда не видел своего отца.
[Ведь] мы гости в этой стране.
Никого из близких нет у меня,
А ты [ведь] моя мать,
Так раскрой [же мне] тайну [моего] отца,
[Иначе] я снесу твою голову мечом».
Испугалась Каракуз юноши:
«Что сказать мне, мой дорогой сынок?
Зовут твоего отца Аваз-богатырь,
Его копье пробивало насквозь кремень,
[Вот уже] семь лет, как он в зиндане...»
Вот исполнилось уже сыну Аваза десять лет,
Богатырь питается лишь в степи,
Охотится он на серн в пустыне.
[Однажды] Нурали заметил табун,
[А затем] увидел [и] низкий шалаш.
В думы погрузился воин
Еще неопытный Нурали:
«Как бы не оказалось в этом шатре страшного врага!
Прикинусь-ка я каландаром
И проверю-ка я этот золотой шатер».
Колпак дервиша надел он на голову,
Благодарующую тыкву взял, золотой пояс,
Отрепья золототканой одежды на груди.
Подъехал ко входу в шалаш,
Воскликнул: «Бог мой!» — и
Затянул дервишскую песню Нуралишах:
«Встал я утром и сел у изголовья подруги
Увидел розы ее ланит и родинки ее,
Увидел ее зубки как перлы, подобные месяцу в темной ночи,
Безупречными нашел я зубы и губы подруги моей,
Как будто нарисовал ее каламом* сам создатель-господь.
Я блуждаю по свету и нигде не чую аромата твоего.
Огонь загорелся из-за стройного стана твоего...
Я сказал: ,,О, месяц вселенной, за что покрыла пыль лицо твое?"».
[Как только] спел юноша эти байты,
Из большого шалаша вышли две девушки:
Обе в слезах и горько плачут.
Нет на них одежды,
Ступни их в волдырях...

Поздоровались с немощным [«стариком»]:
«О сладкоголосый дедушка,
Когда ты, немощный, пел,
Мы думали, что пришел наш отец.
О многоискусный дед!
Нет милостыни у нас, чтобы подать тебе,
Безродный Ландахур сделал нас табунщицами
Из-за нашего отца Аваза,
Он не дает нам ни пищи, ни одежды,
И питаемся мы молоком кобылицы».
[Нурали] дернул за повод и повернул коня обратно,
Не открывшись своим старшим сестрам.
«Я немного,— сказал он,— побродяжничаю еще по белу свету».
Прикинувшись совсем немощным, юноша
Ушел вечером в час последнего намаза.
Вдали показалась зеленая башня,
Сошел с коня у башни богатырь
[И снова] стал «нищий» стенать по подруге:
«Я воспеваю твою красоту, о моя луна неласковая,
Когда молодой месяц на небе восхищается твоей красотой,
Сердце кровью обливается у влюбленных и страждущих по тебе.
Всевышний дал нам завет: одари стремящихся к тебе!
Ты — словно молодой саженец райского сада, о прелестная.
День и ночь юноши и старцы молятся за счастье твое.
Куст рубиновый губ твоих подобен агату Йемена.
Я видел ворона, сидящего вместе с соколами,
В сердце у меня были сотни желаний воздать хвалу тебе,
Но отнялся у меня язык в то время при одном воспоминании о тебе.
Дай мне «нун», «айн», «мим», «те», т. е. сделай милость для соединения с прекрасным кумиром.
Я сгораю от любви к тебе, но ты со мной не ласкова».
[Тут] спустилась сверху Гульширмо.
«Убитый горем этот нищий»,— сказала она.
Поздоровалась со «старцем» [и спросила]:
«Откуда ты, гость?»
«Есть у меня просьба к тебе, о луна вселенной:
Скажи, где находится зиндан твоих врагов?»
Гульширмо сказала: «О нищий,
Посмотри в нижней части города:
Там есть широкая река,
На дне реки и находится зиндан».
Течет река, река безбрежная,
Охватило Нурали смятение при виде реки,
Он сказал: «О мать,
Где же плотина у этой реки?»
«О прохожий каландар,
Иди скорее в верхнюю часть города,
Там найдешь ты плотину на реке,
И увидишь ворота и врагов».
«Каландар» поехал обратно,
Под ним его несравненный конь.
Показалось верховье реки,
[И] увидел юноша восемьдесят богатырей.
Мигом погнал он бессловесного коня,
Бросился на множество врагов.
Враги растерялись.
Копье в руках юноши,
С ним выехал он на поле боя
И отрубил восемьдесят голов.
[А затем] направил копье в ворота удалец
И разбил вдребезги падишахские ворота.
Отвел он реку от зиндана.
Богатырь ищет зиндан.
Посмотрел, куда пойдет [сам] могучий конь,
Опустился вниз богатырь,
Уперся копьем в коня,
Разворотил жженые кирпичи, побросал их кверху
И открыл двери зиндана.
Воткнул тогда копье в землю богатырь,
Поставил на выстойку бессловесного коня.

Сбросил сверху канат,
Упал [канат] на голову святого [Гургули].
Сил уже больше нет у Гурутли-султана,
[Но] заметил он канат,
Схватил его эмир-султан,
Обвязался канатом вокруг пояса.
Потянул его Нурали и вытащил.
Эмир — полуживой,
Душа в теле эмира как «гость».
Снова схватил канат и сбросил его вниз «нищий».
Одного за другим вытащил всех дурменов,
[Всех оставшихся в] живых из своей родни вызволил юноша,
А трупы оставил в зиндане.
Воскликнул «нищий старец»:
«Слушайте, узники,
Кто из вас Аваз-воин?»
Разрыдался при этих словах эмир:
«Ты говоришь об Авазе, немощный старец?
Ниже на сто ступенек [есть еще] зиндан,
В этой темнице и находится Аваз-богатырь».
Взял канат богатырь,
Спустился в [тот] зиндан.
Вошел юноша в зиндан,
Увидел много трупов [из людей] рода беглара,
Опустился еще вниз на сотню ступенек,
Добрался до дверей [еще одного] зиндана,
[А там] спали шесть богатырей.
Схватился за рукоятку исфаханского меча
И отрубил юноша шестерым головы
У дверей зиндана, где был его отец.
[Одним махом] разбил он двери зиндана вдребезги
[И] вошел к отцу.
Руки «нищего» сложены на груди.
Аваз сказал: «О немощный старец,
Вот уже десять лет, как я в этом зиндане.
Я, богатырь, питался лишь землей,
И тело мое отяжелело.
Если не будет коня султана,
То не вынести тебе меня из зиндана,
Нет, о немощный [старец], другой силы, которая могла бы поднять меня».
Каландар сказал: «О боже! Помогите мне, святые!»
Схватил желанного отца за пояс,
Оглянулся [вокруг себя] юноша,
Взвалил на себя тело отца,
Поднял его воин на сто ступенек,
Вывел Аваза в тот зиндан, где находился авлиё,
Огляделся Аваз,
Увидел трупы родных,
Увидел много трупов,
Потекли [ручьем] слезы из глаз Аваза,
Кровь полилась по его лицу.
Сказал Аваз: «О нищий,
Это трупы наших родичей,
Я не выйду из зиндана,
Что мне делать на свете без родни?»
Не раскрыл Нурали своей тайны отцу,
Обвязал удалец канат вокруг пояса,
И вышел Нурали с канатом,
Сел верхом на ветроногого коня,
Куранг взмыл ввысь —
Канат в руках у Нуралишо,
Авазхан [тоже] взялся за канат,
И Нурали вытащил его из зиндана.
Осмотрелся Аваз,
Увидел группу дурмен и авлиё.
Мужественный воин Аваз.
Увидел эмира-султана и [словно] опьянел [от радости].
«Старец» пропустил их вперед,
Провел их в большой дворцовый сад,

[А сам] Нурали вернулся назад,
Крепко закрыл «нищий» за собою ворота сада
И не раскрыл своей тайны отцу,
Могучий лев приготовился к битве.
Сказал Ландахур: «Глядите:
В нашей стране появился враг,
[Он] разрушил уже полстраны».
Старший ясновидец ответил: «Падишах,
Стало известным нам имя Нуралишах,
Я смотрю в гороскоп [и вижу]:
Снес он твою голову с плеч».
Краска сбежала с лица богатыря,
Ударил он ясновидца кулаком.
Развалился ясновидец на части.
Взял богатырь боевую палицу.
«Нет врага, кто осмелился бы напасть на нашу землю,
А сыну Аваза Нуралихану
[Хоть всего] десять лет, [но] прикинулся он немощным старцем
Барабан львенка гремит,
Вражья страна дрожит,
Крепость дэва взлетела на воздух.
Стреноженный Зайналкир услыхал,
Он узнал звуки барабана юноши,
Разорвал свои стальные путы
И вырвался на улицу конь султана.
Издал боевой клич Аваз-богатырь,
Задрожало все: и земля и время.
Прилетел конь султана в большой дворцовый сад,
С высоты в сорок четыре аршина
Опустился в дворцовый сад бессловесный [конь],
Прибежал к Авазхану.
Вскочил на него Аваз-богатырь.
«Тот нищий был Нуралихан,
Как бы не пленил враг нашего сына!»
Поднялся гнедой конь в поднебесье,
И примчался Аваз на поле боя.
Сбросил Нурали свой мраморный колпак.
Едва увидел Аваз красоту сына,
Лишился чувств богатырь.
Перед ним встал Нуралихан:
«Салом алейкум*, дорогой отец,
В борьбе с врагом будь начеку!»
Сказал Аваз: «О сынок,
Ты еще молод и неопытен,
Уж очень силен этот неверный!»
Ответил Нурали: «Не говори мне так, желанный.
Вы вышли из зиндана и не оправились еще.
Благослови своего сына.
Я один пойду против врагов твоих!»
Сколько ни умолял его Аваз,
Не прислушался Нурали к его словам,
Ни во что не ставил он врага,
Сказал Аваз: «Нуралихан,
Садись на скакуна султана,
Он верный конь,
Он всегда спасет тебя на поле боя».
Гнедой конь эмира взлетел на крыльях,
Раздалось громыхание мраморных лат.
Наскакивают два могучих коня друг на друга.
Копье они держат за щитом,
Надвое раскололся щит врага.
Рассыпались по полю боя стальные звенья панциря,
Копье юноши дошло до груди врага –
Грохнулся враг на землю вверх тормашками.
Собрались бесчисленные вражьи войска,
Нет конца и края им.
Они подобны безбрежной реке –
Выступили на бой [против] Нурали.
Разъярился Аваз-богатырь

И погнал он коня вскачь на поле боя,
Вступил в бой богатырь,
На поле боя отряды заклинателей.
Целых три месяца богатырь
Дрался, не складывая оружия в стране проклятого.
Народ наблюдал за ним,
Жалуясь друг другу:
«Этот враг Ландахур не давал покоя народу,
Принес он нам много страданий».
Поглядели престарелые везиры
И закричали: «О народ,
Тираном был Ландахур-богатырь,
Пил он народную кровь,
На него трудились мы и вы,
Не имели куска хлеба [наши] дети.
Мы — великие везиры,
А Аваз-богатырь — украшение вселенной!
Десять лет томился он в зиндане,
Его сын уничтожил всех крупных военачальников
И снес голову с плеч Ландахуру и всем его богатырям.
Аваз-воин покровитель народа,
Бейте отбой в барабаны радости!
Пусть он пощадит нас,
[Чтобы] наши дети не остались сиротами!»
Забили они отбой в барабаны радости.
«Мир-мир!» — кричал народ.
Еще целый год в стране Ландахура-падишаха
Царствовал Аваз-воин.
А через год он отдал страну народу.
Аваз и Нуралишах выехали,
Впереди них везли по степи добычу.
Посмотрели Гуланор и Гульхумор,
Увидели бесчисленную добычу,
Увидели Аваза рядом с Нуралиханом,
Разрыдались обе,
Льются слезы рекой из глаз сестриц.
Спешился Аваз с седла,
За ним сошел с коня и Нурали.
Обняла отца за шею Гуланор,
Братишку обняла за шею Гульхумор.
Вскочили Нурали и Аваз-богатырь,
[Снова] сели на ветроногих
[И] пустили вскачь коней по степи.
Помчались [с подарками] к Шахбазхану
Нурали и Аваз-богатырь.
Целый месяц ехали они в страну Шахбазшаха
[Как только] гости въехали в страну,
Прибежали, засуетились есаулы,
Схватили есаулы коней под уздцы,
Повели они коней воинов.
Сошел Аваз с коня, за ним и Нурали.
Как увидел супруг свою Каракуз,
Прижал он руки к груди,
Прижала руки к груди и луноликая,
Поклонился богатырь [луноликой],
Обняла она за шею сына,
Целует юношу:
«Живым нашел ты своего отца!
Не видел ли, богатырь, и двух сестер своих?»
Заплакал Нурали [и говорит]:
«О дорогая мать,
Нашел я обеих сестер и эмира-султана.
Не рыдай, о мама,
Мое сердце испепелила ты».
Явился и Шахбаз-отец,
За ним все его дружинники.
«Посмотрю-ка я на могучего льва Аваза».
Все сошлись тогда
Поклониться Авазу-богатырю.

Огласил Шахбаз свадебный пир,
Весь народ [города] собрался на пир,
У него есть дочь Гульхиромон,
Это — дар могучему льву Авазу.
Семь ночей и дней давали пир два воина.
Впереди Нуралишах,
Следом Аваз-воин,
Нурали пел: «Друзья,
Желанный наш [Гургули-султан] пришел шахмардом.
О, стан твой подобен сосне, а лицо твое подобно месяцу,
В разлуке с тобой я стал каландаром с колпаком на голове.
Что ты плохого увидела от меня, несчастного, за что ты на меня обиделась?
Сладкоречивый попугай, горлинка семи небес!
Я покаялся в своих грехах, будь же благосклонна к изгнаннику,
Чтобы я не жаловался на тебя в последний судный день.
В цветнике играл я на флейте, вспыхнула купа роз,
Моим собеседникам-друзьям досталась лишь пыль праха моего.
Солнце огня Хайдара вспыхнуло в сердце моем,
Бьется в клетке птица моей души и громко стонет.
Аваз спереди, сын позади,
В следующие семь дней и семь ночей
Достигли они степи Хайбар.
Явились к эмиру [Гургули-султану],
После трех ночей и трех дней
Повезли они по степи добычу
По направлению к Чамбули-мастану.
Этот рассказ поведал Хикмат Ризо,
Кончилась эта повесть, расскажу, друзья, другую.

VIII. СКАЗ О МАСТАН-«СТАРУХЕ» И О ТОМ, КАК ТУРАБ-ПАДИШАХ ВЫСТУПИЛ ПРОТИВ ЧАМБУЛА

В утренний час
Сидел Гурутли с сорока правителями.
Уже солнце клонилось к полудню,
Когда пришли приветствовать его воины и дружинники.
Прочитали молитву «Велик Аллах».
Гургули оглянулся:
Много воинов сидит вокруг него,
Пришли и прекрасный Аваз,
Хасанхан и Шадман.
Перед всеми разостлали дастархан,
Отдал приказ шах-султан [певцу Саки]:
«Бери золотой тамбур,
Расскажи нам, сынок, и спой,
Расскажи нам про Чамбул,
Пусть услышат стар и млад».
«Ладно,— сказал [Саки],— отец, султан!»
Тут же взял в руки тамбур —
Громкие звуки песни поднялись ввысь.
Вскочил Ахмад, а с ним сорок молодцев,
Попросил [Ахмад] у Гургули-султана:
«Я1 старший над туркменами,
Я — копьеносец на поле боя,
Я — боец и богатырь,
Подари мне коня-скакуна,
Я превращу в пепел большие города,
Приведу для тебя девушку, ясный месяц».
Приказал Гургули Саки:
«[Ведь] Ахмадхан — мой дядя,— сказал,—
[Так] оседлай же коня и приведи его».
Бегом пустился Саки,
Оседлал коня,
В поводу повел его к Ахмадхану.
Две девушки придерживали коня за уздцы,
Приторочили боевой барабан и барабанные палочки,
Сосуд с водой приторочили к седлу.
Надел на себя доспехи Ахмадхан.
Пришли Гулюсуф и Каххархан,
Надирбек и Карахан,

Камалбек и Зухурхан,
Сорок туркменских шахов
Сели верхом на сорок коней.
Прочитали молитву и стар и млад,
К прудам Чамбула отправился Ахмадхан.
Проехал он землю султана,
Достиг безводных степей Кумистана.
Там, где сходились дороги на большом перекрестке,
Разбил свой боевой шатер Ахмадхан.
Направил он подзорную трубу на широкие безводные степи,
Выставил караулы и лег спать Ахмадхан.
***
Расскажем [теперь] о Турабшахе.
Ранним утром увидел он сон,
Увидел Ширмо, прекрасную, как ясный месяц.
Красота Ширмо запала в его сердце.
Вызвал он знахарей и везиров,
Дал им всем приказ:
Караулы привели из широких безводных степей,
Лучников привели и стрелков,
Палиценосцев привели и сетеметателей,
Колдунов привели и знахарей.
Привели копьеносцев-богатырей,
Всех собрали, от мала до велика,
От старика и до юноши.
Устроили им пир,
Шурпы * и всякой снеди —в изобилии.
Встал Турабшах и сказал:
"Во сне я видел,— сказал,— Чамбули-мастан,
Пери видел я,— сказал,— прекрасную., как ясный месяц,
Стрелою страсти я сражен,
Найдется ли среди вас,— сказал,—мужественный воин,
Колдун или знахарь,
Копьеносец или богатырь,
Старый или молодой,
Кто пойдет в Чамбули-Мастан
И приведет ко мне эту красавицу,
Тому отдам я крепость и опочивальню,
Я подарю ему прекрасную жемчужину,
Пищей его будут курдюк и печень,
Я отдам этому богатырю [дочь свою] Барфимох,
Двух девушек дам ему в услужение,
Двух богатырей, чтоб носили паланкин».
Возмутились все богатыри,
Все воины, от мала до велика:
«Эх,— сказали,— твой сон — негодный сон!
Разве не дошла до тебя молва про Авазхана?
Он разрушит твою страну,
Он пленит нас всех, от мала до велика».
И головы не подняли метатели сетей...
Турабшах поник в горе.
Был [в той стране] богатырь по имени Мастан,
Был он колдуном и знахарем.
Пришел он из широкой безводной степи,
Поклонился Турабшаху.
Тут же принесли для него еду.
«Скажи-ка,—спросил Турабшах,— чего ты желаешь, богатырь?
Враг ли ты? — сказал,— или друг, богатырь?»
«Зовут меня Мастан-пахлаван,
Львы подчинены мне, а дэвы удирают от меня,
Подари мне своего большого ветроногого коня Рахша *.
Я превращу в пепел,— сказал,— Чамбули-мастан,
Я приведу к тебе пери и коня султана».
Обрадовался Турабшах и отдал приказ.
Оседлали и привели к нему коня Рахша.
Книжку чародея взял с собой.
Сел верхом, оборотившись «старухой», Мастан,
Отправился в поход против Чамбули-Мастана,
Думал про себя:

«Слава об Авазе разнеслась по всему свету,
Не здесь ли он, в этих широких безводных степях?»
Посмотрел в подзорную трубу на безводную степь Кумистет,
Увидел [издалека] шатер Ахмадхана,
Сорок джигитов увидел, мужественных воинов,
Увидал стоящих на выстойке сорок коней.
«Разбил» себе ноги [Мастан] и улегся на перекрестке, на пути Ахмадхана.
Коня Рахша отогнал в страну Турабшаха.
Сняв шатер, отправился в обратный путь Ахмадхан.
Заплакала, запричитала «старуха».
Быстро подбежал к ней Ахмад:
«Что ты плачешь,— сказал он,— дорогая мамаша,
Кто ты,—сказал,— неверная или мусульманка?»
«Уже семь поколений,— сказала,— мы правоверные,
Из арабского рода,— сказала,— мусульманка,
Сама я из страны Бепоён.
Была я, луноликая, дочерью богатого купца,
И муж мой был большим купцом.
Было у него девять караванов верблюдов со старшими караванщиками,
На верблюде разъезжала я в перекидной корзине.
Прибыли мы,— сказала,— в безводную степь Кумистан,
Купец здесь умер,
На шел он покой в черной земле,
[Ведь] сыну чужому нет веры.
И вот перебили мне ноги и бросили меня здесь,
Забрали у меня девять караванов с товарами со всего света.
А ты кто такой, о дорогой сын?»
«Зовут меня,— сказал,— Ахмадхан.
Я падишах Чамбули-мастана.
Верну я тебе твоих верблюдов с товарами,
Богатый подарок преподнесем султану».
«Сын мой, не терзайся,
Плодов не достанешь, а лишь раскаешься».
«Пойдешь со мной, я приведу тебя в султанов Чамбул,
Там много, пищи,
Всякой одежды там вдоволь».
«Ладно,— сказала,— Ахмадджан,
Я - немощная старуха,
Я буду читать молитвы и просить за султана».
Ахмад приказал Юсуфу:
«Подсади-ка на коня немощную мамашу!»
Юсуф поставил коня поперек пути,
Вдел Мастан ногу в стремена,
Порвал семь подпруг, а сам свалился вверх тормашками,
Заплакал и запричитал:
«[Вот и] вовсе разбил ты меня вдребезги...
Если ты сам и правда хочешь меня увезти, Ахмадджан,
Пусть сойдут с коней трое-четверо, людей
И подсадят меня к тебе на коня».
Ахмад тут же приказал.
Трое-четверо богатырей сошли с коней,
Подсадили «ее» к Ахмадхану,
Отправились они в Чамбул.
К прудам Чамбула подъехал Ахмадхан.
Саки посмотрел в подзорную трубу из решетчатого окошка,
Увидал Ахмада и сорок молодцев,
За Ахмадханом на крупе коня увидел он женщину.
Побежал Саки к султану:
«С тебя подарок,— сказал,— дорогой отец,—
Красавицу привез Ахмад!»
Гургули радостно рассмеялся,
Сбежался к Ахмадхану народ туркменский,
Все пери выбежали из светлицы.
Две девушки схватили коня под узду:
«Возьмем-ка,— сказали,— ты привел к нам пери, Ахмадхан?
Спустили их с коней,
Увидали беззубую старуху.
Ахмад впереди, поклонились они оба Гургули,
Прочитали молитву все туркмены,

«Добро пожаловать,— сказал,— дядюшка Ахмадхан!
Что это,— спросил,— за немощная старуха?»
«Она, сын мой, арабского рода,— ответил тот,— правоверная
Была она,— сказал,— женой купца.
Купец умер,— сказал он,— в безводных степях,
Перебили ей ноги и бросили нищенкой.
Правоверная она,— сказал,— молитвы читает.
Будет молиться за тебя, султан».
«А не колдунья ли она, не знахарка ли?»
«Семь поколений ее — все мусульмане».
«Ну, дай ей комнатенку в покоях,
Пусть отдыхает немощная старушка».
Вскочила с места «старуха», руки прижала к груди:
«Одна лишь просьба у меня,— сказала,— сын мой султан,
Не гожусь я для покоев,
Дай мне какую-нибудь келейку у городских ворот».
Дали ей келью, немощной старушке.
Ахмад сказал: «Сиди и читай свои молитвишки!»
***
Старуха оказала про себя:
«Среди этих сорока джигитов кто-то должен быть Авазом,
Я, не скрывалась, разрушу Чамбул,
Похищу Ширмо со скакуном.
Хоть бы глазком взглянуть на Аваза,
Каков он, этот богатырь».
Сидела и мечтала так.
***
Скакун стоял в мраморной конюшне.
За ним ухаживали две девушки.
Стали надевать ему на морду торбу бархатную,
Не захотел надевать он мягкую торбу,
Заплакал могучий конь.
Пришла Агаюнус, непорочная дева,
Пришла Ширмо, ясный месяц —
Плачет перед ними конь.
Поднялся шум в Чамбуле хайбарском,
Гуланор взяла подзорную трубу и посмотрела,
Гуланор подняла тревогу:
«Проснись,— сказала,— мать, от сладкого сна своего!»
«Что слышно, в Чамбуле?»
«Врага почуял могучий конь,
Не дал он надеть на себя мягкую торбу,
Так и стоят возле коня все девушки».
Тут очнулся от сна могучий лев,
Гуланор руки прижала к груди,
Гулоим разложила дастархан,
Свершили они утреннюю трапезу.
Сказала красавица, ясный месяц:
«Неладное,— сказала,— творится в Чамбуле хайбарском.
Моему деду Ахмаду и Юсуфбеку,
Сорока шахам Чамбула хайбарского,
В подарок дал дед могучего коня.
Они сказали: ,,Аминь, велик Аллах"
И выехали из Чамбула!
Ахмад обещал привезти деду девушку
И получил за это подарок от Гургли, могучего шаха.
Вернулись они из безводных степей Хайбар,
Ахмад привез „девушку", отец,
Народ туркменский слетелся со всех сторон,
Сняли ее с коня,
Изумились все девушки,
Она выпрямилась, все разглядели ее,
Увидели безобразную старуху.
Отправились Ахмад с сорока воинами и она,
Поклонились они Гуруглишаху,
Отвели [ей] комнату расписную и золотой трон —
Не согласилась бабушка-старушка,
Потребовала келью у городских ворот султана.
Отдал ей Гургли келью.

Коня же привели в конюшню,
И плачет бессловесное животное».
Стал бледен Аваз, как смерть,
И цвет лица его стал желтым, как шафран:
«Погибнет, ведь, Чамбул из-за Ахмада!
Эта „немощная старуха"
|Не кто иной],— сказал,— [как] злосчастный Мастан!
Колдун он и чародей,
Знахарь и богатырь,
Лучник и стрелок,
Копьеносец он,— сказал,— на поле боя,
Сеть он мечет к поднебесью,
Палиценосец он, этот Мастан.
Принесите мне скорей мое оружие!»
Принесли оружие из кладовой Гудоим и Гулинорджан.
Аваз расчесал свои кудри самшитовым гребешком,
Откинул их за спину,
Десять прядей завязал вокруг головы.
Атласную безрукавку надел он на себя,
Семислойную броню из мрамора надел он,
Боевые латы на поясницу,
К плечу кованый щит,
К поясу привязал кинжал и меч,
На ноги натянул сапоги-вездеходы,
Подковки их из золота, а гвозди — жемчуга.
Побежала Гулоим, ясный месяц,
В мраморную конюшню,
Там конь другой был — Гулибодом,
Набросили на него бархатный потник,
Кундузские подседельные коврики — один на другой,
Возложили на него седло с лукой,
Подтянули семь рядов подпруг,
Надели на него узду и повели его мать и дочь.
Вдел [Аваз] ноги в стремена и сел в мраморное седло,
Сказали «Аминь!», и отправился он
К торговым рядам султанова Чамбула.
Туркменские девушки
Сказали: «Посмотрим, каков сын султана!»
Поклонились ему, говоря:
«Счастливого пути, Авазхан,
Ты — благоденствие Чамбула, нашего края,
Прекрасен ты верхом на коне,
Не погостишь ли у нас денек?
Душа наша истерзана, и сердце изжарено,
Тоску по тебе унесем мы с собой в могилу».
«Вернусь я живым и здоровым, луноликие,
Наряжу я тогда Нуралихана и Миралихана,
Отдам их вам, туркменские девушки,
Поиграйте, попируйте с ними».
Девушки развеселились и заулыбались.
Отправился Аваз к воротам султана.
Все пери тут же прибежали:
«Пришел,— сказали,— Аваз-богатырь!»
Узнал об этом Мастан:
«Посмотрю-ка своими глазами,— сказал,— на Авазхана.
Что он за богатырь?
Ведь молва о нем разнеслась по всему свету».
Задрожали оба привратника
От грозного вида Авазхана.
Прикинулся спящим Мастан,
Храп его поднялся к поднебесью.
Открыли ворота, и вошел Авазхан.
Аваза увидел Мастан:
«Недостоин он сражаться на поле боя —
Однако он красивый и молодой,
Видать, из-за его красоты и разнесся слух о нем по белу свету».
***
Приветствовал Аваз султана,
Сел по правую руку султана,

Ширмо принесла дастархан,
Вскочил Авазхан со своего места,
Прижал руки к груди:
«Есть у меня просьба к тебе,— сказал,— дорогой отец,
Не прими мои слова за клевету.
Мой дед Ахмадхан,— сдазал,— невежда,
Привел к моей кормилице „немощную старуху",
Но это — не старуха, а колдун,
Имя его, отец, Мастан-пахлаван.
Разреши-ка ты мне.
Я возьму оглоблю в сорок аршин длиною,
На багор насадим этого [Мастана,]
За внешними воротами, дорогой отец,
На багре подымем его ввысь —
Слух об этом разнесется по всему свету,
Узнает об этом и Турабшах-зверь,
А иначе разрушит он Чамбул,
Похитит он Ширмо со скакуном».
Зарычал тут и вскочил Ахмадхан,
Пришли сорок туркменских шахов, и стар и млад.
«Что говорит здесь,— сказал он,— этот Авазхан,
Ничего не стоит эта немощная, несчастная старуха,
Нет жалости у вора Авазхана —
Сам-то ведь он сын Карима-мясника,
Пищей у его отца была лишь кишка говяжья,
Не желает он,— сказал,— благого дела,
Твоей милостью он пренебрег, султан.
Старший — Саки, второй — Шадман,
Третий — Хасан, четвертый — Авазхан,
Их друзья это — Агаюнус и Ширмо-красавица,
Они верховодят Авазом, пойми это, султан.
Чего ожидать от попрошайки и раба?
Если чужак поднялся так высоко,
Уж лучше нам, знатным, помереть.
Благослови нас, султан,
Мы откочуем отсюда, все от мала до велика».
«Что нужно тебе от меня, Ахмадхан,
Что хочешь ты?» — сказал Гургли-султан.
«Разреши мне поскорей,
И я воздвигну виселицу в сорок аршин высотой
И повешу Авазхана.
Мы—твой народ, а ты — наш старший».
Разрыдался Гургли,
Приказал Саки:
«Отбери,— сказал он,— оружие у Авазхана,
Выведи его через большие ворота,
Заупрямился нынче Ахмадхан,— сказал,—
Пусть уйдет Аваз в свою крепость и покои,
Пусть не дразнит туркменов».
Тут же вышел Саки,
Отнял оружие у Авазхана:
«Таково распоряжение отца моего, султана,
Он отпустил тебя [с миром,] — сказал,— уходи из Чамбула!»
Через большие ворота
Саки выпустил его, и Аваз ушел.
Мастан все это видел и посмеивался.
Направился Авазхан к торговым рядам,
Семь ворот было в Чамбули-мастане,
У внешних ворот остановился Авазхан,
Пустился по следу коня Мастана.
Разрезал себе палец и посыпал рану солью Авазхан:
«Чтобы не заснуть мне глубоким сном —
[Иначе] похищены будут Ширмо и скакун».
Торжествуют и радуются Ахмадхан,
Гулюсуф и Каххархан,
Запели радостные песни для султана.
Пришел к «старухе» Ахмадхан и сказал:
«Не беспокойся,— сказал,— дорогая мамаша,
Я навсегда изгнал Авазхана из Чамбула».

«Плохой человек, видать, Авазхан,
Он недостоин находиться рядом с султаном,
Он плохого рода, низкого происхождения,
Но он красив, этот изумительный юноша,
Он, как вы, с ангельским лицом,
А вы ведь все падишахи великие в Чамбуле,
Такие вы благовоспитанные, благородные и вежливые.
Разбиты сердца у всех красавиц-пери,
Все они влюбились в этого [прекрасного] юношу,
Распустили даже слух по белу свету о его силе.
Сам-то он, как мышка мал, и стан — как тонкая лоза,
[Но] молва о его грозном виде разнеслась по всему свету,
И все большие державы в страхе перед ним.
Говорят, что он колдун и чародей,
Что он может превратиться в нищего каландара
Или в девушку — ясный месяц».
«И то правда, мамаша,— отвечал [Ахмад],— когда вступает он в бой,
Дрожит земля и небо гремит,
Вертится колесо судьбы,
Пыль стелется по безводным степям и пустыням,
Мы изничтожили, — сказал,— Авазхана».
***
Гуругли печален, бледен как смерть,
Горько плачет в одиночестве и стонет:
«Мой дорогой сын,— говорит,— Авазхан,
Ты был благоденствием Чамбули-мастана,
Кому поручу я сейчас своего скакуна?»
Уснул Гуругли-султан,
Агаюнус и Ширмо-красавица,
Все пери и [все] от мала до велика.
Быстро пошел Саки,
Вошел в конюшню к коню-скакуну:
«Что ты плачешь,— сказал,—бессловесное животное?»
Отдал Саки приказ:
Асалмирохур был конюхом боевого коня.
Приказал, и вывели коня под уздцы,
Причесала [его] луноликая красавица [гребешком],
Несколько раз веником его почистила,
Набросили на него бархатный потник,
Оседлали ветроногого коня,
Надели уздечку и поставили на выстойку.
Поставил тут же тахту проворный Саки,
Набросал на нее ковриков,
Принес и положил под голову подушку
И заснул около могучего коня.
***
Огляделся Мастан на все четыре стороны:
«Кормилица Ахмадхана,
Великая старуха-молельщица».
Тихо-тихо он прошел,
Слегка постукивая каблучками «тук-тук».
«Спит,— сказал,— плешивый султан,
Посмотрю, что с конем?»
«Старуха» отправилась в конюшню,
Подошла к скакуну,
Увидала спящего Саки и двух красавиц.
Зло посмотрел на «старуху» скакун —
Конь почуял Мастана.
Окурил его Мастан снотворным зельем,
Потерял сознание конь, оцепенел,
Шелковой веревкой спутал Мастан ноги коню.
«Старуха» отправилась к Гуругли.
Увидала спящим Гуругли и всех красавиц,
Увидала красоту Ширмо, луноликой,
Стан Ширмо увидала, что подобен гибкой лозе,
Сплетенные косы увидала, длиною во весь ее рост.
«Не зря,— сказала,— хвалит ее и стар и млад».
Окурил и их снотворным зельем Мастан,
Потеряли сознание Гуругли и красавицы,

Взял Мастан сундук, принес его,
Поставил около Ширмо-красавицы,
Вытянул задвижку и открыл большой сундук,
Быстро поднял он Ширмо и положил ее в сундук,
Взял сундук и отправился
К коню в конюшню,
Приторочил [сундук] на круп бессловесного [животного].
Сел на него верхом Мастан,
Снял с пояса кинжал,
Разрезал веревку на ногах скакуна,
Взял в руки плетку,
Сказал: «Чу!» — и пустился в путь,
Направился к воротам султана.
Непробудным сном спят привратники,
Прошел вторые ворота —
Привратники его не заметили,
Прошел четвертые ворота —
[Опять] никто ничего не заметил,
Миновал шестые ворота.
Подумал про себя конь:
«Я взлечу,— сказал,— к поднебесью,
Враг [и] свалится с меня».
Так подумал могучий конь,
И разом взметнулся конь,
[Но] Мастан-«старуха» догадался,
Ударил плетью по боку коня,
Кожу содрал, мясо разорвал, [даже] кость раздробил,
Крепко натянул удила коня,
На высоте сорок аршин он пролетел над стенами Чамбула.
Мастан рассмеялся: «Ха-ха,
Не зря хвалят его люди,
Этот конь, говорят, может взлететь к поднебесью».
Аваз выглянул из ворот,
Увидал, что у Мастана и конь и Ширмо.
Опечалился воин Аваз:
«Бездетен ты, отец мой Гуруглишах,
Разлучили тебя [и] с конем,
Пойдут походом на тебя падишахи,
Прах Чамбула пустят по ветру».
Стал Аваз бледен, как смерть,
Прошел он торговые ряды Чамбула.
Постучал Авазхан в ворота,
Из-за ворот спросил его привратник:
«Ты кто такой, о гость?»
«Я,— сказал,— Аваз-богатырь».
«Ты не Аваз,— сказал привратник,—
Не обманывай,
Врагов у Аваза, что снежинок в небе.
Кто ты — чародей или знахарь?
Разве не слыхал ты, что Аваз у султана?»
«Скажи обо мне,— отвечал Аваз,— Гуланорджан,
Пусть,— сказал,— мигом выходит она за ворота».
Один из привратников отправился [к ней],
Поклонился Гуланор:
За воротами стоит какой-то гость,
Говорит, что он Аваз-богатырь».
Без коня и бледная как смерть,
Узнав это, Гуланор
Надела на себя доспехи,
Привязала к поясу кинжал и меч,
Натянула на ноги сапоги-вездеходы,
Подковка их из золота, а гвозди — жемчуга,
Обмотала голову шалью,
Надела шапку кундузскую,
Взяла в руки копье лазуритовое,
Отправилась за ворота.
Увидала златокудрого Аваза,
Отдала приказ привратникам —
Открыл ворота привратник.

Глянула Гуланор и заплакала,
Поклонилась отцу, поздоровалась с ним:
Не плачь,— сказал он,— дорогая дочка!»
Отправились они в розовоцветную комнату и в опочивальню.
На тебе лица нет, отец,
Где, отец, скакун?»
Чамбул погублен по вине Ахмада,
Мастан похитил Ширмо вместе со скакуном».
Охватило Авазхана горе, опечалился он:
Горе моей кормилице, жалко и скакуна!»
***
Пришел [меж тем] Ахмад поклониться султану,
С ним сорок туркменских шахов.
Пришли они к воротам султана.
Не увидели «старухи» в большой комнате,
Лишь пустое ложе «старухи» увидели и оторопели:
«Это,— сказал Ахмад,— проделки вора-Авазхана:
Он утащил куда-то и убил беспомощную старуху,
Во всем виноват плешивый султан».
Отправились они в конюшню к скакуну,
Увидели Саки и двух красавиц, лежавших без сознания,
Ни седла не обнаружили, ни коня.
Посыпал живительным зельем Ахмадхан,
Пришли в себя Саки и две красавицы.
«Где конь,— сказал [Ахмад],— где скакун?»
Саки ответил: «Это все проделки „старухи" Мастана».
Ахмад сказал: «Не оскорбляй мою мамашу!
Ты друг Аваза, вражий Саки,
Разве ты не знаешь, что это проделки Аваза?»
Направились в верхние покои —
Там все лежат полумертвые, без чувств.
Не обнаружил [Ахмад] Ширмо возле султана—
Вот тут только Ахмаду стало совестно.
Посыпал он живительным зельем,
Проснулись все, от мала до велика.
***
Пришел к Гургули-султану,
И живо весть доставил Саки:
«Ни коня нет, отец, ни Ширмо,
Ни „старухи", которую привез Ахмадхан».
Гургули тут же отдал приказ,
Привели Ахмадхана и Юсуфхана,
Каххарбека и Зухурхана,
Камалбека и Карахана,
Сорок шахов от мала до велика,
Дружинников и воинов, ишанов и мулл,
Разостлали перед ними дастархан,
Начал свое слово Гуруглишах:
«Ну, дядюшка Ахмад,— сказал он,—
Отправился ты на охоту в безводную степь,
Привел сюда „старуху-мамашу",
Догадался Аваз-воин,
Сказал, что это чародей,
Ты же затеял ссору с Авазом,
Привел дружинников и воинов,
Ты за ворота выгнал прелестного Аваза —
[Так] где же сейчас Ширмо и ветроногий конь?
Если появится враг.
Он пустит прах Чамбула по ветру,
Какой же выход ты укажешь нам сейчас?»
Повесил голову Ахмад,
Не поднял головы и даже не взглянул:
«Стар я,— сказал,— и немощен,
Нет разума у меня, Гуруглиджан,
Вероятно, правду сказал Авазхан,
Теперь один бог знает,
Мастан ли похититель,
Или, может быть,— сказал,— вор Авазхан все это проделал?»
Призвал султан Саки:

«Спеши,— сказал,— мой дорогой сын,
Приведи к нам баловня вселенной.
|Ты видишь] Ахмадхан, затаил в сердце месть,
Найди-ка поскорее выход,
Приведи ко мне,— сказал,— Авазджана,
Без него погибнет Чамбул».
«Ладно,— сказал,— отец-султан».
Саки прошел торговые ряды Чамбула,
Прошел по левой и по правой улицам Чамбула,
Дошел до ворот Авазхана:
«Отворяйте ворота!»
«Ты что за человек, дедушка?»
«Я — Саки, пришел от султана».
«Есть указание у меня от старших:
Если ты Саки, сын султана,
То у тебя [должен быть] золотой тамбур,— покажи-ка его!»
Блеснуло в руках его ложе тамбура, показал он его.
Побежал тогда привратник,
Попросил разрешения у луноликой.
Гуланор приказала,
Прибежал привратник, открыл ворота,
Саки, сын султана, вошел в крепость Авазхана.
От грозного вида Аваза стал он бледен, как смерть,
Ужас охватил Саки.
Очнулся от сна Авазхан,
Саки поклонился ему:
«Что тебя так напугало, Сакиджан,
Кто обидел тебя — Ахмад или Юсуфхан?»
«Нет, светлейший Авазджан,— сказал,—
Все у туркменов в полном порядке.
Отец направил меня сюда,
Он желает видеть тебя».
Аваз пошел с ним,
Саки не разрешил [поехать] Гулоим и Гуланорджан.
По правой и по левой улицам султана,
Пери увидели Аваза,
Обрадовались и повеселели.
Аваз поклонился султану.
Зарычал Ахмад, [а вместе с ним и] сорок молодцев...
Сел Аваз рядом с султаном,
Саки разостлал [перед ними] дастархан,
Саки стал все рассказывать Гургули.
Гургули отправил Саки
В медресе* Нуралихана.
Привели его во дворец султана,
Поклонился он Гургули и отцу своему.
Слезы текут рекой у Гургули.
«Бездетен я,— сказал он,-— и тоскливо мне,
Где,— сказал он,— конь и Ширмо-красавица?»
Ответил ему Авазхан:
«Я говорил, но ты не слушал меня, отец-султан,
Ахмад, [дескать], в Чамбуле великий падишах,
Он привел какую-то „беспомощную мамашу".
Это вовсе не мамаша была, это — чародей,
Зовут его — Мастан-богатырь.
[Служит он],— сказал,— одному великому падишаху Турабшаху,
Пускай пойдет теперь Ахмад и отберет коня у Мастана!»
Тут же привели Ахмада,
Слезы текут рекой у Ахмада из глаз.
«Вооружайся,— сказал Гургули,— дядюшка Ахмадхан,
Верни нам Ширмо и коня!»
«Слаще моей жизни Гуруглиджан,
Не осталось у меня ни силы, ни духа,
Не пойду я,— сказал,— в страну Мастана».
И головы не подняли туркменские богатыри...
Возмутился тут златокудрый Аваз:
«Единожды родился я у матери своей,
Единожды мне и уходить со света,
Ночью ли,— сказал он,— или утром,

[Но] отправлюсь я на бой с колдуном Мастаном».
***
Сели верхом Аваз и Ахмадхан,
Прочитал молитву Гургули-султан.
«Аминь!» — сказали все, и стар и млад,
Отправились из Чамбула,
Направились в поход против Мастана.
***
Мастан отправился в безводную степь Кумистан.
Прошел [он] Кумистан,
Прибыл в безводные степи Наистана.
Показался в землях Турабшаха.
Заметили его караулы,
Направили быстро вестового.
Тот сообщил Турабшаху:
«Прибыл,— сказал,— Мастан-богатырь,
Привез коня с большим сундуком».
Направили глашатаев и быстро оповестили всех.
«Отворяйте,— сказали,— ворота!»
Открыли для Мастана городские ворота,
Поклонились Мастану.
Направился он к великому падишаху.
Богатыри взяли под уздцы коня,
Поклонился [Мастан] падишаху.
Тот приказал, и раскрыли сундук,
Вынули оттуда Ширмо-красавицу,
Поклонилась она Турабшаху.
Ширмо заметила «старуху»,
Сказала: «В Чамбуле есть еще скакун,
Там жив и здоров еще Авазхан,
Ночью ли или утром, но приедет Авазхан,
Разрушит он твой город,
Прольет потоки твоей крови!»
Приказал Турабшах своей дочери Заркумой:
В клетку посадили луноликую красавицу,
А Заркумой повесила клетку в минарете.
Коня же повели в конюшню,
Семью слоями смолы залили сверху конюшню,
Поставили перед конем медную миску,
Сверху провели трубу,
Оттуда давали корм и воду коню.
***
Обрадовался Турабшах и возликовал:
«Молодец,— сказал он,— Мастан-богатырь!
Расскажи-ка мне про султанов Чамбул».
Рассказал Мастан про крепость и покои,
Про восемьдесят красавиц и Гургули-султана:
«Богатырь там есть Аваз,
Видом своим Аваз подобен Рустаму Дастану.
Когда появится он в твоей стране,— сказал, — дорогой падишах,
Дай мне,— сказал,— семьдесят богатырей,
Мы пленим султанова сына».
«Ладно,— сказал,— Турабшах,
Выбирай себе семьдесят богатырей,
Шатер возьми и золотой трон,
Выбери себе двух девушек,
Только не оставляй ворота открытыми,
Выставь по улицам караулы,
Пошли колдунов и чародеев,
Вырой ров глубиной в сорок аршин,
Напусти в него целое море воды,
Не застал бы ночью нас врасплох Авазхан!
Наблюдай за конем и красавицей!»
Направился [Мастан] в безводную степь Кумистан
И разбил в степи свой шатер
На пути Авазхана.
***
Авазхан же с Ахмадом направились в безводную степь,
На грудь повесили талисманы,

На тело надели каландарские отрепья, колпаки — на голову,
Священный камень привязали к поясу,
Подвесили священную тыкву,
Чаша и пояс каландаровы на них.
Ахмад — впереди, а за ним — Авазхан.
В широкой безводной степи попросил Ахмад воды,
Дал ему воды Авазхан.
Достигли безводной степи Кумистан.
«Дай еще попить, дорогой сын!»
Посмотрел в подзорную трубу Авазхан,
Увидал шатер Мастана:
«Гони,— сказал,— отец Ахмадхан,
Попрошу у него и дам тебе воды, дорогой дедушка».
«Сколько еще дней мы будем бродить по этому Кумистану?»
***
Поднялось солнце к зениту,
Посмотрел в подзорную трубу Мастан,
Увидал Аваза и Ахмадхана.
Быстро подозвал двух девушек,
Две девушки надели на него доспехи,
Две большие чаши обмыл и поставил, коварный,
В воду бросил смертельного яда,
Отдал чаши двум девушкам:
«Дайте,— сказал,— этим каландарам!»
Сам положил под голову подушку
И прикинулся спящим, коварный,
Один глаз закрыл, а другим подглядывает.
Подошли два нищих «каландара»,
Затянули дервишскую песню.
Две девушки сказали: «Благословенно да будет имя Аллаха!»,—
И вынесли чаши из шатра:
«Дадим воду этому нищему,
Как бы не оказался он прелестным Авазом»,— подумали.
Мигом опрокинули чаши с ядом,
Ополоснули чаши и дали свежей воды «немощному дедушке».
Сам [Аваз] не попил, а дал Ахмадхану.
Помолились они и отправились в путь.
Вскочил с места Мастан,
Через щелку в двери он увидел: в широкой безводной степи
Идут Ахмад и Авазхан.
Вошел он в золотой шатер,
Затащил Мастан туда двух девушек,
Из их рубашек сделал петли
И набросил им на шею,
Стал избивать палками девушек.
Заплакали девушки:
«Аваз,— закричали они,—
Здесь находится твой враг!»
Услыхал Аваз и взглянул,
Увидал, как истязают двух девушек:
«Поворачивай обратно,— сказал,— Ахмад,
Твоя „названая мамаша", оказывается, здесь!»
«Давай-ка,— ответил [Ахмад],— дорогой сын,
Не задирайся с этим Мастаном,
Скройся в безводной степи Кумистан,—
Души свои, сын мой, мы так спасем».
Поднял Аваз копье и направил его [на Ахмада].
«Здесь тебе,— сказал,— не Чамбул, страна султана,
Где много хлеба и воды,
Где ты задарма можешь есть и пить, Ахмадхан,
Борьба с врагом не легка!
Был бы тут Чамбул, сеял бы ты ссоры среди всех, от мала до велика.
Увидишь своими глазами, как бьются с Мастаном!
Что это? Караулы?
Сто раз увы, что нет подо мной скакуна!»
Подталкивая Ахмада, погнал его обратно Авазхан.
Отпустил Мастан девушек,
Веревкой борца опоясался,
Вывернул свой ворот наизнанку,

Подвернул шаровары и отправился на поле боя.
От силы и мощи Мастана земля задрожала, и небо загремело
«Подойди-ка,— сказал он,— сын султана».
«Здесь тебе не Чамбул,— ответил Мастан,—
Здесь и начнем мы поединок!»
Расплакался тут Ахмадхан.
Опоясался Аваз веревкой борца,
Вывернул свой ворот наизнанку,
Вышел на поединок с Мастаном,
И начали они борьбу.
Поднять хотел Авазхан [Мастана],
Схватил его Мастан под мышки,
Сгреб в охапку сына султана.
Поднатужился и выскользнул Авазхан.
Слезы из глаз Авазхана текут рекой...
Подумал про себя Аваз:
«Видать, будет моею судьбою Мастан,
Где ты,— сказал он,— мой конь, скакун?!»
Свои локоны из-под колпака выпустил,
Красота его засияла в Кумистане.
Две девушки, прислужницы Мастана, заплакали:
«Найдем же какой-нибудь выход:
Жаль ведь красоту Авазхана!
Уничтожим,— сказали,— Мастана».
Так подумали эти девушки.
Принесли жердь, привязали к ней кинжал и подготовили,
Глянул Авазхан,
Увидел Ахмада у края поля,
Закричал: «Дедушка Ахмадхан!
В Чамбуле ты слывешь богатырем,
Выходи же на бой с Мастаном!
Мастан струсит и растеряется!
Рукой схвачу я за его ворот
И сровняю Мастана с землей,
Души свои только так мы спасем!»
«Ладно,—сказал,— Авазхан».
Опоясался крепко Ахмадхан,
Подошел поближе к Мастану.
Двинул Мастан рукой —
Ахмад со страху убежал.
Ударил с размаха Мастан Ахмада,
Семь раз кувырком перевернулся Ахмад и свалился,
Остался без чувств Ахмад.
А Аваз снова зарычал,
Схватил за ворот Мастана,
Схватили девушки жердь и прибежали.
Зарычал Мастан: «Прочь с поля боя!» — вскричал он.
«Но ведь это богатырь и пахлаван,
Говорят, что он чародей и колдун,
Он может погубить тебя,
Но мы порежем ноги Авазу».
«Доброе дело вы сделаете, девушки,— сказал он.—
Поверните острой стороной кинжал,
Нагоняйте на него страх.
Мы в плен возьмем его живым, девушки».
Разрешил им Мастан,
Прибежали они на поле боя к Авазхану,
Протянули жердь в поле,
Подложили ее под ноги Мастана.
Авазхан схватил Мастана.
«Не выпускай ты его,— сказали [девушки],— сын султана,
Тогда, быть может, ты спасешь свою душу».
Мастан заплакал и запричитал,
Жизнь ушла из ног Мастана,
Цвет лица у Мастана стал желтым, как шафран,
Толкнул его тут сын султана,
И упал Мастан бездыханным.
Подбежали [девушки] и подняли Ахмадхана.
Пришли в шатер Мастана,

Две девушки луноликие
Стали прислуживать Авазхану.
«Счастливого пути,— сказали,— сын султана!»
«Мы идем в поход на ваш город,
На город Турабшаха, великого падишаха».
«Врагов у тебя,— ответили они,— словно снежинок в небе.
Выставлены караулы в больших безводных степях,
Все там колдуны и чародеи,
Все — знахари и богатыри,
Все ждут тебя, от мала до велика,
И стар и млад.
Все мечтают об одном: „Видеть бы нам Авазхана!"
„Каков он,— говорят,— сын султана?"
Ров глубиной в сорок аршин вырыли вокруг своего города,
Рассказывал [ведь] Турабу про тебя Мастан».
«Зовут меня Аваз,— сказал,— мой отец — султан.
Где находится мой скакун,
Где моя кормилица — Ширмо-красавица?»
«В клетке висит она, в минарете,
Конь,— сказали они,— в конюшне,
Залили смолою,— сказали,— крышу над конем,
Воду и сено подают ему сверху,
Не знаем: умерло ли или живо еще бессловесное животное?»
Встали Аваз и Ахмадхан,
Обернулся сын султана,
Превратился в немощного каландара,
Посадили верхом девушек Мастана,
Направились в город [Турабшаха].
***
Приняли их за караулы в безводных степях
И мигом помчались к ним,
Увидели девушек Мастана:
«Нам дал приказ богатырь,
Нам дал разрешение сам Мастан».
«Правду говорит беспомощный нищий».
От одного караула к другому прошел Авазхан,
Достиг улицы, обсаженной деревьями, сын султана,
Устроил шалаш из соломы, [чтоб не бросался в глаза],
Туда он посадил двух девушек и Ахмадхана.
Посмотрел в подзорную трубу Авазхан,
Увидел: восемнадцать ворот у врагов,
У каждых ворот сорок привратников.
Прикинулся немощным нищим Аваз,
Согнул стан, а рот у него — будто беззубый,
Направился к улице, обсаженной деревьями.
Шел до ворот «немощный дедушка»,
Затянул дервишскую песню:
«Да будет благословенно имя Аллаха!»
Громкие звуки песни понеслись ввысь,
Прочитал молитву за увеличение богатства.
Повернул «каландар» обратно,
Прочитал молитву перед восемнадцатью воротами,
Не открыли ворот «нищему».
Вернулся Аваз-воин по улице, обсаженной деревьями,
Направился к Ахмаду-падишаху,
Тот сидел в шалаше с девушками.
«Укажи нам выход, Ахмад,
Ведь в Чамбуле,— сказал он,— ты падишах,
Старший над туркменским народом».
«Стар я,— сказал,— и немощен,
Не стало у меня разума, Авазджан,
Еле-еле душа в теле у меня держится, Авазхан».
«Чамбул сейчас под властью султана».
«Ты там [задарма] помногу хлеба ел бы и пил,
Бой же с врагом не легок!
Я сам найду выход, Ахмадхан,
Но если ты разгласишь мою тайну,
[Тогда] ты и вовсе не мусульманин!
Я на себя талисман надену,

Ты же будь начеку.
Я превращусь в четырнадцатилетнюю девушку,
Ты же будешь моим мужем.
Я покажу свою красоту,
Весь мир засияет.
Мы подойдем к [городским] воротам, к привратникам.
Не трусь,— сказал,— Ахмадхан!
Если спросит тебя привратник,
Говори: «Я из султанова Чамбула
Был я конюхом при коне Авазхана
Никого другого не подпускало к себе бессловесное животное,
Украли коня вместе с Ширмо-красавицей,
Увел его Мастан-богатырь.
Это — моя невеста, молодая девушка.
Нас послали из Чамбула,
Чтобы, где бы ни находилось бессловесное животное,
Ухаживать за ним: пусть не пропадает конь».
Аваз впереди, а Ахмад за ним...
Ахмад подумал про себя:
«Если бы ты и вправду был такой девушкой, вор Авазхан,
[Уж я бы] за тебя готов отдать трон падишаха Чамбули-мастана
Пастухом бы стал, но взял бы тебя [в жены], Авазхан!».
***
Погнал перед собой Авазхан [Ахмада],
Довел его до привратника.
Ахмад поклонился привратнику,
|А тот] спросил: «Ты что за человек, душа моя, дедушка?»
«Сам из Чамбули-мастана,
Прогнал меня плешивый Гуругли-султан,
Был я некогда конюхом при скакуне,
Увел его Мастан-богатырь».
«А кто с тобой, душа моя, дедушка?»
«Это моя жена, сын мой, привратник».
Окружили они Авазхана:
«Сам старый, — сказали, — а жена молодая».
Открыла свою красоту «девушка».
Сбежались все привратники,
Доставили весть падишаху.
Привратник поклонился падишаху:
«Прибыл из Чамбула конюх скакуна,
Жена у него красивей, чем ясный месяц,
Стан ее — гибкая лоза,
Красота ее подобна луне на небе.
По сравнению с Ширмо-красавицей
В семь раз красивее жена конюха,
Жаль только, что такая девушка досталась беззубому!»
Падишах приказал: «Отворите ворота,
Приведите конюха скакуна!»
Поднялся шум в большом городе,
Все джигиты бегом бегут со всех сторон.
Ширмо смотрит из решетчатого окошка:
Ворота раскрыл привратник,
Ахмад впереди, за ним — Авазхан,
Приоткрывает он свое покрывало
И время от времени показывает свою красоту —
Поклонников, словно снежинок в небе.
Вдоль торговых рядов отправились они.
Поклонились Турабшаху-падишаху,
Турабшах увидел девушку, пришел в восторг:
«Верно,— говорит,— сказал привратник —
Ее краса в семь раз превосходит красоту Ширмо,
Есть в мире такая поговорка,— сказал,—
„Жаль, что шипы у горной розы"...
Жаль, что у такой розы этакий беззубый!»
Пришла Заркумой из покоев,
Поклонилась своему отцу:
«Добро пожаловать, дорогое дитя!»
«Что за человек,— спросила,— этот гость?»
Побеседовали они друг с другом.

Ахмада повели к коню,
Попросил Ахмадхан,
И сняли смолу над-конюшней скакуна,
Стал ухаживать Ахмад за конем султана.
Заркумой взяла за руку Авазхана:
«Разреши,— сказала,— дорогой отец,
Я пойду с подружкой в покои,
Посмотрим в подзорную трубу на широкие безводные степи,
Прогуляемся по садам и цветникам».
«Ладно,— сказал,— милое дитя,
Посидите в трапезной, в покоях.
Но не ходите гулять в сады и цветники!
Разве ты не слыхала слов Мастана?
Из-за грозного облика Аваза
Уже несколько месяцев ночует в безводной степи Мастан,
Мы вырыли ров в сорок аршин вокруг нашего города,
Метатели сетей следят за небом,
Караульщики — в широких безводных степях.
Мы пленили Авазхана!»
«Как же выглядит этот юноша,
Расскажи-ка, подружка»,— [спросила Заркумой.]
«Я еще малолетка, сестрица,
Когда он сидит в окружении султана.
Два локона спускаются ему на грудь с двух сторон,
А вокруг головы восемнадцать мелких завитков.
Красота Аваза — подобна луне на небе,
Словно звезда она, что ночью отражается в озере.
Авазхан — благоденствие Чамбула,
Без Аваза погибнет Чамбул».
Взялись они за руки
И пошли покачиваясь.
Пришли к арке в покоях.
Прислужницы подали им дастархан,
Обслуживали свою госпожу с гостьей.
Привели игроков на дойре, певцов,
Стали танцевать прислужницы Заркумой.
Отправилась Заркумой из покоев,
Привела Авазхана в розовоцветную комнату,
Приготовили там ложе,
Уснули все, от мала до велика.
Вскочил с места Авазхан:
«Ты куда, дорогая подружка?»
«Есть у меня немощный муженек,
Малолеткой попала я к нему,
Он воспитал и вырастил меня,
Как бы не обиделся на меня немощный старик».
«И я с тобою пойду, дорогая подружка».
Быстро оделась [Заркумой],
Взявшись за руки, отправились они,
Пришли к Ахмадхану.
Заркумой осталась позади,
Авазхан закрыл дверь,
Поцеловал коня в голову и морду.
«Будь начеку, Ахмадхан,— сказал, он,—
Поклонись Турабшаху,
Светлейший, скажи, отдай приказ:
Пусть раскроют, скажи, ворота,
Ночью я прогуливаю скакуна, скажи, коня султана,
Чтобы его потренировать, скажи,
[А то если] завтра случится большой пир,
Или где-нибудь начнется битва,
Пусть не лихорадит коня султана.
Да не буду я опозорен».
Так сказал и вышел Авазхан.
Аваз вместе с девушкой отправились,
Пришли к арке в покоях,
Посмотрели в подзорную трубу на все четыре стороны.
Глядели Заркумой и Авазхан,
А Ширмо в клетке висит перед ними.

***
Ахмад отправился к великому падишаху,
Прижал руки к груди:
«Есть у меня просьба,— сказал,— светлейший,
Я пестовал,— сказал,— коня султана,
Дай,— сказал,— приказ привратникам:
Пусть оставляют открытыми главные ворота,
Чтобы я по ночам прогуливал вороного коня,
Чтобы его потренировать,
А то будут пиры, большие пиры,
На поле будет козлодрание...»
Турабшах отдал приказ всем привратникам:
«Оставляйте открытыми главные ворота,
Ахмад по ночам будет прогуливать вороного коня!»
***
Расскажем об Авазе и Заркумойджан.
«Жалко мне тебя,— сказала [Заркумой],— дорогая подружка,
Разве не было в Чамбуле какого-нибудь молодца,
Что ты прокляла свою жизнь с этим беззубым!
Поднимайся,— сказала,— ясный месяц».
Надели на себя доспехи,
Вокруг головы намотали шали,
Взошли на балкон.
Тотчас приказала Заркумой —
Поставили трон у арки в покоях.
Взяла два яблока Заркумой-красавица,
Дала одно Авазхану:
«Я соберу всех,— сказала,— от мала до велика,
Выбери из нашего народа юношу —
Брось ему яблоко, дорогая подружка».
«Ладно,— сказал [Аваз],— душа моя, госпожа».
Направила [Заркумой] глашатаев, провозгласила из опочивальни:
«Каждый, кто,— сказала,— домогается [меня],
Каждый, кто стремится [ко мне],
Пеший ли, конный,
Одевайтесь, вооружайтесь,
Приходите к балкону».
Все джигиты-воины
Были влюблены в Заркумой.
Все снарядились,
Сели верхом на добрых коней,
И стар и млад — все собрались к балкону.
Каждому был дан приказ,
Пришли они в опочивальню.
И старец, и юноша,
И кто был чародеем или колдуном,
Пришел отряд метателей сетей с сетями,
Пришел отряд палиценосцев с перевернутыми книзу палицами,
Пришел отряд борцов с веревками у пояса,
Отряд пришел лучников и стрелков,
Отряд копьеносцев пришел на майдан,
Отряд знахарей пришел с [раскрытыми] книгами.
У каждого богатыря голова, как большая корзина,
У каждого — ухо, как дехканский чапар-волокуша,
У каждого — глаз побольше окна,
У каждого — ноздря, как труба,
Под усами — жемчуг и перлы,
Каждый зуб — больше мотыги,
Ростом они на [сорок] аршин ввысь —
Никого не избрал себе Авазхан.
Заркумой спросила:
«Что же ты не выбрала ни одного юношу?»
«Что понимает в розах несмышленый ребенок?
Жаль, что есть шипы у горной розы,
Роза хороша в цветнике, омытая росой или дождем.
На какого богатыря я тут ни взглянула,
У каждого зуб больше мотыги,—
От укуса одного такого зуба
Все тридцать две мои родинки попортятся.

Вот видела я юношу –
Его стан – гибкая лоза.
Он украшение этого края.
Вот был бы он – его бы ты взяла и была бы ты спокойна, сестрица
«Откуда этот юноша?»
«Он из Чамбули-мастана,
Сын Аваза, внук султана – Нурали, а еще есть Миралихан,
Одного ты возьмешь, другого я, дорогая сестрица».
«Знаешь ли ты заклинание, [чтоб] обернуться голубками в небе -
Посмотрели бы сыновей Авазхана,
Крепость и обитель султана».
«Мы, госпожа, народ невежественный,
Обычай наш – мусульманский».
«Если ты пойдешь со мной, сестрица,
То возьмем поварихой жену султана,
Возьмем и конюха беззубого,
Сядем верхом на коня Рахша и скакуна
И помчимся в Чамбули-мастан».
«Хорошо, я покажу тебе воочию
Сыновей Аваза-богатьгоя: Нурали и Миралихана.
Понравились бы тебе оба юноши?
Одного б себе взяла, другого – мне, дорогая госпожа».
Приказала девушка,
И бегом побежали прислужницы.
[Нарядилась] в лучшие одежды луноликая,
Аваз же дал знать Ахмадхану,
Уже ночь подходила к концу,
Привели ветроногого коня Рахша для красавицы,
Ахмад привел султанова коня,
Вызволили Ширмо из опочивальни.
Сел Аваз верхом с пери на скакуна,
Ахмад и Ширмо – на большого коня Рахша,
Пустились [в путь], проехали через торговые ряды.
У каждых ворот – сорок привратников,
Но на заре все были погружены в глубокий сон.
Вот уже взошло солнце,
Они проехали все восемнадцать ворот,
Улицу города, обсаженную деревьями.
Показался шалаш двух девушек.
Сбросил Аваз с себя кашмирскую шаль,
[Аваз] прижал ее [Заркумой] к своей спине.
Выбежали из шалаша обе девушки:
«Куда вы держите путь?»
«Обратно в Чамбул хайбарский».
«Не оставляй нас у врагов, боевой лев!»
«Со мною будете,– сказал Аваз,– мои дети,
Я вас отдам за двух сыновей,
Я вас привезу в Чамбул хайбарский,
Я отведу вам розовоцветную комнату с золотым ложем,
А про себя я сообщу врагам:
Зовут меня Аваз, прекрасней всех я на [горе] Каф и в Кайсарг
Отец мой – Гургули, могучий шах,
Братья мои – Хасанхан и охотник Шадман,
Есть дочь у меня – Гуланор, ясный месяц,
[Есть сыновья] у меня – Нурали и Мирали,
Подыму я шум битвы,
И уж я-то привезу красавицу, ясный месяц!»
«Молодец,– сказали,– Авазхан,
Соглядатай Гургули-султана!
Сколько времени прожил ты в покоях
И ни разу не раскрыл своей тайны!
Сумел ты спасти скакуна,
Верхом на него посадил Ширмо-красавицу,
[Недаром] слава о тебе разнесется по всему свету».
«Тоскую я по Чамбулу [,– сказал Аваз,–]
Хочу посмотреть шаха-султана.
Красив мой отец, как ясный месяц,
Как звезда, что [ночью] отражается в озере.
Кравчими у моего отца - восемьдесят красавиц»

Благословил он двух девушек,
Сказал: «Аминь, велик Аллах!»
Барабанные палочки поднял над головой,
Гневно ударил [Аваз] в барабан,
Грохот барабана Аваза
Раздался по всему городу.
Привратники услышали и мигом побежали,
Доставили весть своему падишаху,
Караулы на дорогах разбежались во все стороны,
Охотники побросали свои засады,
Не могут места найти себе от страха перед Авазом.
«Зовут меня Аваз, мой отец — султан,
Вот Заркумой,— сказал,— и вот скакун,
Вот Ширмо, и вот большой конь Рахш!
Отправляюсь я в степь Кумистан,
Разобью там,— сказал,— свой боевой шатер,
Если не выйдешь, [Турабшах],— сказал,— на поле боя,
Я разрушу твой город».
***
Не нашли в конюшне скакуна,
Не нашли Заркумой и Ширмо-красавицу.
«Это не иначе,— сказали,— [как проделки] вора Авазхана».
Направили глашатаев и всех созвали,
Оповещены все, и стар и млад:
«Живо,— сказал [Турабшах],— седлайте коней,
Все — от семидесятилетних стариков
До четырнадцатилетних юношей!»
Рядами сели писари,
Начали с отрядов сетеметателей.
Писарь записал их в списки.
Выступил вперед отряд палиценосцев —
Записали и их писари в списки,
Выступили лучники и стрелки —
Занес их в списки старший писарь,
Пришли борцы с веревками у пояса,
Отряды копьеносцев вышли на поле боя —
Всех занесли в списки.
Боевые барабаны и барабанные палочки привешены,
Выступили вперед отряды колдунов и чародеев —
Тотчас записали всех в списки.
Чернопалочники двинулись с опущенными вниз дубинами,
И их тотчас записали писари,
Принесли все списки к великому падишаху:
«Восемнадцать тысяч войска!»
«В поход,— воскликнул [он],— на Чамбул хайбарский!»
Отдал приказ: сетеметатели пошли впереди,
Потянулось войско через большую безводную степь Хайбар.
«На пути,— сказали,— Мастан,
Он схватит и пленит Авазхана».
Помчались быстро все, и стар и млад.
«Прибыл,— сказали,— Аваз на большое поле.
Слез со своего скакуна,
Разбил боевой шатер,
Поставил там на выстойку коня.
Усадил он Ширмо и Заркумой-красавицу,
И Ахмад там сел, падишах Чамбули-мастана».
Турабшах отправился в большую безводную степь,
В степь Кумистан.
[Уже] показался шатер Мастана,
Увидел он в небе воронов и стервятников.
«Не зря славят Авазхана»,— сказали.
Ужас охватил всех, от мала до велика!
Посмотрели в подзорную трубу на большую безводную степь.
Увидели шатер Авазхана,
Коня Рахша увидели рядом со скакуном,
Ширмо увидели с Заркумой-красавицей,
Двинулись к стоянке Авазхана.
Метнули свои сети метатели сетей,
Палиценосцы метнули палицы,

Вышли на поле боя копьеносцы,
Землекопы роют рвы, а землю наверх выбрасывают.
Семь валов насыпали вокруг Аваза,
Бьют в боевые барабаны.
Краска сбежала с лица Ширмо,
Слезы полились из глаз Заркумой,
Капают на щеки Авазхану.
Проснулся он от глубокого сна:
«Что плачешь ты, душа моя, матушка?»
«Появились твои враги, их [много] словно снежинок в небе».
«Мой державный отец — шах-султан,
И стар и млад в Чамбуле — наши защитники».
Надел он на себя доспехи,
Семислойной мраморной броней прикрыл грудь,
На тело [надел] боевые латы,
На плечи повесил щит,
К поясу привязал кинжал и меч,
Золотой шлем надел на голову,
Набросил кашмирскую шаль на плечи,
У боевого барабана — золотые барабанные палочки...
Сел в мраморное седло,
Взял свое лазуритовое копье,
Сказали: «Аминь, велик Аллах!»
Отправился Аваз на поле боя,
Ударил в боевой барабан и ринулся в бой.
Земля задрожала, небо загремело,
Завертелось колесо судьбы.
Пыль поднялась над безводными степями и пустынями.
Начался бой...
Аваз-богатырь предоставил черед на удар врагам,
Раскрыл он свою грудь и стал на поле боя.
Метнули палицу в небо.
Над головою сына султана.
Вот уже прямо на голову падает палица!
Как прыгнет в сторону на сорок аршин могучий конь —
Пролетела мимо палица врага.
Пыль столбом поднялась к небу,
Все — и стар и млад — подумали:
«А зря метнул палицу в небо,
В землю вбил Авазхана,
А то взяли бы мы живьем сына султана».
Но рассеялась поднятая пыль,
А боевой барабан богатыря все гремит,
Грохот от барабана богатыря
Раздается: «дунгур-дунгур!»
Земля взметнулась до крыши минарета.
«Ты враг — так берегись!
Утром, если проснешься, безбожник,
Не забудь взять в путь сухую лепешку:
Я пленником Чамбула сделаю тебя!»
Сказал [Аваз]: «Аминь, велик Аллах!»
Положил он копье на голову могучему скакуну...
Топот конских копыт,
Грохот мраморных лат,
Сверкание лазуритовых копей!
Как быстрокрылый голубь
Или газель на горных вершинах,
Как [искусный] пловец,
Как голодный лев на табун,
Как голодный волк на отару овец,
Как бешеный беркут терзает [добычу],
Как яростный баран бьет, [так]
Поднялся к поднебесью шум битвы.
Турабшах отдал приказ,
Привели гадальщиков —
Великих звездочетов,
Всех мудрых везиров,
Усадили их в ряд.
«Подскажите какой-нибудь выход,

Ведь [Аваз] чародей и колдун,
а поле боя копьеметатель он.
У него,— сказал,— мудрое животное,
Смерть оно несет всем богатырям!»
«Но пусть подымется шум битвы,
В сорок колодцев мы бросим Авазхана,
Сеть взметнем мы в небо,
Будем бить его из ружей и луков.
Попадется он в сеть или в глубокий колодец,
Либо ружье его прикончит, либо лук».
«Молодец,— сказал [Турабшах],— мой дорогой везир!»
***
Поднялся шум битвы,
Погнали Авазхана на сорок колодцев,
Метнули сеть сверху —
Пролетела мимо него сеть!
Стрелы выпускали из лука —
Сорок раз сторонился [стрелы] конь!
Турабшах загоревал:
«Чтоб помер твой сын,— сказал,— отец такого сына! .
Видать, богатырский этот конь,— сказал,—
Очень чтит его Гургули,
Этот конь мудрее его самого».
Вскочили воины Турабшаха на скакунов.
И полуживыми со всех сил бросились удирать в безводную степь
***
Сорвал свой боевой шатер [Авазхан],
Ахмад, а с ним две красавицы.
Пошел походом Авазхан на город Турабшаха.
Встречать его сбежались все, и стар и млад.
Поклонились они Авазу:
«Молодец,— сказали,— сын султана!»
Повели его в крепость и в покои,
Направили глашатаев по главным улицам.
Глашатаи сзывают народ, и голоса их разносятся вдаль:
«Кто тут нищий и бедняк,— кричат,—
Все сбегайтесь к Авазхану,
К сыну Гургули-султана!
Приходите к нему все!»
Прибежали нищие и бедняки,
Аваз приказал:
Раскрыли большую царскую казну,
И оаздал Аваз все нищим и беднякам.
Обрадовались все, и стар и млад,
Вознесли молитву во благо Авазхану.
Разоешил он дехканскому люду —
Собрались все, от мала до велика,
Выбрали из своей среды правителя.
В подарок себе взял лишь двух коней Авазхан,
Посадил на них двух красавиц,
Двух девушек, кравчих Мастана: Для Нурали и Миралихана.
Благословили [его] все, от мала до велика,
Вернулся Авазхан в Чамбул.
«Гони,— сказал,— дедушка Ахмадхан!»
«Я разум потерял совсем и оторопел».
***
Прибыли к прудам Чамбула.
Из решетчатого окошка посмотрел Саки в подзорную трубу,
Увидел Аваза со скакуном,
Ширмо увидел и Заркумой-красавицу,
Ахмада увидал и луноликих красавиц.
Побежал в розовоцветную комнату к султану,
Поклонился Гургули:
«С тебя подарок,— сказал,— отец!
Вернулся ведь Аваз вместе с Ахмадханом,
С Ширмо и тремя красавицами,
С твоим вороным и большим конем Рахшем».
Приказал Гургули,
И в покоях запели радостные песни.

Слух дошел до всех, от мала до велика,
Пришли [все] к торговым рядам Чамбула, ко дворцу султана,
Пришли Ахмад и Авазхан,
Приветствовал [их] туркменский народ
У ворот шах-султана.
Все пришли радостные.
И пери, и стар и млад
Приветствуют Авазхана,
Главный конюший, [Асалмирохур] луноликий красавец,
Взял под уздцы коня,
Повел его в мраморную конюшню,
Повесил на морду торбу [мягкую] с кормом,
Ухаживали за ним две девушки.
Поклонились все могучему шаху,
Уселись рядами,
По правую сторону могучего шаха.
Аваз восседает на золотом троне,
Ширмой и Заркумой и две девушки,
Разостлали дастархан,
Сказали: «Аминь, велик Аллах!»
Службу нес Аваз, и блаженствовал султан.
Этот дастан об их приключениях разнесся по всему свету.

IX. СКАЗ ОБ ОКСОК-ПАДИШАХЕ И О ТОМ, КАК ОН ВЫСТУПИЛ ПРОТИВ ЧАМБУЛА

Ахмад тайком направил соглядатаев
Из туркменских девушек,
Они донесли Ахмадхану:
«Аваз спал на ложе Ширмо-красавицы».
Ахмад собрал сорок шахов Чамбули-мастана,
Пришли они к Гуругли и поклонились ему.
Сорока шахам разостлал Саки дастархан,
Но даже не взглянул на них Ахмадхан.
«Я не голоден,— сказал,— плешивый султан,
Вечно ты сам растишь себе врагов,
Все тайное, что я узнаю, я говорю тебе,
[Но] ты считаешь мои слова лишь ложью и клеветой...
Развратник этот Авазхан,
Он спит на ложе с твоей красавицей!
Знает это весь туркменский народ, от мала до велика».
[«А] слова твои не новый ли обман?
[Ведь] Авазхан сын мне.
Он — благоденствие Чамбула, [наш] Авазхан».
Уговорился так Ахмад с султаном:
«Давай,— сказал он,— отправь [на проверку] Саки!»
Саки пришел к Авазхану.
Сказал Авазхан Сакиджану:
«Оклеветал меня Ахмад,— сказал он,—
Обесчестил меня и кормилицу мою.
Если голова моя нужна шаху-султану,
Пусть и сечет ее, я согласен, Сакиджан!»
Саки каблучками тук-тук, мигом возвратился,
Сообщил все Гуругли и Ахмаду.
Привели [все же] Ширмо из опочивальни,
Повесили ее под груди на виселице.
Ахмад пришел к Гуругли-султану:
«Разреши мне,— сказал,— шах-султан,
Снесу я голову с плеч вору Авазхану,
[Сам видишь—] развратник он в Чамбули-мастане».
***
Гулинор поднялась в светлицу,
Увидела бабушку, висящую на виселице,
Вернулась к отцу и поклонилась ему,
Рассказала ему про Ширмо:
«Кормилица твоя висит на виселице...
А как она, бездетная, души в тебе не чаяла!»
Посмотрел в подзорную трубу Авазхан,
Увидел Ширмо, висящую на виселице,—
Краска сошла с его лица, слезы потекли ручьями из глаз.

Нурали и Мирали были еще слишком юными,
Он отправил их обоих в дворцовый сад.
Вырыл Авазхан колодец, глубиною в сорок аршин,
Постелил там постель*, приготовил пищу.
Наступила ночь.
Разбил он вдребезги виселицу,
Выкрав, унес свою кормилицу Авазхан,
Положил ее на постель в глубоком колодце.
Ахмад проснулся, увидел, что виселица разбита вдребезги.
Пришел к Гургули-султану:
«Этот вор Авазхан,— сказал,— похитил Ширмо.
Не будь Авазхан развратником,
Не унес бы он к себе Ширмо, [не так ли], султан?
Он обиделся бы на себя и на твое царство, султан.
Что ж ты простил Авазу его грехи?
Что ж, султан, правда это или ложь, что он развратник?»
Приказал могучий шах:
«Иди, проворный Саки,
Бери себе,— сказал,— крылатого коня,
Боевой барабан бери и золотые палочки,
Латы бери и кованый щит,
Кинжал бери и меч.
| Авазу же] дай хромого коня,
Старые отрепья Авазхану дай,
Тупое копье Авазхану дай —
Изгони его из Чамбули-мастана.
Если развратник он, пускай завтра же в страхе [уходит],
А если невинен он, да будет господь его заступником!
Но если наклеветал [на   него] Ахмад,
То пусть страшится он разоблачения!»
[Отправился] Аваз в изгнание, и ушел он в безводную степь.
Горько плакал и стенал он на чужбине.
Гургули же стал похож на человека, у которого разрушен дом.
Хасан-пахлаван стал привратником,
Оксок, великий падишах, увидел сон,
Была у него дочь Гуландом, слава о которой обошла весь белый свет.
Направил он глашатаев, чтоб собрали всех, от мала до велика.
Несколько дней он угощал всех,
Рассказывал им про Чамбул Гуруглишаха:
«Видел я во сне сыновей Авазхана...
Если есть среди нас богатырь,
Колдун или знахарь,
Выдумщик или искусник —
Пусть отправится в Чамбул султана,
Пусть приведет ко мне Нурали и Миралихана.
Я отведу [тому, кто сделает это], покои с аркой, шириною в сорок аршин.
Отдам ему Гуландом, луну вселенной,
Паланкин роскошный подарю ему.
Пищей его будут лишь курдюк и печень,
Прислужницами будут у него две девушки,
А паланкин понесут два богатыря».
Из страха перед Авазханом
Не поднял головы ни один богатырь.
Опечалился великий падишах:
«В чем же сила Авазхана?»
Погрузился он в думы и поник в печали.
Слух прошел об этом по белу свету.
***
Была одна «колдунья», «ясновидица»,
Пришла в город Оксока, великого падишаха:
«Что дашь ты мне в награду, дорогое дитя,
Если приведу к тебе детей Авазхана?
И знаешь ли ты, сколько месяцев пути туда?»
«Не знаю, душа моя, бабушка».
«Четырнадцать месяцев пути до Чамбули-мастана!
Государева коня приведи ко мне!»
Направил глашатаев, собрали всех табунщиков,
[У кого] был конь Рахш, слон или скакун,
Быстро привели их [на смотр],

Увидела «колдунья» слабую, тощую лошадь,
Подбежала, поцеловала ее в морду и голову –
Тут же ее оседлали.
Погрузила «она» пищу, села верхом и отправилась в безводную степь.
***
В зарослях, в большой степи
Устроился Авазхан в соломенном шалаше,
Чтобы заметить врага.
[Но] по другой дороге «колдунья»
Пришла в Чамбули-мастан.
Окунулась [нарочно] в реку,
Потом заплакала, запричитала у ворот султана.
Хасан как зарычит:
«Убирайся вон, вражья старуха!»
Ахмад был [тем временем] у султана,
Сказал: «Из чужаков не бери себе привратников:
На добро они ответят тебе злом,– сказал,– дорогой сын,
Назначь привратником кого-нибудь из своих».
Убрали привратника Хасанхана,
Быстро открыли ворота «старухе».
«Старуха» поклонилась Гуругли,
Завела беседу с Гуругди и Ахмадханом.
Принесли воды, помыл руки и лицо султан,
Стал всех угощать Гуругли.
Каждое утро пир он устраивал для туркменского народа.
[Однажды «старуха»] окурила всех снотворным зельем,
Усыпила всех, от мала до велика,
Заворожила всех, от мала до велика,
|И] обернулась орлом в поднебесье.
На площади Чамбула играли два златокудрых отрока,
Орел опустился с неба,
Бросил свой талисман:
Оба златокудрых превратились в птенцов-куропаток,
[Орел] схватил их и поднял в воздух.
Гулинор заплакала и закричала,
Заплакала мать и сестра Нуралишаха.
Услыхал Ахмадхан это и рассмеялся: «Ха-ха!»
А Аваз был в шалаше в большой безводной степи,
Увидел он в лапах врага Нурали и Миралихана,
Сел верхом на скакуна,
Пустился вскачь за двумя юнцами,
[Но] ведь он на земле, а они – в поднебесье,
|И] разлучили Аваза с детьми его.
***
Прибыла «колдунья» и поздоровалась с Оксок-падишахом,
Освободила от чар Нурали и Миралихана,
Прижали они руки к груди и поклонились.
Снова устроили совет со всеми, от мала до велика,
Стали спрашивать друг друга:
«Что делать с детьми Авазхана?»
Вновь назначенный везир сказал:
«Поучимся у птиц поднебесных:
Будь то ястреб или степная перепелка,
Как ни отучай их от падали,
Как ни корми волчонка,
Не уживутся они с нами и вами,
Дети Аваза таковы же.
Прикажем и пусть выроют колодец глубиной в сорок аршин,
Пусть бросят их обоих в колодец».
Приказал, и бросили в колодец обоих детей.
Колодец сверху залили варом
И проделали туда отверстие,
Хлеб и воду опускали туда на веревке,
Заплакала, запричитала Гуландом:
«О, как [мне] жаль детей Авазхана!»
***
Расскажем теперь про Чамбул султана,
Про Ахмада и сорок туркменских шахов.
Пришли они поклониться султану:

«Послушай наш совет, дорогой сын:
Уничтожен уже Авазхан.
Детей его унес враг в поднебесье,
Отдадим же дочь Аваза Юсуфхану».
«Кого-нибудь из разумных старух пошли свахой!»
Где бы ни были разумные старухи –
Всех их собрал Ахмад-падишах,
Разостлал перед ними дастархан,
Принесли подносы с лакомствами,
По семь пар дорогой одежды дал он им,
Направил их к дому Аваза.
Тут же сообщили Гулинор:
«Твой дедушка Ахмад выдает тебя замуж за Юсуфхана».
«Отца моего зовут Аваз, а мой дед – султан,
Неладно поступил [со мной] мой дед Ахмадхан!»
Надела она на себя старую рубаху,
Худую тряпицу натянула на голову,
Во внешний двор выбросила старый коврик,
Кусок черствого хлеба положила перед собой.
Пришли старухи.
И Гулинор поклонилась старухам:
«Добро пожаловать,– сказала,– дорогие бабушки!»
Разостлала перед старухами дастархан с угощениями,
Положила перед ними черствый хлеб Гулинорджан:
«По каким делишкам вы пожаловали ко мне в гости?»
«Твой дедушка Ахмад послал нас,
[Ведь] без главы осталась ты, девушка, без старшего,
[Уж мы] будем покровителями, выдадим тебя за Юсуфхана
Если согласится [твоя мать] Гулоимджан,
Станет Юсуф для Гулоим сыном и главою дома».
Улыбнулась Гулинор, дочь Авазхана:
«Добро пожаловать, привет вам, бабушки дорогие!
Если моим покровителем будет сам Ахмад – тогда я пойду за Юсуфа,
|Ведь] он царский сын в Чамбули-мастане».
Старухи встали: «Спасибо тебе,–сказали,– душенька,
Какая ты благоразумная и благовоспитанная девушка».
Тут Гулинор мигнула, и привратник закрыл ворота.
«Мудрейшая из старух,– сказала [Гулинор],– высунь-ка язык!»
И отрезала ей кончик языка.
Руки переломала, голову разбила.
[Так] нескольким старушкам языки поотрезала и [обратно] их отправила:
«Пойдите и расскажите все,– сказала,– Юсуфхану!»
Старухи ушли, горько рыдая,
Пришли к Юсуфхану.
[Юсуфхан] пришел к Ахмадхану:
«Благослови меня,– сказал он,– братец,
Не осталось у старух ни рук, ни головы, ни языка».
«Седлай коня быстрей, сынок!»
Привел Саки коня.
***
Бежала Гулинор из Чамбула,
Разгневанный сел на коня Юсуфхан,
Пошел он по следу дочери Аваза,
Посмотрел в свою подзорную трубу Юсуфхан,
 Заметил ее у прудов Чамбула.
Поскакал и ударил в барабан Юсуфхан,
Гулинор [громко] крикнула ему:
«Убирайся прочь,– сказала,–
Ты недостоин биться со мной на поле боя!
Отца моего зовут Аваз, мой дед султан,
Снесу я голову твою с плеч, а труп брошу воронам».
«Ты кого запугиваешь, дочь Авазхана-вора?
Ты не слыхала моего имени – Юсуфхан?
Я великий падишах над семью тысячами племен.
Все на белом свете в моих руках.
Ты же отвернулась от меня, так читай последнюю молитву!
Открыла грудь свою луноликая.
«Дар отца моего,– сказала,– могучий конь,
Я буду конюхом твоим, животное!» – сказала.

Выставил копье Юсуф-беглар.
Конь вскинул задними ногами и сбросил Юсуфа,
Увидел [Юсуф] грозный облик девушки.
Она схватила кинжал и меч.
Поцеловала коня в морду и в голову,
Ласковыми словами подняла она Юсуфхана:
«Где мне найти еще такого юношу,
Подобного тебе, великий царевич?
Душа моя истерзана, и сердце испепелилось из-за тебя,
Ты мой супруг желанный, Юсуфджан,
Для меня, одинокой, будешь ты главою».
Вскочил тут Юсуф, рассмеялся:
«Давай же позабавимся,— сказал,— дочь Авазхана!»
«А ну-ка, высунь свой язык, царевич,—
Белы ли твои зубы?» — сказала она.
Высунул он язык: «Поди-ка, глянь,— сказал он,— ясный месяц!»
Схватила она и подрезала язык Юсуфхану,
Переломала ему руки, висят они вдоль туловища,
Взгромоздила его на коня:
«Скачи, отвези его, паршивца Ахмадхана!»
Превратилась Гулинор в каландара и отправилась в безводную степь.
***
Сорока джигитам, сорока шахам устроил Ахмад пир,
[И вдруг]прибежал к воротам конь,
Рассмеялся и крикнул Хасанхан:
«Забирай-ка,— сказал,— своего паршивца, Ахмадхан!
Отправил его «пастух твой».
Увидали они, в каком состоянии Юсуфхан,
Разрыдались все.
Позвали лекаря, тот приехал из Туркистана,
Стал лечить Юсуфхана.
***
Расскажем о Нурали и Миралихане —
Заточены они были в зиндан.
Собрали всех, от мала до велика,
Под ветвистой огромной чинарой.
Соорудили трон для «немощной бабушки»,
Принесли роскошный паланкин.
«Бабушку» уложили в нем,
Принесли ей печень и курдюк,
Две девушки отгоняют мошкару,
Два богатыря паланкин покачивают,
Глашатай кричит и возвещает:
«Всякий, [кто] желает,
Да будет сегодня оповещен,
Что к ногам идола мы сегодня положим детей Авазхана.
Они достойны того, чтобы народ смеялся над ними!»
Сбежались мигом все стрелки.
Гуландом разрыдалась,
Взяла шелковую веревку,
Вместе с прислужницей отправилась она,
Пришли к темнице Нуралихана,
Бросили вниз аркан:
«Привяжи к поясу,— сказала,— Нуралихан!»
Приказала [то же] и Мирали.
Оба они разрыдались,
Вытащила их Гуландом из колодца,
Привела их в трапезную и опочивальню,
Разостлала перед ними дастархан,
Обслуживали их два юноши.
«Пусть только ни о чем не узнает,— сказала,—
Оксок, великий падишах».
Нурали дал Гуландом платочек:
«Покажи его крылатому коню,
Если скакун из породы коней моего отца, султана,
Оседлай его,— сказал,— и приведи сюда».
Пошла тотчас же Гуландом.
Приняв за врага, не подпустил ее к себе конь.
Гуландом показала ему платочек.

Опустил тот уши, и потекли у него слезы ручьем,
Привела она крылатого коня в покои,
Схватил Нуралихан меч,
Старый, беззубый везир отправился с Нурали,
Показывая дорогу детям Авазхана.
Отрубил Нурали голову старой «колдунье».
Прикатили царь-пушку
И направили ее дуло
На место, где восседал Оксок-падишах.
Везир и Нурали вернулись обратно.
Посадил Нурали Миралихана верхом,
Посадил Гуландом, ясный месяц,
Выехали они из города и двинулись в путь.
***
Послушаем теперь об Авазе-воине:
Он был разлучен с сыновьями,
В стране Магруршаха
Превратился он в каландара,
Просил повсюду подаяние,
Распевая, подобно соловью,
Что поет по утрам розе.
Услышала [его] дочь падишаха:
«Кто этот нищий с таким прекрасным голосом?»
Призадумалась она:
«Тетка отца говорила мне,
[Что] в нашем городе появится Аваз,
Девушкой ли он прикинется луноликой,
Или каландаром, или нищим,
Но на самом деле он сын Гуруглишаха.
Я заняла бы его сначала беседой,
Разузнала бы, откуда он родом».
Она отправила прислужницу,
И та привела Авазхана.
Разостлали перед ним дастархан.
«Что ты за человек,— сказала,— дорогой дедушка,
С таким прекрасным голосом, с такими знаниями?
Слыхала я от старых...
Не Аваз ли ты, сын султана?»
«Я — каландар, немощный.
Разве Аваз похож на такого, как я, беззубого старика?»
«Скинь-ка свой колпак, посмотрю, [каков ты],
Фасон снимают с него девушки, дорогой дедушка».
Подумал Авазхан,
И стали они беседовать друг с другом...
Выдал он себя.
А девушка поклялась молчать.
Так никто ни о чем и не догадался.
***
Наступило утро — время приема [у падишаха],
Старый беззубый везир пришел к Оксоку, великому падишаху
«Что натворил ты,— сказал он,— великий падишах!
У твоей „мамаши", видать, дурные замыслы.
Это она нацелила на тебя царь-пушку!
Послушай, я притчу тебе расскажу:
Среди старых птиц небесных
Был вроде тебя падишахом беркут,
Его везирами были сокол и кречет.
Осенью они возвращались в большую безводную степь,
В степи они зимовали.
[Как-то] наклеветали падишаху,
И отстранил он двух везиров.
А коршун и ястреб стали новыми везирами шаха.
Полетели они из степи на верхнюю летовку.
Проголодался падишах и потребовал у везиров пищи.
Коршун попросил благословения:
„Я достану тебе,— сказал он,— пищу".
Сделал он круг над землей и стал высматривать:
Увидел шалаш, а в нем старуху,
У нее была лишь одна курица и маленький цыпленок.

Сложил коршун крылья и когтями впился в цыпленка.
Писк цыпленка поднялся до неба,
Несчастная курица была разлучена с птенцом.
Принес и бросил коршун цыпленка падишаху:
„Выполнено твое поручение".
Тут попросил ястреб у падишаха разрешения полететь.
И он, сделав круг, поднялся ввысь.
Сидел у дороги несчастный крот,
Он был слеп и ничего не видел вокруг,
Ястреб схватил его, поднял в воздух
И принес падишаху.
Понадеявшись на этих двух везиров,
Падишах чуть не умер с голоду.
[Тогда] он смазал свои крылья жиром,
Покружил в воздухе,
Увидел куропатку в горах,
Сидевшую на камне.
Устремился к бою он, заклекотав,
Сложил крылья и камнем ринулся вниз падишах,—
Куропатка же спряталась за кусты.
Не смог удержаться [падишах],
Врезался в куст, промахнулся
И тут же [при падении] разбился насмерть падишах,
Куропатка [же] поднялась в горы, озирая вокруг:
Таковы и везиры твои и твое падишахство!»
Падишах сказал: «О милостивый отец,
Узнай, что приключилось с дорогой «мамашей?»
Везир вернулся от большой чинары,
Сообщил Оксоку:
«Мертвой я увидел „дорогую мамашу",
Ни Нурали не нашел, ни Миралихана,
Ни крылатого коня, ни Гуландом».
Собрал шах в поход несметное войско,
Засыпал землей большие ворота,
Отправился в четырнадцатимесячный поход!
***
Расскажем о Нурали и Гуландом.
Проголодался Миралихан.
«Проголодался я,— сказал он,— дорогой братец».
«Как помочь твоему горю?
Здесь ведь нет ни города, ни большого базара».
Посмотрел в подзорную трубу Нуралихан,
Увидел большой город.
Спешился и, оставив девушку с Миралиханом,
Притворился каландаром и пустился в путь.
[Увидел, что] собрались и стар и млад,
Затянул он дервишскую песню:
«Да будет благословенно,— сказали все,—имя Аллаха!»
Он снова запел и закончил благословением.
Собрал он черствый хлеб и повернул обратно.
[Но тут] задержал [его] один человек:
«Куда идешь,— спросил он,— дедушка?
Здесь,— сказал,— город Ормоншах-падишаха,
Ормоншах умер,— сказал,— покинул этот свет,
Народ собрался,— сказал,— ишаны, баи и муллы.
Везиры и воины —
Царева сокола пускают в полет.
Он вернется, и если будет тебе, нищему, предопределено судьбою
И сядет он на твою голову,
То быть тебе на троне Ормоншаха!»
Пустили царева сокола в полет.
Спустился он на голову «нищего»,
Не согласились подданные Ормоншаха,
Второй раз пустили сокола,
А Нурали упрятали подальше,
Но снова сел сокол на голову «нищего» —
[Опять] не согласились везиры и воины.
Посадили «каландара» в какой-то [неприметный] дом,
[И] третий раз пустили сокола в поднебесье.

Спустился царев сокол сверху,
Стал плакать, царапаться и, словно змея,
Прополз сквозь [какую-то] щель [в дом и снова] сел на голову «нищего».
«Против судьбы не пойдешь»,— сказали везиры.
Принесли царские доспехи,
Нарядили «каландара»,
Повели и посадили его на трон.
Направили глашатаев и оповестили народ:
«Править страной будет каландар!» — сказали.
Издал приказ Нуралихан:
Собрались все, и стар и млад.
Раскрыли шахскую казну,
Раздали ее всем, от мала до велика —
Все дехкане * стали богачами.
Обрадовались все и повеселели:
«Видать, из благородных наш падишах,
И как он прекрасен, этот изумительный юноша!»
«Приведите двух моих спутников ко мне!» — сказал падишах.
Побежали все, от мала до велика
За Мирали и Гуландом.
Поклонились Мирали и Гуландом.
На радостях бросили на майдан [тушу] козла [для козлодрания]
Запели радостные песни.
С радостью привели их обоих
В столицу Ормоншаха, к трону Нуралихана,
Приказал Нурали, и устроили для всех пир.
Показал свое искусство Миралихан,
Весь народ Нуралихана изумился:
«Выберем его везиром у нашего падишаха!»
Назначили Миралихана везиром.
Была у Ормоншаха дочь Мохиджан.
Справил свадьбу Нуралихан —
Отдал он Мохиджан своему везиру,
Сам женился на Гуландом.
Тайну же его никто не разгласил.
***
Расскажем теперь об Авазхане...
Он все поведал о себе,
Дочь Магруршаха рассмеялась:
«Давай-ка, сын Гургули-султана,
Отвези меня в Чамбули-мастан!»
«Я пеший»,— сказал Авазхан.
 «А куда девал ты коня султана?»
«Меня народ туркменский обесславил,
 Дали мне вот этого хромого коня,
Эти старые отрепья,
Это тупое копье у меня в руках».
«Если возьмешь меня в Чамбули-мастан,
Я украду [для тебя] боевого коня моего отца-падишаха,
Он одолеет всех врагов в бою.
[Ведь] он тоже из породы [коней] Райхан[араба]».
«У меня врагов словно снежинок в небе.
Принеси же мне доспехи!»
И стали оба хлопотать.
Аваз направился к коню,
Показал ему свою красу,
Стал миловаться со скакуном,
Поцеловал он морду и голову бессловесного.
***
Поведем речь о Гулинор, дочери Авазхана,
Направилась она в безводную степь и пустыни,
Бродила там голодная и страждущая,
Дошла она до города Нуралихана,
Прикинулась беззубым стариком.
Увидала небольшой родник с ключевой водой,
Огляделась Гулинор,
Видит: все вокруг родника из мрамора,
Ограда вся позолоченная.
Увидела девушку, прислужницу,

В руках у нее драгоценный чайник,
Цена чайника равна хироджу* Нуралиджана за семь лет.
«Я очень пить хочу,— сказала,— милое дитя!
Дай мне, несчастному, каплю воды».
«Это вода не для всех,— сказала,— „дорогой дедушка",
Это вода для нашего падишаха, дорогой каландар.
С утра до вечера
Один лишь чайник воды набирается для падишаха.
Если дам тебе воду, дедушка,—
Снесут мне голову с плеч долой!»
«Негодяй ваш падишах, дитя мое!» — сказал [каландар].
«Не говори так, коль не знаешь, дедушка!
Мы [ведь] недавно нашли себе справедливого царя —
Он красив, он прекрасен!»
«Кто он — узбек или афганец?»
«Лицом похож: на вас, милый дедушка».
Отвлек внимание девушки-служанки,
Схватил воду «каландар»,
Стянул с пальца свой перстень,
Бросил его в чайник,
Отдал девушке.
«Есть у меня,— сказал,— совет тебе, дорогое дитя:
Когда будешь лить воду на руки царю,
Понемногу лей,— сказал,— дорогая девушка,
Если заругает тебя царь и прикажет,
Ты ему еще меньше лей,
А в третий раз,
Поднявши чайник, опрокинь его [и вылей все] на руки падишаха,
А потом возвращайся,— сказал,— ко мне,
А на царя своего и не оглядывайся».
Девушка-служанка отправилась,
Полила воды на руки Нуралихана.
«Побольше лей,— сказал тот,— милая девушка!»
Еще меньше полила она воды на руки падишаха,
В третий раз опрокинула она чайник [и вылила все разом].
Посмотрел Нурали на свою ладонь,
Увидел на ней перстень.
Закричал он вслед девушке-служанке:
«Вернись, дитя мое, ко мне!»
Девушка-служанка, трясясь от страха, подбежала,
Прижала руки к груди и поклонилась.
«Кто пил твою воду, милая девушка?»
«Я никому не давала, дорогой отец!»
«Не бойся, сладость души своего отца,
Скажи правду,— сказал,— о девушка!»
«Старик был там,— отвечала,— немощный,
Каландар там был,— сказала,-— беззубый,
Это он воду мою выпил, дорогой падишах!»
Слезы из глаз Нурали потекли ручьем,
Сел он на трон и призвал Миралихана,
Показал ему перстень Гулинор —
Оба заплакали и запричитали.
Вместе с Гуландом и дочерью Ормоншаха
Пошли все четверо пешком.
Узнал народ, и быстро все сбежались.
Гулинор увидала обоих братьев,
Скинула с себя кашмирскую шаль,
Показала красоту свою, подобную луне,
Подбежали Нурали и Миралишах,
Обняли Гулинор,
Поцеловали родинки на ее лице.
Изумился весь народ,
Стал их чествовать.
Привели в расписную комнату и опочивальню,
Сели Гулинор и двое юношей,
Дочь Ормоншаха и Гуландом.
Разостлали перед ними дастархан.
«Добро пожаловать, ясный месяц,
Любимица отца! — сказал,—

Здоров ли могучий шах
И сорок шахов Чамбула хайбарского?
Счастлив ли, жив ли наш дедушка-султан,
Сорок шахов туркменских,
Ахмад и Юсуфхан?
Жив ли, здоров ли прекрасный певец Саки,
Охотничий сын Шадман, наш дедушка Хасан-пахлаван,
Кормилицы моего отца и восемьдесят красавиц,
Наша мать Гулоим и отец Авазхан,
Весь народ Чамбула, от мала до велика
Жив ли, здоров ли он весь?»
«От ваших друзей вам привет, от матери и от отца Авазхана».
Собрали всех прислужниц и девушек,
Пир устроили двое юношей в честь Гулинор.
Где бы ни был балагур или певец —
Все они без конца распевали прекрасные песни,
Гостям дали много еды,
Балагурам дали богатые одежды,
А певцам — щедрую награду.
Утром, вскочив с постели, Гулинор
Поклонилась Нурали и Мирали:
«Сон я видела, дорогие братья,
Ближе к утру:
Бабушка в слезах и муках,
Наш дедушка, Гуругли-султан,
Рыдает с посохом в руках,
Вокруг него кормилицы отца, и стар и млад,
Справляют траур по моему отцу.
К добру ли это, к худу ли, дорогие братья?
Опечалилась я и пришла в уныние...».
«Разрешите Гуландом,
Дочери Ормоншаха, жене Миралиджана —
Мы побродим с ней по белу свету».
Разрешила им луноликая —
Надели [те] талисманы на грудь,
Оборотились в голубиц и полетели в небо,
Покружили над головами
И улетели в безводную степь Хайбар.
***
Расскажем теперь об Авазе и о девушке.
Он сел верхом на крылатого коня,
Взял дочь Магруршаха и выехал.
Ударил в [боевой] барабан:
«Знайте отныне
Я — Аваз,— сказал,— похитил девушку!»
Узнал об этом Магруршах,
Сбежались метатели сетей,
Писари приготовили списки.
Магруршах посмотрел:
Восемнадцать тысяч мое войско!
Погнался за Авазом и за девушкой,
Отряд за отрядом идут колдуны и чародеи.
Разбил лагерь Аваз, поставил боевой шатер,
На выстойку поставил ветроногого коня.
Появился Магруршах,
Поставил золотой шатер.
Бунчуки и знамена реют, красные и с полумесяцем.
Стали друг против друга два лагеря.
Враги подготовлены к бою,
Сетеметатели забросили сети в поднебесье,
Землекопы вырыли колодцы и насыпали земляные валы,
Метатели стрел и стрелки
Сели в засаде с большими луками.
Вышли на поле копьеносцы,
Борцы с веревками у пояса,—
Вороты у борцов вывернуты наизнанку,
Мигом вышли отряды чернопалочников,
На устах у всех Аваз:
«Мы пленим тебя, Авазхан!»

Богатырь Аваз в шатре спит.
Заплакала луноликая:
«Твои враги показались, [их много], словно снежинок в небе.
Проснись,— сказала,— Аваз, сын султана!»
Слезы из глаз девушки потекли ручьем,
Упали на щеки Авазхана.
«Что ты плачешь,— спросил он,— луноликая?
Бог нам заступник,
Он всегда милостив».
Подготовился Аваз к бою,
Послал он луноликую,
Принесла ему доспехи девушка,
Атласную безрукавку надел [Аваз] на грудь,
Семислойную броню из мрамора надел,
Боевые латы — на тело,
Прикрылся кованым щитом,
К поясу привязал короткий кинжал,
На ноги натянул сапоги-вездеходы,
Подковки их из золота, а гвозди — жемчуга.
Золотую корону надел на голову,
Выпустил две пряди волос,
Вокруг головы восемнадцать завитков,
Раскрыл свою красу в Хайбарской степи —
Весь мир засиял,
А враги пришли в волнение.
Привела девушка коня Рахша,
Накинула [на него] бархатный потник,
Кундузские подседельники один на другой,
Возложила на него седло с лукой из мрамора,
Подтянула семь подпруг коня,
Узду и удила — в зубы,
Повод — в руках у девушки,
Боевой барабан [приторочила] и золотые барабанные палочки,
На седло — копье лазуритовое,
Сосуд с водой приторочила.
Вдел Авазхан ноги в стремена,
Сел верхом на бессловесное [животное],
В поход отправился против зверя [Магруршаха],
Ударил в боевой барабан Аваз и ринулся в бой,
«Я — Аваз,— сказал,— сын султана.
Кто мой соперник — пусть выходит на поле боя!»
Был там один коварный палиценосец:
«Благослови меня, дорогой падишах»,— он сказал.
Помолился он Лоту и Малоту и всем большим идолам и кумирам,
Ударил в боевой барабан и ринулся в бой.
Вступили оба в словесную перепалку:
«Не губи свою душу,— сказал,— Авазхан,
Переходи в мою веру!
Ты не в силах сразиться с палиценосцем!»
«Несуразицу ты несешь, скотина!
[Разве] не слыхал [ты, что] слух [обо мне] разнесся по всему свету '
Зовут меня — Авазхан,
Мой державный отец — султан.
Ты играешь [головой] на большом майдане,
Есть у меня совет от старших:
Первый удар нанеси ты,
А потом наступит мой черед».
Раскрыл свою грудь Авазхан,
[Тот] наступил, на сорок аршин вверх метнул [палицу].
Потянул за аркан палицу,
И нацелил ее в голову Авазу.
Но конь Аваза прыгнул в сторону на сорок аршин,
И палица не попала в цель.
Пыль столбом поднялась,
Подумал Магруршах:
«Аваз уже под землей!»
[Но] рассеялась пыль,
[А] барабан богатыря гремит,
Гром барабана богатыря

Доносится: «дунгур-дунгур!»
Небо опрокинулось при этом,
А земля взметнулась до крыши минарета.
«Ты — враг, так берегись!
Если утром проснешься, неверный,
[Не забудь взять] в путь сухую лепешку:
Страну твою я разрушу,
А тебя пленным уведу в Чамбул!»
«Чего стоит твоя сила, Авазхан?»
Враг еще твердо стоял на майдане,
Поминая своих Лота и Малота
И всех своих идолов и кумиров.
Ударил в боевой барабан и вновь повернулся к нему Авазхан,
Отступил он на полдневный переход назад,
Положил копье между ушами ветроногого коня,
Его стремена натянулись,
Раздался топот конских копыт,
Грохот звеньев щита,
Грохот мраморных лат,
Звон удил бессловесного [животного].
Закусил [конь] свои удила,
А пасть [его] как мрачная пещера,
Глаза стали больше зеркал.
Оба уха навострил,
Шею вытянул на семь аршин,
Круп его словно огромный купол.
Выставил свое копье Авазхан.
Поднялся шум битвы,
Пыль поднялась [столбом] до небес.
Оксок-падишах заметил пыль,
Взял подзорную трубу и посмотрел.
Шум битвы поднялся к поднебесью.
«Достанутся,— сказал,— нам снова дети Аваза-воина
Нурали и Миралишах».
Ударил в барабан, и раздался гром,
Магруршах увидел — подходит войско [Оксок-падишаха].
Друг с другом столкнулись они, дым поднялся в небо!
Аваз меж двумя врагами ударил в боевой барабан,
Покаялись они и повернули вспять,
Увидели Аваза, всеславного воина,
И чередом спустились на поле боя.
Стал бить копьем Авазхан,
Колесо судьбы завертелось,
Пыль поднялась по степям и пустыням,
От топота копыт коней, [подобных] Рахшу, и могучих слонов
Земля задрожала, и небо загремело,
Поднялся шум битвы.
Видит Оксок-падишах: ни Мирали нет, ни Нуралихана.
Послал он мигом послов к Магруршаху:
«Кто этот человек,— сказал,— [этот] мужественный воин?»
«Это Аваз, сын Гургули-султана».
Окружили его стар и млад.
Палиценосцы бросают кверху палицы,
Прибежали копьеносцы на поле боя,
Лучники прибежали, стрелки,
Чернопалочники прибежали, размахивают дубинками,
Борцы прибежали, богатыри,
Бегом прибежали землекопы.
Не стали разговаривать с Авазханом,
Все желали только одного:
«Чтоб сын твой помер, отец героя!
Видать, он богатырь могучий,
Он богатырь-пахлаван у Гургули.
Он [всегда] готов к бою.
Выпустил он потоки нашей крови.
Светлый день превратил он в темную ночь».
Пришли звездочеты
И премудрые везиры:
«Укажите нам выход!

Разгромил нас злосчастный Аваз».
Был там один старый везир, дедушка.
«Выход очень простой,— сказал он,—
Послушайте мой совет, дорогие дети:
Взметните сети в небо,
Пускай в засаде сядут лучники и стрелки.
Сорок колодцев выкопайте в ряд,
Пусть сядут на коней и стар и млад,
Пусть поднимется шум битвы,
Пусть погонят его на сорок колодцев,
Пусть метнут сети сверху,
Пусть стреляют из луков и ружей,—
Он [обязательно] попадется в ваши сети.
Но если он ускользнет от сети,
Не избежит стрелы лучников,
Если и те и другие промахнутся,
Его конь взметнется вверх,
Не миновать же ему сорока колодцев.
Упадет Аваз в колодец [вместе] с ветроногим конем,
Попадет к вам в плен».
***
[Тут] примчался Аваз на крылатом коне,
Метнули на них сети.
Вынул Аваз кинжал и меч
И прошел сквозь сети.
Пустили в ход стрелы, ружья и луки.
Взвился кверху конь,
Миновал засады Авазхан,
Погнали его на сорок колодцев [и обстреляли].
Стегнул Аваз плетью коня,
Взлетел тот, словно голубь,
Перепрыгнул через сорок колодцев,
Повернулся тут Аваз и выставил копье против моря войска.
***
Раскажем [теперь] о Нурали и Гулинор-луноликой.
Гуландом взяла дочь Ормошнаха,
Оборотились они в голубиц,
Взметнулись они в небо и совершили круг,
Посмотрели в подзорную трубу,
Услышали в степи хайбарской шум боя,
Увидела Аваза и повернула обратно девушка
К обоим братьям, сидевшим друг против друга,
Гулинор рассказала:
«Я видела нечто, о чем я расскажу:
Я слышала шум битвы в большой степи,
Я видела боевой шатер,
Я видела сидящую там красавицу,
На поле боя между двумя врагами,
На крылатом коне видела я отца своего — Авазхана».
Краска сбежала с лица Нурали, побледнел он как смерть,
Полились слезы из глаз Нурали.
Мигом привел он Мирали,
Рассказал ему про отца.
Направили глашатаев и вмиг всех оповестили,
Пришли все, от мала до велика.
Гулинор пришла, ясный месяц.
Прижала руки к груди:
«Подари мне могучего коня!» — сказала она.
Златокудрый приказал конюхам.
Пошел конюх в мраморную конюшню,
Расчесали коню сначала гриву,
Седло возложили на коня,
Привели к минарету.
Обернула себя шалью Гулинор.
Надела боевые доспехи,
Натянула на себя кольчуги,
Кундузскую шапку — на голову,
Копье взяла лазуритовое,
Боевой барабан приторочила и золотые барабанные палочки,

Сосуд с водой приторочила,
Двухвостая плеть у нее в руках.
Села верхом луноликая.
Натянула удила скакуна.
Прибыли дочь Ормоншаха и Гуландом,
Прибыли Нурали и Миралихан.
Привели несметное войско,
Отправились в широкую безводную степь.
Увидали врага.
Взяла барабан Гулинор.
Приказала [Гуландом], луноликой красавице,
Ударила та в барабан, звук поднялся до небес.
Почувствовал прилив сил сын султана.
Быстро схватил он подзорную трубу –
Увидал Нурали и Миралихана,
Увидал Гулинор и Гуландом:
«Пришли,– сказал,–львы нашего времени».
Выставил свое копье разгневанный Авазхан.
А Нурали разбил боевой шатер.
Гулинор попросила благословения у обоих юношей.
Благословили луноликую:
«Аминь, велик Аллах!»
В барабан к отбою ударила девушка.
«Возвращайся обратно, отец,– сказала,–
Садись,– сказала,– в золотой шатер,
Полюбуйся красотой своей луноликой,
Мой удел,– сказала,– убить неверного!»
Показала свою красоту девушка.
Засверкал весь мир,
Заволно!вались все джигиты:
«Возьмем в плен девушку!»
Схватила копья и метнула их.
Все джигиты ринулись в бой,
Кровь хлещет у них изо рта.
Ряд за рядом окружили девушку.
Не испугалась она врагов.
Прибыли Нурали и Миралихан.
Палиценосцы выступили на поле боя,
Палиценосцы Иуралихана,
Пришли стрелки, отряд богатырей,
Пришли чернопалочники и метатели сетей,
Колдуны пришли и чародеи,
Знахари пришли хитроумные –
Поднялся шум битвы.
Подумал Авазхан:
«Если одержишь ты победу, Нуралиджан,
Станешь ты благоденствием Чамбула.
Будешь ты дорог как сын моему отцу султану,
Будет радоваться твоей силе шах-султан,
Не отдаст он Ахмаду скакуна Гулькира,
Ты будешь главою для моей Гулинор».
***
Зарыдал Магруршах,
Собрал он войско, всех от мала до велика.
Дождался ночи, [с войском] удрал он в безводную степь,
Спасли они свои души.
Выставили караулы в большой безводной степи:
«Чтобы не пришел,– сказали,– этот вор Авазхан!»
Оксок-падишах один остался и оторопел,
И на коне своем тут же удрал.
Собрались все, от мала до велика:
«Мир-мир,– сказали Авазхану,–
Мы подчинены тебе все: и стар и млад».
Сорвали боевые шатры,
Пришли все, от мала до велика,
В город Нуралихана.
Тушу козла на радость бросили [для козлодрания] на майдан
Принесли снеди без счету.
Сановников назначили из числа богатырей,

Выбрали царя из народа Ормоншаха,
Он стал там править.
Собрал всех, от мала до велика,
Сановников назначил из богатырей,
Просил благословения у всех, от мала до велика.
Стали [все горько] плакать и стенать:
«Мы вновь нашли дорогого падишаха,
Благодаря твоей власти стали мы, дехкане, богатыми».
Молились нищие и бедные.
Вручил им власть Нуралишах.
Пришли Авазхан, Нурали и Миралихан,
Дочь Ормоншаха и Гуландом.
Дочь Магруршаха, [что] у Авазхана сзади сидела,
Гуландом с Нуралиханом,
Дочь Ормоншаха с Миралиханом,
Одна на коне Гулинорджан –
Повернули все и направились в степь.
Поскакали в широкую степь,
Достигли прудов Чамбула,
Земли Гуруглишаха:
«Дорогие девушки, дорогие дети,
Поставьте шатры боевые!»
Расставили шатры боевые,
Лагерь разбили на большом холме.
Посмотрел в подзорную трубу Авазхан.
Увидел Гургули, а на нем лица нет,
Слезы из глаз текут ручьями по лицу.
Если найдет безлюдное место, зарыдает.
«О мои дорогие дети!» – он говорил.
Аваза кличет он и двух юношей:
«Они были благоденствием Чамбула.
Мой золотой престол разрушен [ныне],
Поклониться не приходит ко мне Ахмадхан,
А Юсуфа назначили старшим».
Плачет Гургули и тоскует.
Увидел [он, что] на охоту [собираются] Ахмад и Юсуф.
Государство [Гургули] они раздробили.
[Вот] сидит сын охотника – Шадман,
Нет лица на нем, слезы [ручьями] текут из глаз,
Опустив голову, думает он о своем одиночестве:
«Благоденствием Чамбула был Авазхан».
***
Послали глашатаев позвать Юсуфхана.
Сорок джигитов пришли, опоясаны станы богатырей.
Привели коня султана,
Боевой барабан приторочили и золотые палочки,
Принесли копья богатыри Юсуфхана.
Надел он на себя доспехи Аваза,
Сел верхом на могучего коня,
К седлу прикрепил лазуритовое копье,
На руку взял охотничью ловчую птицу.
Взял сокола себе и Ахмад-полководец.
Пришли Каххархан и Заххархан.
Надирбек и Карахан, Камольбек-богатырь,
Семь братьев [старших и младших], падишахи Чамбули-мастана.
Стремянные впереди,
Пришли военачальники и воины,
Пришли вместе с Ахмадханом,
Отправились все на охоту,
Бьют в барабан, приманная птица поднимается к небу.
Пускают вслед за ней ловчую птицу,
Падишахи Чамбула радуются [восклицают]: «Вах-вах, вах-вах,
Вздохи наши дошли до престола господня,
Бог обратил свои взоры на нас,
Изничтожили мы чужаков,
Род Аваза не оставили мы на белом свете,
Радуемся, на мир глядя».
Гулинор сказала: «Благослови меня, отец,
Наши друзья,– сказала,– никнут в горе,

А враги — на охоте!
Я раскрою им одну тайну».
Благословил [ее] Авазхан.
Кашмирскую шаль накинула на себя Гулинор,
Высокий колпак — на голову,
Старые отрепья — на тело.
Священный камень привязала к поясу,
Каджкуль * привязала к поясу.
Благословенную тыкву повесила,
В руки взяла секиру,
Превратилась в молодого каландара, изумительного юношу.
Отправилась к прудам султанова Чамбула,
Наблюдает за козлодранием.
Пошла, подошла и запела дервишскую песню.
Пропела один стих и прочитала благословение:
«Из казны Гуругли одарим нищего,
Для Аваза — горе, а для нас,— сказали,— благодеяние».
Дали ей милостыню, и она повернула обратно.
[Вот она] показалась у царского пруда,
Запела дервишскую песню,
Пропела один стих и прочитала благословение.
Дали ей милостыню, и она повернула обратно.
Юсуф-падишах приказал:
«Верните-ка нищего,
Расспросим его,— сказал,— откуда он».
Побежали военачальники и воины —
Привели несчастного «нищего».
Спросил Юсуф-падишах:
«Что ты за человек, нищий?
Скажи нам, какого ты рода,
Где твоя родина?»
«Я — каландар, нищий».
«Что тебе до нас?»
«Чего боишься, чего?
[Ведь] царский венец у тебя на голове,
Вокруг тебя военачальники и воины,
Ты в Чамбуле ведь большой падишах,
Несправедлив ты к нищим и к народу,
Землю Чамбула превратил ты в пепел;
Когда-то были Аваз и Ширмо,
Голуби ворковали при девичьем смехе,
Саки распевал каждый вечер и утро,
Восемьдесят пери сидели вокруг падишаха...
Куда девались эти времена?
Посмотри ныне на Гуругли:
[Ведь] нищему лучше живется, чем Гуругли!
Разве не твой он племянник?
Разве не дяди вы ему?
[А ведь] род Аваза как-нибудь да поднимется».
«Вид у тебя нищего, а речь возвышенная.
Ты вовсе не нищий, [видно]»,— сказал [Юсуф].
Улыбнулся и засмеялся «дедушка»:
«Не снился ли тебе какой-нибудь сон утром или вечером?»
Повернулся Юсуф и зло посмотрел,
Краска сбежала с лица Юсуфа,
Побежал он к Ахмаду-падишаху:
«Будь начеку, братец,— сказал,—
Потомки вора Аваза вновь появились!»
«Бог наказал нас,— сказал,— видать, конец нам».
Посмотрел в подзорную трубу Аваз и увидел Гулинор среди сорока шахов.
Ахмад попросил: «Присядь,— сказал,— дорогой „нищий".
Спой что-нибудь в нашем дворце.
Пусть услышат и стар и млад,
Большую милостыню дам тебе, добрый дедушка!»
«Не говори зря,— сказала,— Ахмад-бобо.
Я обижена миром, а мир сыт мною».
Ахмад приказал:
«Хватайте,— сказал,— быстрее этого каландара!»
Прибежали туркмены, и стар и млад,

Сорвала Гулинор с головы кашмирскую шаль,
Показала себя,
Ударила в барабан, шум поднялся в поднебесье.
Пришли Нурали и Миралихан,
Удрали войска Ахмадхана,
В боевой барабан ударил Авазхан,
Земля задрожала, и небо загремело.
Бегом побежали все мужчины и женщины,
Пришли ко дворцу султана:
«Прибыли Аваз и Нуралихан!»
Гургули благодарил Аллаха.
Сказал: «Ахмад и Юсуфхан,
Вы оба будете послами [к Авазу]».
«Он снесет нам головы с плеч, светлейший!»
Послал тогда [Гургули] Хасана и Шадмана,
Послал Агаюнус, кормилицу Авазхана,
С ними четвертым послал Саки.
Пришли они близко к Авазхану,
Поклонились Авазу.
Встретились в боевом шатре,
Заплакали и запричитали,
Передали послание султана:
«Приезжайте на благо Чамбулу.
Я разрешаю Авазхану
Пустить кровь врага рекой,
Превратить в трупы несметное число из них».
«Исполню приказание отца султана»,— сказал он
И свернул боевые шатры.
***
Гулинор одна на скакуне —
Боевой барабан и палочки,
Острое копье ее видно.
Аваз и та, луноликая,
Дочь Оксок-падишаха, Гуландом
Позади Нуралихана,
Миралихан и луноликая
Направились к прудам султанова Чамбула.
Вот торговые ряды Чамбула хайбарского,
Ворота могучего Гуруглишаха.
Сбежались все девушки,
Сбежались все военачальники и воины.
Поклонились они могучему шаху.
Разостлали дастархан,
Сказали: «Аминь, велик Аллах!»
Прижал Гургули руки к груди:
«Есть у меня просьба к тебе,— сказал,— дорогой сын.
Гласят слова бога и пророков:
«Кто роет колодец другому — сам туда попадет».
Всякому, кто сотворит зло,
Тем же ответит господь.
У Ахмада ведь ума,- как у животного,
Прости его грех, дорогой сын!»
«Я поклялся, отец-султан,
Я распорю живот всем врагам, от мала до велика.
Юсуфа и Ахмада я брошу на майдан на козлодрание».
Долго рыдал шах-султан:
«Я разрушу Чамбул, сын мой.
С кем же я останусь в Чамбули-мастане?
[Ведь] Юсуф и Ахмад — мои дяди,
Как же я разрешу тебе это?
Чужой ребенок не будет [вечно] твой!»
«Не плачь, святой отец!
Все, чего ты хотел, я отдал тебе, мой покровитель.
Я не прошу золота и серебра, ничего мирского,
Я прошу от тебя лишь искупления одного греха:
Лишь искупления за грех, совершенный с кормилицей Ширмо.
У Гургули заныло сердце и потемнело в глазах:
«Приведи свою кормилицу, Авазджан!»
Послали Саки

И восемьдесят пери из покоев,
Все веселы и улыбаются.
Хасанхан и Шадман, Нурали и Миралиджан
Быстро побежали навстречу.
Послали Саки за Ширмо-красавицей
И за Гулоим, [женой] Авазхана.
Гулоим как смерть побледнела,
На ней разорванная траурная рубашка,
Волосы распущены, из глаз текут [ручьями] слезы.
[Как] увидала она Нурали и Миралиджана,
Увидала Гулинор, ясный месяц,
Аваза увидала, сына султана,
Выпрямилась луноликая.
Сели друг против друга
В султановом дворце,
Восемьдесят пери — кравчими, прислуживают всем, от мала до велика.
Гуругли послал Саки:
«Извести, Сакиджан, Ахмада,
Скажи — искуплен грех твой.
Пусть придут Ахмад и Юсуфхан
И сорок туркменских шахов».
Саки пошел к Ахмадхану,
Поклонился Ахмаду,
Сообщил ему о словах Гуругли.
Привели Юсуфа и сорок туркменских шахов.
Прочитали им послание и растолковали его:
«Наша смерть пришла,— сказал,— брат Ахмадхан!»
Надев на себя саваны, пошли Ахмадхан, Юсуф и сорок туркменских шахов.
Подняли они стон и плач,
Пришли к воротам султана,
Поклонились Гуругли.
Стали беседовать друг с другом.
Встретились лицом к лицу Ахмад, Юсуф и Авазхан.
Их примирил между собой султан:
«Я простил ваши грехи,— сказал Авазхан,—
И ты не печалься, дорогой отец».
Обрадовались сорок туркменских шахов,
Пели непрерывно радостные песни,
Плясали красавицы,
Пел песни Саки
Перед Гуругли и Ширмо-красавицей.
Гуландом [отдали] за Нуралихана,
Дочь Ормоншаха — за Миралиджана.
Дочь Магруршаха — за Авазхана,
Благословил их Гуругли-султан.
Направили глашатаев и оповестили:
«Будь то воин или военачальник, все от мала до велика,
Всех пригласили к султану.
Устроил пышный пир Гуругли».
Благословил Гуругли Авазхана,
Саки про это спел дастан.

X. О ПОЕДИНКЕ АВАЗА С ГОВДОРШАХОМ, БОГАТЫРЕМ САЛМОН-ПАДИШАХА.

Поднялся с места Саки-бобо
В отрепьях странника и высоком колпаке,
Отправился он к Ширмо и сказал:
«Послушай меня, дорогая Ширмо,
Слов моих,— сказал,— не отвергай!
Пусть поднимется [с места] Гулинор-красавица,
Санавбарпари, ясный месяц».
Встали со своих мест семь девушек:
«Давайте-ка оседлаем коня!»
Встали семь девушек и вышли,
На ногах у них туфельки с носками, загнутыми полумесяцем.
Гребешок взяли и мыло,
Подошли к четвероногому.
Каждая взяла в руки недоуздок, говорят,
Вывели они [коня] из конюшни,

Повели к пруду Ширмо.
Взяли с собою девушки сбрую,
В пруд завели [коня],
С мылом вымыли тело четвероногого,
Расчесали ему гриву и хвост,
Попоной шелковой накрыли верного [коня],
Хвост стал как шелковый.
Восемьдесят пятнышек на теле у крылатого коня,
Глаза у верного [коня] как пузыри,
Ушами он прядет—уши шевелятся.
Вывели его из пруда.
Тремя потниками накрыли животное,
Коврики подседельные с золотой бахромой.
Туркменским седлом оседлали его девушки,
Семь подпруг на брюхе коня подтянули.
Боевой барабан к луке седла приторочили,
Барабан, окованный золотом.
Стремена на коне подтянуты.
Подушка сверху положена,
На груди коня золотая бляха,
Золоченая узда на морде,
Восемнадцать подвесок на ней с обеих сторон —
Повели в поводу животное.
Потом Аваз повернулся и посмотрел,
Мужественный царский сын:
«Благослови меня, отец!
Говдоршах пришел в нашу страну,
Расположился он в поле,
Пришел он сражаться.
Поеду я на бой с Говдоршахом».
«Разве доспехи свои не наденешь?»
«Доспехи мои готовы, отец,— отвечал он,—
Дорогой халат и мраморные латы,
За спиною щит,— сказал он,— у меня,
На груди мраморный панцирь,
Шлем восьмигранный у меня,
Натянул я его на голову».
Потом у своего отца
И у всех людей получил [напутственное] благословение
И вышел Аваз,
Вскочил он на коня,
Грохот барабана раздался,
Выехал на улицу шахского Чамбула.
Когда Аваз выезжал,
Хасан громко захохотал: «Ха-ха!
Твой дядя жив еще,
Не печалься ни о чем!»
Распахнулись ворота,
Направился Аваз в Догистан.
Широко раскрыл Аваз глаза,
Увидел он восемьдесят богатырей,
Его взял смех:
«Откуда прибыли, друзья?»
«Кто ты такой,— сказали те,— что спрашиваешь нас?
Малому ребенку спрашивать
У нас не пристало.
Возвращайся в Чамбул! — сказали они,—
Приведи Аваза, сына султана,
Ровесника нашего,
Равного нам по силе,
Сразимся мы с ним на майдане».
Говдор обернулся и взглянул:
«Умри, не дожив свой век, плут!
Разве Аваз подобен тебе?
Изо рта твоего молоком еще несет.
Послушай мои слова:
Иди, извести султана,
Агаюнус пускай пришлет он,
Ширмо-красавицу пускай пришлет».

Аваз сказал: «Я не таков,
Чтобы приносить в подарок девушку.
Меня зовут Аваз,— сказал,—
Мой отец рожден в могиле.
Одним ударом моего копья,— сказал,—
Мраморный камень пронзаю я насквозь.
Ты не хвались,— сказал он,—
О, волшебник Говдоршах!
Тебя на лопатки,— сказал Аваз,—
Мигом положу на землю.
Не слишком нас запугивай!
Давай, поднимайся живей, подтяни свой кушак
И выходи на поле боя!
Не место сейчас угрозам»,— сказал он.
Тогда Говдоршах вскочил на коня.
Грохот боевого барабана раздался, говорят,
Подобно грому в весенний день.
Оба силача, говорят,
За пояса схватили друг друга.
От силы обоих
Земля стала как вспаханное поле.
Говдоршах нанес удар —
Слезы из глаз его потекли ручьем.
Потом, повернувшись,
Взял каленые стрелы,
Восемнадцать стрел, говорят, выпустил
В сына Гургули-султана,
Меч из ножен выхватил,
Ударил Аваза-пахлавана.
Говдоршах поднял палицу,
Аваз прикрылся щитом.
Такой удар нанес
Говдоршах, придя в ярость,
Каплями слезы покатились и потекли ручьем.
Другой удар палицей нанес —
Кровь из носа Аваза
Фонтаном забила.
Аваз сказал: «Молодец,
О Говдоршах-пахлаван!
Еще разок ударь,
Чтобы не жалел потом!»
Говдоршах еще раз ударил
В гневе и ярости.
Земля стала зелено-красной,
До бабок в землю осел конь.
Тогда признал [Аваза] искусный Говдоршах.
Потом грудь свою раскрыл:
«Ударь-ка,— сказал,— могучий лев!»
Аваз плетью стегнул вороного коня,
Грохот боевого барабана Аваза потряс небеса.
Потом положил он копье между ушами вороного
И ударил Говдоршаха-пахлавана.
На куски разлетелись восемнадцать слоев щита Говдора
И латы его кованые.
Поднял он из оедла
Говдоршаха-пахлавана,
На лопатки, говорят, его
На землю, говорят, уложил.
Тут Аваз вытащил кинжал:
«Пока голову тебе не снес, скажи:
Зачем ты потребовал Агаюнус и Ширмо?»
Погнал Аваз, говорят, восемьдесят богатырей.
Каждого, говорят, где ловил,
Там связывал и клал на землю.
Говдоршах следил [за ним]
И сказал Авазу: «Молодец!
Сам хоть и маленький,
А львом оказался на майдане».
Потом они стали друзьями

С сыном нашего Гуругли.
Аваз засмеялся и сказал:
«В свою страну ступай, Говдоршах!»
«Не поеду я больше в свою страну,— сказал тот,—
Я стал вашим другом!»

XI. О СНЕ ГУРУГЛИ И О ПРИБЫТИИ БАГЛАНА

Восседали сорок шахов [Чамбула] хайбарского,
С ними воины и дружинники —
Рано утром Гуругли устроил им пир.
Вскочил Ахмад и прижал руки к груди:
«Подари мне могучего коня,
Я сожгу безводные степи Хайбар,
Приведу тебе пленных и девушек!»
Гуругли не дал ему разрешения:
«Царский шатер и золотой трон я дам тебе,
Кравчим девушку я дам,
Но могучего коня,— сказал,— не дам!»
В это же утро отвернулся от него Ахмад:
«[Если] моя молитва дойдет до бога,
Появится враг в Чамбуле,
Белую землю он превратит в черную,
Солнце на небе затмится,
Приду я и буду воевать с врагом.
Признает [тогда] Гуругли мою силу,
[Этот] Гуруглишах сам создает себе врагов!»
Сон увидал султан, очень плохой сон.
Из-за сна своего стал [Гуругли] рыдать.
И приказал Саки:
«Пойди, дитя мое, к решетчатому окошку,
Взгляни в подзорную трубу на безводную степь,
Будь начеку, нет ли где-нибудь врагов?»
Саки подошел к решетчатому окошку,
Взглянул в подзорную трубу на широкую безводную степь.
Увидел в безводной степи пыль и разглядел:
К прудам Чамбула пришел Шахсалман —
Был он старшим над семьюдесятью табунщиками.
[Саки] увидел, что аркан Шахсалмана разорван в клочья,
Увидел [, что] копье его разбито вдребезги,
Краска сошла с его лица, кровь сочится из тела.
Вернулся Саки, горько плача,
Доложил Гуругли:
«В руках врага побывал Шахсалман,
Кровь из тела Шахсалмана сочится,
Копье его разбито вдребезги».
«Открой быстрей ворота, пусть войдет Шахсалман!»
Вошел Шахсалман, спешился с коня,
Поклонился Гуругли:
«Что за беда,— спросил,— стряслась с тобою, дорогой сынок?»
Шахсалман рассказал Гуругли:
«В шатре мы сидели, пировали,
Обедать мы собирались,
[Но вдруг] показался враг,
Распорядился он, отец:
«Подберите-ка добрую яловую кобылицу,
Живо отрубите ей голову,
Поставьте походный котел,
Сварите-ка мне свежей конины,
Принесите бурдюк кумыса,
Разлейте по большим чашам,
Да принесите-ка все это побыстрее,
Если хотите, чтоб души ваши сохранились в теле,
Эй вы, рабы плешивого султана!»
Помолились мы: «Велик Аллах, аминь!»
И взяли боевое оружие,
Сели мы на могучих коней,
[Но] взвился его аркан кверху,
Оказалось, отец, что он — волшебник и колдун,

Бросил он стальную сеть над нашей головой,
Бросил палицу чугунную, весом в семь манов*.
Помутился у нас рассудок, и лишились мы сознания,
Поймал нас в сеть и связал всех тиран,
Отогнал [для себя] табун в семь тысяч голов,
А нас погнал узниками в безводную степь,
Передал мне послание и прогнал —
Вот послание этого богатыря!»
Передал [Шахсалман] послание султану.
Саки прочитал и разъяснил:
«Зовут меня Баглан — я сын Туркистана.
Мой падишах — Кайтус многославный,
Выдал он за меня Зартуз, ясный месяц.
Львы подчинены мне, а дэвы удирают от меня».
Навострил уши Ахмадхан, стал прислушиваться,
От страха перед силою Баглана
Прикинулся больным и улегся в постель Ахмадхан.
[Тогда] Гургули приказал Саки:
«Мужественных воинов приведи:
Либо они пойдут в бой против Баглана,
Либо враг разрушит Чамбул».
Взял Саки свой тамбур и заиграл на нем.
Приосанился тут богатырь Аваз:
«Дай мне разрешение, отец-султан,
Я пойду на бой против Баглана!»
Разрешил ему Гургули-султан.
Взял оружие Авазхан,
Атласную безрукавку надел [на грудь],
Семислойный мраморный панцирь надел на себя,
На тело —боевые латы,
На плечи — кованый щит,
К поясу привязал кинжал,
Золотой шлем надел на голову,
Набросил на себя кашмирскую шаль.
Саки пошел в мраморную конюшню,
Две девушки повели коня под уздцы,
Набросили они [на коня] бархатный потник,
Разноцветные подседельные коврики — с обеих сторон,
Подтянули на коне семь подпруг,
Боевой барабан приторочили и золотые барабанные палочки,
Копье повесили лазуритовое.
Двухвостая плеть в руках у Аваза,
Сел он верхом на коня-скакуна,
Попрощался [с ним] Гургули-султан,
А с ним и все, от мала до велика.
Отправился Аваз из Чамбула
В поход против Баглана.
Друзья Аваза зарыдали,
А враги рассмеялись,
Враги его затеяли козлодрание на майдане.
«Уничтожит Баглан Аваза»,— говорили они.

***

Прикинулся каландаром Аваз, сын султана,
И конь его стал тощим и хромым.
Взял подзорную трубу и посмотрел Авазхан:
Увидел он чугунные палицы,
Увидел талисманы — волшебные книги [у врагов].
Все мечтают поймать Аваза:
«Вот он,— сказали,— сын султана!»
Со всех ног бросились к Авазхану,
А он запел громким голосом песню.
«Откуда ты,— спросили,— нищий дедушка?»
«Пропустите меня, детки мои!
Нищим брожу я по стране падишаха
В поисках пропитания своим детям».
«А ты не Аваз ли, злосчастный вор?»
Они погнали его перед собой и поглядывали на него.
Увидал он какой-то город,

Все в нем благоденствуют: и стар и млад.
Все довольны, у всех улыбка на лице:
«Привели мы сына султана!»
Запел дервишскую песню Авазхан.
Громкие [звуки] его песни понеслись к поднебесью –
У всех слезы ручьем потекли из глаз.
Был там один старик-надзиратель,
Глазами был он слаб, подслеповат,
Услышал он пение Авазхана,
[Услышал] он цоканье конских копыт,
Отдал приказ своим сорока богатырям:
«Не каландар это,– сказал он,– а Авазхан!
Это вороной конь Гургули,– сказал,– из породы райхановых коней»
Сорок богатырей привели Авазхана:
«Откуда ты родом?
Назови нам,– сказали,– свой край».
«Я-то каландар, а вы кто?»
«И мы каландары-нищие.
Вот уже семь лет, как мы сторожим дорогу,
Мечтаем встретить Аваза,
У караульщиков – сети, а мы в широкой безводной степи
Никак не найдем сына Гургули-султана».
Побледнел Аваз и зарыдал:
«Два сына,– сказал он,– были у меня, богатырь,
Мечтал и я увидеть Аваза,
Вот и встретил я его,– сказал,– [как-то] в Кумистане,
И снес он головы моим детям с плеч.
Трупы моих детей отдал он воронам небесным.
И стал я каландаром и нищим.
[Хочу] отплатить за кровь детей злосчастному Авазу,
Но нигде не могу его найти».
[Тогда] приказал надзиратель:
«Откройте ему ворота!
А ты, [каландар], где бы ты ни обнаружил Аваза,
Тут же сообщи и нам!»
«Ладно»,– отвечал «дорогой дедушка».
Отправился он в поле, а скакун заржал.

***

Посмотрел в подзорную трубу Авазхан:
Увидел семьдесят пери луноликих,
Увидел большой дворцовый сад и цветник,
Увидел родники и текущую воду
Увидел семьдесят постелей Авазхан,
Увидел прекрасный шатер.
Нозукнихол, Аргувон и Мехрубон –
Эти три пери были там старшими,
А другие были прислужницами, все от мала до велика.
Стали они песни петь.
Оставил где-то [своего] коня «каландар»
И улегся на ложе одной девушки,
Притворился спящим лукавый Аваз.
Направилась к своему ложу девушка-прислужница,
Увидала в своей постели нищего каландара,
На нем старые лохмотья и колпак на голове.
«Прочь,– закричала,– с моей постели, старый каландар!
Ты не стоишь моей постели и золотой подушки,
Осквернил ты все, старый каландар!»
А тот стал еще сильнее храпеть «во сне».
Рассердилась девушка и взяла ком глины:
«Если не встанешь,– сказала,– я побью тебя, каландар
Тогда повернулся мощный конь
И ударил девушку копытом.
Плача и рыдая, побежала девушка в золотой шатер.
Госпожа спросила ее:
«Что ты плачешь, душенька-девушка?»
«Мертвый ли, живой ли на моей постели лежит какой-то каландар.
Конь у него, проклятого, шелудивый,
Он ударил меня копытом по голове».

Рассмеялась пери:
«Это,— сказала,— лукавый Аваз!»
Надела латы на себя и боевое снаряжение,
Звалась эта луноликая Нозукнихол.
Она подошла к каландару.
Повернулся к ней могучий конь задом и не пустил ее.
«Я стану конюхом твоим, животное,— сказала она,—
Я повешу тебе на шею торбу из бархата и парчи,
Вместо ячменя дам тебе кишмишу, а вместо воды — шербет, животное,
Ведь не осталось во мне ни сердца, ни души [от любви к Авазу]».
Как ни плакала красавица, ясный месяц,
Не пустил ее конь к Авазу.
Вернулась в свой шатер девушка,
Собрались вокруг нее все, от мала до велика:
«Что ты плачешь, наша госпожа?»
«Баглан отправил послание в Чамбул,
Авазхана он потребовал, —сказала,—
[Но Баглан ведь] знахарь и колдун,
Пленит он богатыря Аваза,
В тоске по Авазу будем мы рыдать на кладбище».

***
Оборотившись в голубей, полетели [девушки] к Баглану.
Появился [тут] «немощный каландар».
Две девушки-прислужницы Баглана
Сказали: «Возвращайся обратно, дорогой отец!»
«Спит злосчастный Баглан,— ответил «каландар»,—
Он мечтает о встрече с Авазом.
Семьдесят богатырей Гуругли в темнице,
А вот это — табуны Аваза и султана».
Дали ему семь мелких монет и сказали: «Вот тебе милостыня,
А теперь уходи отсюда, дорогой дедушка,
Он срубит тебе голову,— сказали,— этот Баглан!»
Пошел Аваз, приказал своему скакуну:
«Ударь-ка своими копытами так, чтоб услышал Баглан!»
В страхе проснулся Баглан,
Увидел нищего и сказал: «Это — Авазхан!»
Приказал девушкам: «Принесите мне оружие!»
Принесли его оружие две девушки.
Семислойный булатный панцирь надел он себе на грудь,
Чугунную палицу весом в семь манов взял,
Взял копье и сел на большого коня Рахша,
Преисполнился гневом и направился к Авазу.
Скакун увидел врага и стал мочиться кровью,
Стал медленно передвигаться, прихрамывая и ковыляя.
Запел дервишскую песню Авазхан.
Спросил его Баглан:
«Ты что за человек, немощный дедушка?»
«Я несчастный каландар».
«По глазам твоим видать,
Ты не вор ли Авазхан?
Что ты ищешь здесь, в безводной степи?»
«Я вижу у тебя палицу в семь манов,
Кого же ты так боишься, что нет на тебе лица?
Почему такой ужас напал на тебя?
Чью силу хочешь мне показать?»
Схватил Баглан палицу и сказал: «Я убью тебя, несчастный каландар!»
«Ударить каландара не так просто,
Я из людей Гуругли-султана,
Во рту нет у меня ни единого зуба.
Послушай меня, дорогой сын,
Я видал,— сказал,— как воюет Авазхан.
Отправь-ка письмо своему падишаху —
Пусть приведет восемнадцать тысяч воинов,
Пусть забросят в небо стальные сети,
А уж потом мечтай о встрече с Авазом».
«Давай сначала сразимся друг с другом.
Бросай свой талисман, Авазхан!»
Ударил в боевой барабан Баглан и ринулся в бой.

Приготовился к бою с Багланом и Авазхан.
Копье Баглана разбилось вдребезги.
Схватили они [тогда] друг друга за пояса и за шиворот,
Пустили коня на коня.
Бросил [Баглан] снадобье, и потерял сознание Авазхан,
[Но] вороной конь султана не отдал его врагу.
[Снова] пришел в себя Аваз,
Укрепился в седле [Авазхан]
И напал на Баглана.
Вышиб Баглана из седла,
Бросил его на землю вверх тормашками.
Прибежали тут девушки-пери.
«Прижмите его к земле»,— сказал Аваз-воин.
Насыпали девушки снотворного зелья
И быстро связали Баглана по рукам и ногам,
Пленным привезли его в свой шатер.
Дали ему целительного зелья и привели его в чувство.
Увидел Баглана златокудрый Аваз:
«Не рыдай, Баглан, отец мой — султан».
Семь дней и семь ночей Аваз на поле битвы.
Много беседовал он с Тюрком Багланом.
В конце концов сдался Баглан.
У него золотистые кудри,
Стал он мусульманином,
Аваза стал называть «братом»:
«Эй, Аваз, ты стал мне братом!»
Так они беседовали на поле,
Аваз сказал: «Я дал бы тебе казну».
«Не нужна мне, Аваз, казна».
Сказал Аваз: «Эй, Тюрк Баглан,
Назначу я тебя везиром султана».
Ответил Тюрк Баглан: «Авазхан,
Не нужно Баглану быть везиром».
Спросил Аваз: «Чего же ты желаешь, Тюрк Баглан?»
Отвечает Тюрк Баглан: «О богатырь,
В Чамбуле и ты и я будем безродными.
Когда пойдешь войной на врага,
Я буду твоим помощником, воин».
Аваз сказал: «Спасибо, молодец.
Есть у меня дочка Гуланор,
Отдал бы я тебе ее, верный дружок».
Согласился Тюрк Баглан.
Так они беседовали [друг с другом],
А табуны их паслись в степи.
[Вдруг] в степи поднялась пыль —
Посмотрел Аваз
И увидел Нурали на [молодой] кобылице Кулло,
Засмеялся Аваз-богатырь:
«Видишь сына моего, Тюрк Баглан?
Нурали на троне золотом узнал про все.
Нет [ведь] у меня ни матери, ни отца,
В Чамбуле я одинок.
А Нурали пошел по следу покровителя-отца».
Сказал Аваз: «Вставай, Тюрк Баглан,
Руки мои свяжи на майдане,
На шею мою повесь огромные цепи,
Возьми мой панцирь и вороного коня султана,
Сразись-ка с Нурали в единоборстве.
А я при жизни посмотрю на Нурали».
Мигом взлетела на крыльях кобылица Кулло.
Стремительно подъехал Нурали:
Дрожит лазуритовая земля,
Сознания лишился многоискусный Баглан
И кубарем скатился Баглан с седла.
Надел [Нурали] цепи на шею [Баглану].
«Напугал ты меня, Нуралишо,
Не видел я подобного тебе юноши,
Не встречал я еще такого богатыря.
Четырнадцать ночей и дней сражался я с Авазханом,

Не нанес он подобного тебе удара на майдане.
Давай пойдем к твоему отцу:
Это Аваз проверял тебя, юноша!»
Впереди едет Тюрк Баглан,
А за ним Нуралихан –
Спешились они около Аваза-богатыря.

***

Узнал про все Кайтус-падишах,
Послал за Авазом море войска.
Отправился Авазхан в Гультепе.
Семью рвами окружил Авазхана Кайтус.
Узнал [об этом] Аваз, сын султана,
Вооружился, направился на поле боя.
Начался бой.
Из Чамбула пришли Хасан и Шадман,
Нурали и Миралихан, дети богатыря Аваза.
Услышали они шум битвы,
Увидели, что Аваз в окружении врагов,
Бросились на помощь Авазу.
Двое юношей бились копьями,
Шадман укрылся в засаде,
Хасанхан дрался дубинкой,
А палицей бился Баглан, сын Туркистана–
Все на помощь Авазхану.
Пыль поднялась к небу,
Высокие холмы сровнялись с землей,
Земля стала перепаханная, кровь лилась рекой.
[Но вот уже] повернулись кони вспять,
Кайтус-падишах испугался,
И сам он обратился в бегство вместе со своими воинами.
Гнали его Аваз и Баглан,
Хасан и Шадман, Нурали и Миралихан,
Баглана посадили падишахом,
Стране предоставили мир.

***

Прошло меж: тем два года,
А Аваза-воина в Чамбуле нет как нет.
Однажды предстал Ахмад перед золотым троном:
«Салом алейкум,– сказал,– авлиё,
Зовут тебя Гургули-султан,
Я же твой дядюшка и великий эмир.
Если ты послушаешься меня, авлиё,
И дашь мне в руки приказ о смертной казни,
Я сооружу высокую виселицу
И голову оторвем Шерали.
Пусть не останется из их числа врагов,
Никого не останется из потомства воина [Аваза] на нашей земле».
Глубоко задумался эмир над этими словами
И сказал эмир: «Эй, Ахмадхан,
Ты для меня как отец [родной],
[Но] ни в чем ведь не виновен Аваз,
Он заложил основание нашему Чамбулу,
Слух об Авазе распространился среди врагов».
Едва сказал это эмир-султан,
Все, от мала до велика, [завопили] в один голос:
«Что ты говоришь эмир, авлиё,
Мы сами заложили основу Чамбула!»
Смутился от этих слов эмир,
Он приказал Ахмаду возвести к небу виселицу.
Переполох поднялся в Чамбули-мастане.
Догадалась обо всем Каракуз, ясный месяц,
Стала горевать и плакать Каракуз:
«Без тебя к чему мне жизнь, Шерали-сынок!»
Стало поздно, и утешились люди,
[Каракуз] уложила спать двух дочерей.
И красавица Каракуз взяла Шерали:
«О сынок,– сказала, – не горюй о мирском горе,

Мы оба пройдем через эту [безводную] степь,
Аллах, пусть роющий колодец [другому] сам упадет в него!»
Поднялось племя дурменов, поискали,
Но нигде не нашли Каракуз,
Не нашли и Шерали, сына воина.
Семь ночей и семь дней бродили по Чамбулу.
После семи ночей и семи дней дочерей Аваза
Вывезли из Балхубана.
Плачут и рыдают обе девушки,
Привезли их в Чамбули-мастан,
Гулюсуф поднялся и Ахмад-шайтан,
Отобрали девушек у эмира-султана,
Посадили их на крылатых коней-ашкаров
И вывезли из Чамбула их обеих, лишившихся отца.

***

Расскажем сейчас о богатыре Авазе.
Однажды утром он встал и начал рыдать:
«Вставай,— говорит,— Тюрк Баглан,
Нурали, гони табуны.
Видел я себя в печальном сне!»
Погнал Нуралишах табуны,
Сели на коней Тюрк Баглан и Аваз-воин,
Сорвали боевые шатры и палатки.
Выехал Аваз-воин в безводную степь,
Следом за ними Нуралишах с табунами.
[Однако] не идет по дороге конь султана,
Сворачивает влево к густым зарослям,
Заржал конь, ручьем потекли слезы из глаз его.
Четыре дня и четыре ночи кружилось животное,
Такое же разумное, как и отец его.
Хотя и нет языка у вороного коня султана,
Но чует вороное животное Шерали.
На пятое утро, когда рассвело,
Вдруг конь увидел Шералишаха.
В руках юноши он увидел стрелу с луком,
Увидел серну и прекрасную Каракуз.
Каракуз разделывала серну.
Вдруг заржал скакун ее мужа,
Заметила Каракуз коня,
Полились у нее слезы, подобно струям дождя.
Увидел Шерали [Аваза] на скакуне беглара,
Увидел, что у отца щеки в слезах.
Прижал Шерали руки к груди
И побежал навстречу вороному коню отца.
Аваз бросился к сыну,
Подбежала Каракуз и упала перед мужем.
Сказала Каракуз: «Богатырь Аваз,
Этот Ахмад подобен шайтану,-
Вынесли смертный приговор Шерали,
А я увела твоего сына в горы и пустыни,
Оплакивала я юношу.
Увел Ахмадхан двух твоих дочерей,
И продадут их в какую-то проклятую страну».
Воскликнул Аваз: «Тюрк Баглан,
Да будет господь вашим защитником, дорогой друг,
Рыдаю я по двум луноликим!»
Выехал Аваз в безводную степь,
[Направился] в горы и пустыни по следам двух коней-ашкаров.
Вдруг увидел Аваз какого-то купца,
Купец этот растерялся:
«Я назвал вас своими дочерями, двое луноликих.
О боже, да помрет твое беспомощное дитя,
Настал мой конец, [ибо] явился Аваз!»
Вышли обе сестрицы, а руки их прижаты к груди,
И подошли к отцу обе сестрицы,
Поклонились они отцу.
Плача, схватились за стремена:
«О,— говорят,— отец, испепелились [от горя наши] сердца,

Мы охвачены горем и тоской по тебе,
Мы склоняем перед тобой головы, отец,
Не виновен этот светлейший старец,
Во всем повинен Ахмадхан –
О Аллах, пусть подохнет сын шайтана!»
От всего сердца застонал при этих словах Аваз:
«Я знаю, ты не виновен, отец,
Ты купил, отец, двух девушек,
Ты отдал много золота и серебра.
Возврати девушек богатырю,
Я отберу твое золото и серебро у Ахмад-шайтана.
Возврати девушек покровителю-отцу.
Идем, о купец, за нами!»
Заплакал тут купец:
«Ты великодушен, Аваз-богатырь!»
Направился Аваз в безводную степь,
Отправился Тюрк Баглан к Нурали.
Вдруг посмотрел Нурали –
Отца и мать увидел и двух красавиц
Стали рыдать мать и Нурали,
Стал плакать и Тюрк Баглан.
Заплакал с Каракуз и Шерали-богатырь,
Вызволил двух девушек мужественный воин.
Сказал Аваз: «Чтобы не смогли уйти враги,
Прегражу я в степи дорогу обоим врагам».
Погнал он в безводную степь вороного коня султана.
[Когда] Аваз появился на перекрестке,
Сразу увидел Аваз врагов:
Увидел караван верблюдов и Ахмадшаха...
Как оглянулся Гулюсуф,
Увидел Аваза на вороном коне авлиё.
Начал плакать тут Гулюсуф:
«Из-за негодных дел наказал нас бог!»
Набросился на него Ахмад:
«Не говори так,– сказал,– Гулюсуфхан!
Аваз и [наши] враги уже давно погибли,
И сын его также умер в пустыне».
Как только сказал это Ахмад-шайтан,
Приспустил узду вороному коню Аваз-богатырь
И внезапно предстал перед ним Аваз.
Увидел Ахмад Аваза-богатыря:
«Верно ты говорил, Гулюсуфхан,
Я отвечу этому богатырю».
«Ассалом алейкум*,– сказал,– Аваз-молодец!»
«Ва алейкум ассалом*,– ответил,– Ахмадхан!»
«Благополучно ли ваше путешествие, о Аваз?»
«Что сказать мне, светлейший Ахмад,
Побывал я в Чамбуле султана,
Целехонек, дружок, и Балхубан,
[Но] не нашел я [там] ни дочерей, ни сыновей своих,
Куда же мне теперь идти, светлейший Ахмад?»
«Ничего мне не известно, богатырь Аваз,
Мы направлялись в большие страны».
При этих словах Ахмад стал сокрушаться и рыдать:
«О горе, большое горе, Аваз-богатырь!
Правду ли говоришь, что Чамбул разрушен?»
Ответил Аваз: «Ахмад-воин,
Никогда даром не достаются завоевания,
И добычу вы тоже недаром получаете,
И хлеб-соль не может забыться,
Ведь роющий колодец другому сам упадет в него.
Эй, Ахмад, куда ты дел моих дочерей?»
«Не видел я, Аваз, двух луноликих,
Ты порочишь нас обоих,
Кто рассказал тебе такое?
[Ведь это все выдумывают] наши враги».
Ответил Аваз: «Не говори так, Ахмад,
Ты продал обеих дочерей на базаре Губурхан.
Эй, Ахмад, больше не говори таких слов шайтана!»

Быстро погнал Аваз коня султана,
Ахмада он подталкивал копьем,
Ударил его вороненым копьем,
Горько заплакал и запричитал Юсуф.
Сказал Ахмадхан: «Аваз-богатырь,
Мы наказаны богом, пахлаван,
Сто раз раскаиваюсь я, что согрешил,
Что хлеб-соль твою позабыл!»
Связал их Аваз и спустил на майдане,
Приказал Аваз Нуралихану:
«Бей в победный барабан!»
Ударил в барабан Нуралихан —
Саки из опочивальни услыхал.
Посмотрел через окошко в подзорную трубу,
Увидел Саки, что цел и невредим Аваз,
Хасана увидел и Шадмана, Нурали увидел, Миралихана,
Двух девушек увидел и Каракузджан,
Побежал в трапезную к султану:
«С тебя подарок за добрую весть,— сказал,— дорогой отец:
Вернулись в добром здравии львы нашего времени!»
«Запой радостную песню!»
Звуки песни поднялись к поднебесью.
Побежали их встречать все, от мала до велика.
На улицы Чамбула въехал Авазхан,
Все приветствовали его.
Вошел он в ворота султана,
Поклонился могучему шаху.
Воссел Аваз — с ним воины и дружинники.
Саки разостлал перед ним дастархан.
Поднялся шум от рассказов дастана,
Народ Чамбула благоденствует,
И лишь шайтан Ахмад затаил месть в сердце.

XII. СКАЗ О ВРАЖДЕ МЕЖДУ АХМАДОМ И АВАЗХАНОМ

IРазгневался [раз] Ахмадхан:
«Опять устроили Авазу угощение!
Ведь врага себе растит,— сказал,— плешивый султан».
Обиделся он и ушел из Чамбула.
Поселился в своей цитадели, в покоях.
[С ним] Гулюсуф и Карахан, Надирбек и Тумор-пахлаван.
Приказал он Юсуфу:
«Потребуй сюда Саки!»
Привел Юсуфхан Саки,
Ахмад разостлал перед ним дастархан,
Стал Ахмад плакать и стенать:
«Ах, этот вражеский сын, ах, этот попрошайка-раб!
Ты хоть и чужак, но все же ты наш сын,
Укажи-ка мне, что делать?
[Давай],— сказал,— срубим голову Авазхану,
[Тогда] сделаю я тебя старшим в Чамбуле».
«Убить Аваза нелегко,
[Но] я укажу тебе выход:
Я уведу,— сказал,— скакуна,
Из медресе я приведу Нуралихана,
Свяжем его и отнесем в [широкую] безводную степь,
К берегу реки Шурьён,
И там срубим голову Нуралихану,
Труп его спрячем в песках.
Пройдет слух об этом по всему белу свету,
В тоске по Нурали сгинет Аваз,
Согнется его стан, глаза его потухнут —
Ты один станешь тогда старшим в Чамбуле!»
Отправился Саки и увел коня,
Пошел в медресе и выманил оттуда Нуралихана.
Нурали поклонился Ахмаду.
Дали ему снотворного зелья,
И впал в беспамятство Нуралихан.
Схватили его Ахмад и Юсуфхан
И предатель Саки,

Отправились из Чамбула в безводную степь
К берегу реки Шурьён.
Раскинул Ахмад боевой шатер,
Привели в чувство Нуралихана,
Нурали стал плакать:
«О боже, умер мой отец, видать, в Чамбули-мастане!
Был бы жив отец, не сотворил бы этого предатель Саки!»

***

Жил великий падишах Шаханшах,
Была у него дочь Карасач, ясный месяц.
Загадала она и увидала Чамбули-мастан,
Увидала Ширмо и Агаюнус, жен султана.
Отправил [шах] глашатаев, созвал всех,
Собрал всех, от мала до велика:
«Кто [здесь, среди вас],—сказал [шах],— мужественный воин -
Колдун или знахарь,
Копьеносец на поле боя,
Лучник или стрелок,
Метатель палицы в небо,
Пусть отправится в Чамбул султанский,
Пусть разрушит Чамбул,
Приведет ко мне Авазхана!
Отдам я ему в жены Карасач, ясный месяц,
Мягкий паланкин дам ему в подарок,
Двух девушек, отгоняющих мошкару,
Двух богатырей, носящих паланкин,
Дам ему великий сан».
Был такой богатырь — Рахимкул.
«Возьму на себя,— сказал,— борьбу с султаном
И берусь захватить Авазхана».
Привели ему огромного боевого слона,
На слоне приторочили палицу и боевой барабан.
Сразу сел верхом Рахимкул,
Двинулся в поход на Чамбули-мастан,
Пошел в безводную степь Кумистан,
На перекрестке больших дорог раскинул свой шатер.
Посмотрел он в подзорную трубу, увидал шатер Ахмадхан;
«Это не иначе, как [Аваз],— сказал,— сын султана».
Сел верхом и отправился в путь.
Увидел шатер Ахмадхана,
Подъехал поближе богатырь.
Заметил его Саки, известил Ахмадхана.
Вооружился Ахмадхан, сел верхом на скакуна,
Выехал Ахмад на поле боя.
Стали они драться копьями.
Рахимкул пленил Ахмадхана,
Саки сообщил об этом Юсуфхану.
Юсуф увидал, что Ахмад в плену у богатыря,
Вооружился сам, сел верхом на скакуна
И тоже стал драться на поле боя копьем.
Но и его взял в плен богатырь.
«Пленил я,— сказал,— Аваза, сына султана!»
И отправился обратно в свой город.
Саки же привел в чувство Нуралихана:
«Враг,— сказал,— пленил Ахмада и Юсуфхана.
Имя твоего отца — Аваз,— сказал,— твой дед — султан,
Так покажи мне свое мужество!»
Вооружился Нуралихан,
Приторочил свой боевой барабан и копье,
Сел верхом на вороного коня султана,
Отправился по следу слона-богатыря.
И вот он уже приблизился к нему на [расстояние] глаза.
Ударил в свой барабан Нуралихан,
Увидал его Рахимкул-пахлаван:
«Убирайся прочь, молокосос! — закричал,—
Ты еще мал,— сказал,— чтоб сражаться!»
Еще раз ударил в барабан Нуралихан.
Разгневался богатырь,

Направил Рахимкул копье на Нуралихана,
Прикрылся щитом Нуралихан,
И выпало копье у Рахимкула из рук.
Семь булатных [палиц] бросил Нуралихан,
Семь слоев [панциря] пробили они, и брызнула кровь.
Сбросил богатыря со слона наземь
И срубил ему голову Нуралихан.
Высвободил он Ахмада и Юсуфхана,
А голову Рахимкула повесил на луку седла.
«Отвезу, покажу деду,—
Будет доволен моей силой Гургули-султан,
А отец подарит мне скакуна!»
Посадил он на коней Ахмада и Юсуфхана,
Отправились они к шатру.
Тут проворно подбежал Саки,
Схватил скакуна за узду.
Посадили Нурали между Ахмадом и Юсуфханом,
Стали ему прислуживать с радостью:
«У льва родится львенок, а от лисы — лисенок, дорогой сын.
Мы спаслись благодаря тебе, Нуралихан!»
Прикинулся спящим Ахмадхан,
Раздался и храп Юсуфхана,
Богатырским сном заснул Нуралихан.
Тут пришел Саки, разбудил Ахмада и Юсуфхана,
И они вышли из шатра.
«Посоветуй, как нам поступить,— сказали,— Сакиджан,
Давай, — сказали,— отрубим голову Нуралихану?»
«Разве ты не видел его богатырскую силу?» — сказал [Саки].
Нашли четыре гвоздя в аршин длиною:
Два около головы, а два гвоздя — к ногам.
Принесли шелковый канат,
Связали [Нурали] по рукам и ногам.
Выхватил Юсуфхан алмаз[ный кинжал],
Сел верхом на грудь Нуралихана,
Открыл тот глаза и разрыдался:
«Я не буду больше,— сказал,— дедушка, Ахмадхан,
Я мал еще,— сказал,— не ведаю, что творю!»
Юсуф сказал: «Читай последнюю молитву!»
И приставил кинжал к горлу Нуралихана.
«Есть у меня завещание,— сказал Нуралихан,—
Прикройте коню глаза платком, сложенным всемеро,
Чтоб не увидал он моей могилы,
Чтоб не сообщил он моему отцу,
Не то мой отец прольет вашу кровь рекой».
Потерял сознание Нуралихан.
Завязали глаза скакуну,
А Нурали похоронили в песках.
Сели верхом Ахмад и Юсуфхан,
Отправились в Чамбули-мастан,
Голову Рахимкула отдали султану.
«Сто похвал вашей силе, Ахмад и Юсуфхан!»
Дал им большие чины.
Навесили мягкую торбу с кормом на скакуна —
Слезы у коня потекли ручьем по морде.
Пришли Агаюнус и Ширмо-красавица.
Справили траур по Нуралихану.
Узнали все Гуланор и Авазхан,
Вооружился Аваз и отправился к султану.
Увидал голову Рахимкула-пахлавана:
«Это, видно, Нуралихан срубил голову богатырю.
А его [самого] сгубили Юсуф и Ахмадхан,
А тело его они спрятали в песках».
«Разреши мне,— сказал,— отец-султан...»
«Напраслину ты возводишь,— сказал султан,— клевещешь на мой народ.
Иди садись верхом на скакуна,
Привези в гробу тело Нурали.
Если твоя правда будет, Авазхан,
Не оставляй в живых [никого из] туркменского рода!»

***
Сел верхом на скакуна Аваз,
Плача и стеная, он поехал,
[Но] не нашел труп Нуралихана.
Увидал лишь следы слона и обезглавленный труп [Рахимкула].
Согнулся его стан, глаза его затуманились,
Вернулся в Чамбул Аваз-воин,
Свой золотой трон он разрушил,
Стал справлять траур по Нуралихану.
Глаза его ослепли, стал он немощным старцем.
Ахмад [же] и Юсуфхан возрадовались,
Большое вознаграждение дали Саки.

***
Жил купец Ашур в Хорасанской стране,
Возвращался он домой из страны Чин и Мочин.
С девятью караванами верблюдов, с товарами со всего света.
С вечера гнал он верблюдов до полудня.
На месте, где стоял шатер Ахмада,
Остановил верблюдов и разбил шатер
У берега реки Шурьён.
Вдруг почувствовал Ашур зловоние,
Увидел холм и заметил кровь:
«А ну-ка, караванщик Хол, живо бери кетмень!»
Разбросали песок, показались кудри.
В большой медной миске вскипятили воду,
Смыли кровь с трупа Нуралихана.
Сказал [Ашур]: «Увы, жаль молодой жизни!
[Если б] голодный волк встретил его зимою,
И тот пожалел бы красоту юноши.
Подыми ветроногого верблюда,
Положи на него седло,
Отправляйся,— сказал,— в страну Туркистан,
Найди лекаря и тут же возвращайся —
Я готов израсходовать девять караванов с товарами со всего света
Не сын ли это,— сказал,— Авазхана?»
Привезли врача.
Вылечил он, воскресил Нуралихана,
Уплатили ему за это девять караванов верблюдов.
Встал на ноги Нуралихан,
Открыл глаза, не увидел ни Ахмада, ни Юсуфхана.
Распустил два локона по плечам,
Показалось восемнадцать прядей,
Красоту свою раскрыл, подобную ясному месяцу.
Отвезли врача обратно, оставили в Туркистане.
Спросил Ашурхан [у юноши, кто он].
Отвечает Нуралихан:
«Отца моего зовут Аваз, дед мой — султан,
А меня зовут Нуралиханом.
Похитили и привезли меня сюда Ахмад и Юсуфхан
И предатель Саки, прислужник врагов.
Их пленил Рахимкул-пахлаван,
Я срубил голову Рахимкулу-пахлавану,
[И] они спаслись [от верной смерти].
Повесил я голову богатыря на луку седла,
Сказал я: «Отвезу и покажу ее деду».
Впал я потом в глубокий сон,
Больше с того времени ничего не помню...
И вот вас увидал,— сказал, —дорогой старший брат».
«Я купец Ашур из Хорасанской страны,— сказал он.
Я привез врача из Туркистана,
Я отдал ему девять караванов верблюдов с товарами.
Я привел,— сказал,— тебя в чувство.
В тоске по тебе Аваз погибает,
Пойдем в Чамбул, милый сын».
«Потратили вы [на меня] товары и много средств,
Если завтра вы их потребуете, боюсь, я не смогу оплатить.
Вы же не подарите их мне?
И я стану вашим рабом.

Покупателей у меня — словно снежинок в небе,
Привези меня в город царей,
Положи меня в каджову и пристрой ее к верблюду.
Кто покроет мои кудри золотом и серебром,
Продай меня тому.
Про меня узнают только я сам и тот великий падишах, [кто купит меня].
Ты же отправляйся в свою страну, к друзьям своим и врагам…
И спокойно сиди в лавке,
Тайны же моей никому не разглашай».
Уселся Нурали в каджову, пристроили ее на спину верблюду,
Повели верблюдов в широкую безводную степь.
Прошли три города,
Приехали в страну Шаханшаха, великого падишаха.
Карасач заметила Нурали,
Послали покупателя к рабу,
Покрыли кудри Нурали золотом и серебром.
Купила красавица Карасач Нурали.
Отдал ей [его] с молитвой Ашурхан.
Карасач пришла к отцу и поклонилась ему:
«Есть у меня просьба,—сказала,— дорогой отец,
Отдай мне,— сказала,— этого раба!»
Шаханшах заметил:
«Она сердце отдала ему, предательница»,— сказал.
Призвал старших конюших,
Отдал Нурали в услужение старшему конюшему.
Усердно служил «раб»,
Его стали все хвалить:
«Смышленый,— стали говорить,— работящий».
Отправил [Нурали] письмо падишаху:
«Дайте мне денег и много работников-поденщиков,
Я построю замечательную конюшню».

***
Умер старший конюх, и вместо него стал старшим Нуралихан
Дали [много] денег рабу, много набрал онработников[-поденщиков],
Построил он большую конюшню.
Слава о ней разошлась по белу свету.
Гонцы приехали со всех сторон,
Поклонились Шаханшаху:
«Не видели мы еще такого искусного и знающего раба, как твой».
Отправился Нурали на большой базар,
Купил несколько баранов и много сахару и леденцов,
Наварил несколько мясных блюд и других угощений,
Связал несколько узлов одежды,
Послал падишаху письмо:
«Мы приедем к полудню!»
Приказал царь, и поставили троны для вельмож.
Приветствие отдал Нуралихан.
Ночь прошла, и проснулся он к полудню,
Вытянул руки по швам:
«Я такой сон видел,— сказал,— светлейший [царь]:
Отправились богатыри,
Пошли на Чамбули-мастан,
Разрушили Чамбул,
Привели для тебя Ширмо-красавицу».
Улыбнулся великий падишах:
«Искусен ты,— сказал,— и богатырь [к тому же].
Ты пойдешь на Чамбул, я отправлю тебя!»
«Ты только разреши,— сказал Нурали,— дорогой падишах».
Послали глашатаев, созвали старых и малых,
Назначили Нурали старшим над восемнадцатью тысячами воинов.
Все под началом «раба».
Направились походом на Чамбули-мастан.
Задержал [Нурали] своих воинов, а сам ночью пробрался в Чамбул султанский,
Разбил шатер против дворца, приготовил большой лук.
Метатели бросили свои сети в небо,
Копьеносцы вышли на поле боя.
Вооружился «раб»,
Сел верхом на ветроногого коня Рахша,

Приторочил свой боевой барабан и барабанные палочки,
Взял копье и направился на поле боя.
Ближе к рассвету ударил он в свой барабан.
Услыхал Саки и заплакал,
Побежал в трапезную к султану:
«Появилось,— сказал,— несметное войско!»
Послали глашатаев, созвали народ,
Привели всех, от мала до велика.
Снарядились Ахмад и Юсуфхан,
Привели Саки вороного коня султана.
Сел верхом Ахмадхан, ударил в барабан и отправился на бой.
Прибыл Нуралихан, ударил в барабан и отправился на бой.
Мать Нуралихана была в опочивальне.
«В груди у меня тревога,— сказала мать,—
По звуку барабана — это Нуралихан.
О мой мальчик, о мой дорогой сын!»
Посмотрела она в подзорную трубу из опочивальни:
Стан всадника подобен стану Нуралихана.
Отец и мать никнут в горе.
Открыл свою грудь Нуралихан,
Бросил свое копье Ахмадхан.
Увидав Нуралихана, узнал его скакун,
Взбрыкнул, и свалился с него Ахмадхан.
Отдался вороной конь в руки Нуралихана —
Ахмад пленен.
Сел верхом на скакуна Нуралихан.
Направился на поле боя Юсуфхан.
Три дня и три ночи дрался на копьях с «рабом» —
Пленил [и] его Нуралихан,
А с ним семь падишахов Чамбула, от мала до велика
Весь народ туркменский — в зиндане.
Ударил [Нурали] в [свой] барабан и [снова] приготовился к бою.
«Выходи, противник»,— крикнул, издав боевой клич.
Гургули взял матерей, кормилиц Авазхана,
Направился на площадь Чамбула.
Пришли они к Авазхану:
«Сын наш, Чамбул разрушен»,— сказали.
Привели скакуна Гулибодом:
«Садись верхом, мой дорогой сын».
«Никну я в горе по Нурали,
Не осталось у меня ни силы, ни ловкости,
Не пойду я на бой с богатырем,
Если нужна моя голова, то сам сними ее, дорогой отец!»
«Я прочитаю тебе благословение, враг устрашится тебя».
Встал с места Авазхан,
Горько плача, надел на себя доспехи,
Сел верхом на скакуна Авазхан,
Отправился на бой с Нуралиханом.
Гургули и матери, кормилицы Авазхана,
Жена Аваза и его дочери —
Все сидят в покоях,
Руками обхватив голову,
Молятся за [спасение] Авазхана.
Заплакал и скакун,
Жаль ему и Аваза и Нуралихана.
Семь дней и семь ночей оба дрались на копьях,
Оба сражались на поле боя.
Копье Аваза разбилось вдребезги.
Выставил свое копье Нуралихан,
Семь подпруг разорвал и побросал,
Коня на выстойку привязал.
Стали рвать на себе волосы матери, кормилицы Авазхана,
Гулинор и Гургули-султан:
«О дитя,— сказали,— дорогой наш сын!»
Выхватил алмаз[ный кинжал] Нуралихан:
«Прочитай последнюю молитву, Ахмад»,— сказал.
«Сначала дай тебя спросить, есть у меня к тебе вопросы, богатырь!
Зовут меня Авазхан,
Вроде тебя был у меня джигит Нуралиджан...»

Сдернул с себя кашмирскую шаль Нурали,
Показались его локоны.
«Тот — Нурали, это я,— сказал,— дорогой отец!»
Обняли друг друга отец и сын.
Подошли Гургли и матери, кормилицы Авазхана,
Гулинор и Гулоимджан, в порванных траурных одеждах,
Рвут волосы на голове.
Обняли они Аваза и Нуралихана,
Расселись потом в трапезной и покоях.
Гургли просил [Нурали] извинить [Ахмада и Юсуфа]:
«Дорого за меня заплатил и сделал своим слугою Шахиншах Хорасана,
Я обещал ему одну красавицу —
Дай мне дочь Ахмадхана»,— [сказал Нурали].
Привели Каракуз,
Снарядили и поручили старшему военачальнику:
«Зовут меня Нурали, мой отец — Авазхан,
Вместо Ширмо я направляю Каракуз.
Падишаху и Карасач — салом!»
Саки отомкнул расписную комнату и опочивальню,
Воссел Гургли и непорочные красавицы.
Счастливо стал жить Авазхан,
Об этом разнесся дастан по всему [белу] свету.

XIII. СКАЗ О ТОМ, КАК ВЫСТУПИЛ ХАРЧАНГ-ПАДИШАХ ПРОТИВ ЧАМБУЛИ-МАСТАНА.

В Чамбуле хайбарском ранним утром
Восседал Гургли, могучий шах.
Сорок джигитов сидели друг против друга,
Им прислуживали сорок девушек,
Ловкий Саки, Хасанхан, Шадман.
Пришли Ахмад и Юсуфхан,
Пришли Надирхан и Карахан,
Пришла Каракуз, ясный месяц,—
Сели все вокруг султана.
[Тот] приказал Саки,
Разостлали большой дастархан.
Слух о Чамбуле прошел по белу свету,
Враги [же] мечтали:
«Мы,— говорили,— разрушим Чамбул,
Красавиц султана возьмем себе в кравчие».
Вздыхали они о Ширмо,
Об Агаюнус, луноликой,
О вороном коне Гургли-султана.
Был Харчанг — великий падишах,
Слух о нем прошел по всему белу свету.
Был у него сын — великий богатырь Назар,
[И] о нем слух прошел по белу свету.
Львы подчиняются ему, а дэвы убегают от него.
Отправился Назархан в поход на Чамбул.
«Я пойду и разрушу Чамбул, —он сказал,—
Мне поможет Шарифамах-красавица».
Помчался он в широкие безводные степи,
[И] появился в Кашкакуме.
Шарифамах, сестра Назархана,
Сидела в покоях Гургли-султана,
Вглядывалась в широкие безводные степи,
Увидала Назара и обрадовалась.
Заснула Гулинор, дочь Авазхана,
Спустилась Шарифамах к Назархану,
Привела его к дворцовому саду султана,
Запрятался там Назархан.
Прошла Шарифамах в покои.
Нет на ней лица, побледнела,
Поклонилась Гургли:
«Есть у меня просьба к тебе, мой светлейший,
Разреши мне, султан,
Пойти вместе с Гулинор, луноликой,
В царском дворцовом саду мы погуляем и отдохнем».
«Ладно, красавица,— сказал [Гургли],—

Не беспокойся,— сказал,— ясный месяц».
«Врагов у меня,—сказала,— словно снежинок в небе».
Шарифамах пустила вперед себя красавицу,
Пришли они к площади Чамбули-мастана,
К воротам султанского дворцового сада.
Подошла к воротам дочь Авазхана,
Только сказала: «Вах!» — и тут же отпрянула назад,
Краска сбежала с ее лица.
«Что ты увидала, дорогое дитя?» [— спросила Шарифамах].
«Вот,— сказала,— следы коня Назархана».
«Да что ты, Назар воюет с большими дэвами,— сказала [Шарифамах],—
Это следы туркменских скакунов,
Иди себе вперед,— сказала,— девушка-душенька».
Как вошла в ворота Гулинорджан,
[Тут и] показался Назар-пахлаван.
Увидел Назархан Гулинор,
Схватила она Назархана за ворот да за пояс,
А Назар-то сидел верхом на большом коне Рахше,
Пригнула его к земле дочь Авазхана.
«Спаси!» — крикнул он Шарифамах.
Шарифамах подбежала на помощь Назархану,
Взвалила она на коня Гулинор, ясный месяц,
Связала ее шелковой веревкой,
Привязала [к седлу] дочь Авазхана.
Коварная Шарифамах сказала Назархану:
«Как я теперь вернусь,— сказала,— к султану?
Придумай какую-нибудь уловку».
Ударил [Назархан] нагайкой Шарифамах,
Порвал рубашку, изранил кожу, окровавил ее
И быстро угнал коня в безводную степь Назархан.
Коварная Шарифамах подняла крик и плач,
Поклонилась она Гуругли:
«Чтобы он сдох,— сказала,— этот Назархан!
Он избил меня нагайкой,
Чувств я лишилась, дорогой владыка,
Моя рубашка вся в крови.
Я чуть не умерла, осталась без памяти,
А Назархан увез Гулинор».
Поднялся шум в Чамбули-мастане,
Услышала это и Гулоим, жена Авазхана.
Был в Чамбуле Тюрк-богатырь.
Размечтались как-то Гулоим с Авазханом,
Повели они такую беседу:
«Тюрк-богатырь — прекраснолицый юноша,
На поле боя он богатырь,
Пусть будет Гулинор женою богатыря Тюрка».
Гулоим быстро побежала,
Известила богатыря Тюрка:
«Украл твою возлюбленную,— сказала,— Назархан!»
Богатырь Тюрк быстро побежал в конюшню,
Не возложив седла на скакуна,
[Прямо без седла] быстро вскочил на коня верхом,
Только что взнузданным погнал коня.
«Ты еще не слыхал обо мне,— сказал,— Назархан!»
Погнался вслед за Назарханом.
Гулинор заметила его:
«Пришла твоя смерть Назар,— сказала,— помолись в последний раз!»
«Кто такой этот богатырь?»
«Этот богатырь — Тюрк,— сказала,— слава о нем гремит по белу свету».
Выставил свое копье Назархан.
Догадался богатырь Тюрк,
Быстро снял повод с коня.
«Сейчас я схвачу его за шею, этого Назархана,
Стяну его,— сказал,— с большого коня Рахша,
Схвачу его и переверну,
Один удар плеткой — по коню, другой — по Назархану».
Накинул узду на Назархана,
А Назар-пахлаван убрал копье назад.
Лошадь богатыря Тюрка, без узды и [неоседланная],

Рванулась лошадь вперед и натолкнулась на копье Назархана.
Брызнула кровь из тела Тюрка,
Стянул его [Назархан] со скакуна,
Потерял память Тюрк и стал как мертвый.
С крыши сбежал Нуралихан,
Быстро вбежал в покои,
Не увидал на месте богатыря Тюрка,
Не нашел Гулинор, ясного месяца,
Не увидал в конюшне скакуна,
Поклонился Гулоим:
«Куда ушел,— сказал,— богатырь Тюрк, мать?
И Гулинор нет в светлице,
А в конюшне нет скакуна...»
Стала Гулоим плакать:
«Твоя старшая сестра пошла навестить султана,
Шарифамах обвела султана,
Пошла с Гулинорджан погулять в сад,
Но договорилась, видно, [Шарифамах] с Назарханом,
Посадила она на коня луноликую,
А сама пошла сообщить султану,
Я известила богатыря Тюрка,
Ни копья он не взял, ни большого кинжала,
Ни узды он не взял, ни плетки,
Без седла вскочил на коня,
С одним лишь поводком уехал богатырь Тюрк.
Бой с Назарханом,— сказала,— нелегок,
Он ведь сражается с большими дэвами,
Даже идя к дому соседа, берут палку,
Остерегаясь зубов злой собаки,
Как же без оружия ты пойдешь на Назархана?»
«А ты дай мне оружие!»
Плача и стеная, принесла она оружие,
Надела его на Нуралихана.
На грудь надела атласную безрукавку,
Семислойные мраморные латы надела на него,
На стан надела ему панцирь,
Бросила ему аркан и дала кованый меч,
К поясу привязала маленький кинжал,
Золотой шлём надела на голову,
Выпустив на плечи два локона.
Оседлала крылатого коня,
Приторочила боевой барабан и золотые барабанные палочки.
В руки взял [Нурали] лазуритовое копье,
Сел на мраморное седло.
Мать прочитала ему благословение,
В ярости направился он против Назара.
Помчался Нуралихан,
Ударил в барабан, внук султана.
Гулинор заметила его:
«Отпусти меня,— сказала,— Назархан,
Твой убийца пришел,— сказала,— Нуралиджан!
Удирай,— сказала,— в широкие безводные степи,
Только так,— сказала,— спасешь ты свою душу».
«А что он за силач,— спросил,— этот юнец?»
Пригнувшись помчался Назархан.
Разгневался сын Авазхана,
С такой яростью ударил в боевой барабан,
Что земля задрожала,
И небо загремело.

***
У прудов Чамбули-мастана
Прогуливался Авазхан.
Дошел до его слуха звук барабана, Нуралихана,
Взял он подзорную трубу и посмотрел он в далекую степь:
Увидал Гулинор, плененную Назарханом,
Увидал богатыря Нурали.
Повернул богатырь Аваз
И не поехал в Чамбули-мастан,

Погнал [в степь своего] могучего вороного коня.
Раздался топот конских копыт,
Грохот мраморных лат,
Бряцание звеньев щита...

***
Выставил свое копье Назархан,
Отвел его мечом Нуралихан.
Бросил копье Нуралихан.
Нурали погнал коня на поле боя,
[Но] взгляд его упал на Гулинорджан,
[И] промахнулся, бросая копье, богатырь.
[Тогда] выставил свое копье Назар,
Сорвал сына Аваза с седла.
Впал в беспамятство Нуралихан...
Бросив его в большой безводной степи,
Назархан помчался дальше.

***
Издалека показалась пыль,
Земля задрожала, и небо загремело.
Посмотрел в подзорную трубу Авазхан:
Увидал Гулинор, плененную Назарханом,
Не увидел ни Нурали, ни богатыря Тюрка.
Промчался несколько переходов сын султана,
Увидал двух брошенных коней,
Увидал Нурали без памяти,
Увидал богатыря Тюрка без чувств.
Разгневался Авазхан,
Погнался [сам] за Назарханом.
Выставил копье и ударил в боевой барабан сын султана,
Оба схватились на поле боя.
Выставили оба копья,
Оба коня — Рахш и вороной бок о бок
Ринулись в безводную степь.
Показался перекресток больших дорог,
Натянул повод Авазхан,
Гневно ударил плетью,
Перескочил через широкую реку.
Выхватил алмаз[ный кинжал] Авазхан,
Ударил по голове Назархана.
Тело Назархана свалилось в широкую реку,
[А] голова Назара так и осталась у Авазхана.
Перескочил конь [его обратно] через большую реку,
Вернулся сын султана,
Подъехал к Нуралихану.
Дал ему Авазхан животворного зелья,
Сели быстро [оба] верхом.
Пройдя несколько переходов, увидали богатыря Тюрка,
Бесчувственным лежал богатырь.
Дали [и] ему животворного зелья —
Он проснулся, увидал Авазхана.
Посадили его тотчас же верхом,
Поскакали по широкой безводной степи.
Вблизи Чамбули-мастана
Был большой песчаный холм,
[На нем] и разбил шатер Аваз-богатырь.
Посадил [туда] Нуралихана,
Посадил Гулинор, ясный месяц,
Посадил богатыря Тюрка.
«Поухаживай за ними,— сказал Аваз,— милая дочь.
[Если] мы их привезем ранеными в Чамбули-султан,
Нас,— сказал,— изругает Ахмадхан»,
Аваз приказал, и стала ухаживать за ними красавица.
[Сам же] Аваз сел верхом на скакуна,
Отправился к прудам Чамбула.
Охотился там сын султана,
[А] дичь приносил Гулинорджан,
Народ [же] Чамбула ничего не замечал.

***
Продолжим рассказ о Назархане.
Погрузилось тело его в реку,
А голова Назара плывет отдельно по большой реке.
А река эта текла к городу Харчаяга,
У [самой] трубы [,что давала воду городу,] затонула голова Назара.
Была темная ночь, ужасная ночь,
Водой залило город Назархана,
Несколько домов в городе было разрушено,
Поднялся повсюду плач и стоны.
Узнали об этом старшие мирабы*,
Слетелись все, от мала до велика,
Из трубы извлекли голову Назархана.
«Видимо, это очень,— сказали,— большой пень...»
Утром пришли двое привратников:
«[Вот что] вытащили мы из трубы, вот этот большой пень...»
Показал он «пень» своему товарищу.
Разглядел тот уши Назара,
Увидел голову Назара-пахлавана, побежал привратник.
Дали знать в великую крепость.
Воздали привратники приветствие Харчангу:
«Куда уехал,— спросили они,— Назархан?»
«Напал он на Чамбули-султан»,— отвечал Харчанг.
«Разрушит,— сказал [Назар],— Чамбул,
Он сказал, что пленит Авазхана».
«В большой трубе застряла,— сказали,— голова Назархана».
Харчанг кинулся, увидел голову богатыря Назара:
«Это ты натворил, Авазхан!»
Быстро стал собираться в поход [Харчанг],
Послал глашатаев на большую улицу.
Начиная с семидесятилетнего старца и кончая
четырнадцатилетним юношей,
Пришли все, от мала до велика.
Писари занесли всех в списки,
Показали Харчангу-падишаху.
Всего получилось восемнадцать тысяч войска.

***
Надел [Харчанг] боевые доспехи,
Взял метательную сеть и отправился.
Пошел походом Харчанг на Чамбули-мастан.
Гнал коней и ночью, гнал и днем,
[И вот] приблизился [к Чамбули-мастану] Харчанг, великий падишах,
Увидел следы коня Авазхана.
Далеко в стороне от дороги в Чамбул:
«Значит, на охоте был сын султана».
Увидал [Харчанг] холм, увидал боевой шатер,
Увидал у стоек трех привязанных коней:
«Нашли мы,— сказал,— сына султана».
Приказал великий падишах,
Выкопали семь рвов вокруг шатра Нуралихана.
Ударил в барабан Харчанг-падишах.
Гулинор увидала из шатра:
Белая земля стала черной,
Увидала она Харчанга-падишаха,
Увидала брошенные кверху сети,
Увидала на поле палиценосцев,
Увидала богатырей-копьеносцев,
Увидала боевого слона,
[Но] не разбудила Нуралихана:
«Проснись,— сказала,— Тюрк-богатырь!»
Тюрк быстро проснулся,
Увидал врага на поле боя:
«Разбуди,— сказал он,— и Нуралихана,
Возьми и сама оружие, иди на поле боя».
Разбудила она Нуралихана,
Попросила его Гулинорджан:
«Дай-ка оружие богатырю Тюрку».

Дал доспехи Нуралихан,
Надел на себя богатырь Тюрк,
Взял копье и большой кинжал,
Сел верхом на скакуна, отправился на поле боя.
Ударил в барабан богатырь Тюрк.
Услыхал Аваз, сын султана,
Быстро посмотрел в подзорную трубу,
Увидал Харчанга, великого падишаха,
Увидал несметное войско.
Сел верхом на скакуна.
Ударил в барабан Авазхан.
«Не бойся,— сказал,— богатырь Тюрк!»
Поднялся шум битвы.
Некоторое время длилась битва на поле боя.
Приблизился Авазхан,
Ударил в барабан сын султана,
Услыхал Харчанг, великий падишах.
Тюрк был на холме около Нуралихана.
Внизу у подножия холма — Харчанг,
Направился он в широкую безводную степь.
Аваз прибыл и повел бой.
Опять сел верхом богатырь Тюрк
Без седла на коня,
Не взял он ни кинжала, ни лука,
Отправился вслед за Харчангом-падишахом,
Несколько переходов прошел он по безводной степи.
Посмотрел на поле боя Нуралихан,
Не увидел на поле боя богатыря Тюрка,
Пошел по следам его коня Рахша...
Обернулся Харчанг,
Заметил богатыря Тюрка,
Сзади его увидал Нуралишаха.
Расскажем о Хасанхане.
Он проживал в Балханах,
У него было семьдесят вертящихся мельниц.
Хасан-пахлаван прочищал свой чилим*,
Высыпал он табак из кисета,
Сказал: «Мало осталось табаку,
Отправлюсь-ка я к Авазхану,
Покурим как следует чилим,
Навестим-ка милого Авазхана».
Он быстро снарядился в путь.
Надел на себя шубу,
Большую шапку надел на голову,
Запряг своего дэвхара *,
Бросил на него сорок подседельников,
К груди привязал чинару.
Сел на своего осла-дэва,
Отправился к Чамбулу хайбарскому,
Проехал площадь Чамбула,
По правой улице, по левой проехал Хасанхан,
Крикнул он, прибежали два привратника.
Услыхала Гулоим, жена Авазхана,
Привратники увидели Хасанхана,
Отворили большие ворота,
Гулоим пришла, горько плача,
Поклонилась Хасану:
«Что ты плачешь, мамаша?» — [спросил Хасанхан].
«Назархан умыкнул Гулинор,
За ним следом пошел Нуралиджан,
Авазхан на охоте,
Ничего не ведает он, сын султана».
Разгневался Хасанхан,
Натянул повод осла-дэза,
Выехал с площади Чамбула,
Увидал следы коня богатыря Тюрка,
Увидал следы скакуна Нуралихана,
Направился по их следам.
Аваз объехал большой холм,

Увидал следы осла-дэва Хасанхана,
Увидал следы коня Нурали и коня богатыря Тюрка,
Увидал следы коня Рахша Харчанга-пахлавана,
Отправился за ними по следам,
[Первым] настиг Харчанга богатырь Тюрк.
Выхватил меч коварный Харчанг,
Метнул вверх сеть,
Поймал в сеть богатыря Тюрка,
Приторочил его к седлу коня Рахша.
Настиг [Харчанга] Нуралихан.
Увидал Харчанг-пахлаван Нуралихана:
«Прочь,— сказал,— мальчишка,
Ты не дорос до поля боя».
«Дурак ты,— ответил Нуралихан,—
Слыхал ли ты о моей [мировой] славе?
Отца моего зовут Аваз, дед мой — султан,
Моя родина — Чамбули-мастан».
Выставил копье Нуралихан.
Метнул вверх сеть Харчанг-пахлаван,
Поймал в сеть сына Авазхана,
Приторочил и его к седлу своего коня Рахша
И погнал в степь обоих скакунов.
Обрадовался и сказал Харчанг-пахлаван:
«Где же ты сейчас, Авазхан?
Ты убил одного Назара, а я пленил двух юношей!»

***
Подъехал поближе Хасанхан,
Увидал коней Нурали и богатыря Тюрка,
Поскакал в широкую безводную степь.
Пыль стелется по широкой степи —
Аваз скачет за Хасанханом.
Обернулся Харчанг, великий падишах,
Увидал он осла-дэва Хасанхана,
Пригнул голову и направил коня на него.
Хасанхан же, не чуя беды, наклонился,
Богатырь султанова Чамбула,
Схватил за ногу большого коня Рахша.
Быстро взметнул свою сеть Харчанг,
Но не причинила вреда сеть Хасанхану,
Растерялся Харчанг,
Стал побеждать Хасанхан.
Дернул за ногу коня Рахша,
Конь начал взбрыкивать то передом, то задом на поле боя,
Спешился Харчанг-пахлаван.
Бросил и Хасанхан своего осла-дэва и подбежал [к нему],
Стали биться они друг с другом.
Схватили друг друга за пояса и за ворот,
Тем временем показался Авазхан.
Увидал Хасана на поле боя
Рядом с Харчангом, великим падишахом.
Не пошел он на помощь Хасанхану.
«Пусть проявит,— сказал,— Хасанхан свою силу».
Кровь полилась из носа у обоих,
Земля под ногами стала черной.
Несколько дней и ночей бились они.
Приподнял Хасан Харчанга и бросил вниз головой,
Ногою наступил ему на грудь Хасанхан,
Срубил голову Харчанга Хасанхан,
Повесил ее за уши на луку седла.
«Отвезу и покажу ее отцу»,— сказал.
Повернув [обратно], подъехал [Хасан] к Авазхану,
Порасспросили они друг друга
И повернули обратно в широкую безводную степь.
Взяли обоих скакунов,
Посадили верхом богатыря Тюрка,
А также Нурали, сына Авазхана,
Поехали дорогой, ведущей в Чамбул.

***
Гулинор, дочь Авазхана, взяла подзорную трубу,
Увидала живым и здоровым Авазхана,
Увидала Тюрка и Нуралихана,
А также Хасана-пахлавана.
Приветствовала она своего отца,
Привязала осла-дэва и скакунов.
Стали отдыхать они на большом холме,
Стала прислуживать Гулинорджан богатырям как кравчий.

***
Шарифамах из опочивальни
Посмотрела в подзорную трубу на большой холм:
Увидала Аваза и Хасанхана.
Заметила она отрубленную голову своего отца –
Краска сбежала с ее лица, побледнела она:
«Это твоя работа, Авазхан!
Имя мое – Шарифамах – известно всему миру,
Мое тело белее снега,
Пока я не разрушу Чамбул
И не пушу кровь из тебя,
Не мила мне будет моя жизнь!»
Свернули свои шатры боевые
И вернулись Хасанхан с Авазханом
К прудам Чамбули-мастана.
Проехали площадь Чамбула, большого города,
Туркменские девушки все бегом бегут,
Приветствуют Аваза,
Сына Гургули-султана,
Красующегося на своем скакуне.
Прибыли ко дворцу султана.
Быстро прибежал Саки,
Матушки-кормилицы пришли из покоев.
Аваз поклонился Гургули
И Хасанбеку-пахлавану,
Тюрку-богатырю и Нуралихану.
Гургули отдал приказ:
«Пошевелись, сын мой Сакиджан!»
Ширмо разостлала большой дастархан,
Кравчими прислуживали им четыре юноши.
Прочитали молитву все, от мала до велика.
Повели беседу меж собой сорок туркменских шахов.
Шарифамах [тем временем] сидела в одной из комнат покоев,
Поставив перед собой зеркало,
Видела все, что вокруг делается:
Пришел Аваз-богатырь,
Дал приказ Хасанхану,
Принесли отрубленную голову Харчанга в покои.
Аваз подошел к султану:
«Будь осторожен, дорогой отец,
Сердце Шарифамах не расположено к нам,
У нее, отец, злые замыслы,
Как бы не украла [она] скакуна,– сказал,
Как бы не увела его,– сказал,– в широкую безводную степь,
Без скакуна ведь Чамбул будет погублен».

СКАЗ О ШАРИФАМАХ И О ПОХИЩЕНИИ КОНЯ ГУРУГЛИ-СУЛТАНА

Расскажем про Шарифамах...
Взглянула она на свои боевые латы,
Посмотрела еще раз на своего отца Харчанга-падишаха,
Сердце ее испепелилось, душа помрачнела,
[Черные] слезы полились [ручьем] по лицу ее:
«Накажет,– сказала,– тебя бог, Аваз!»
Стали опять равнодушными глаза Шарифамах,
Когда послал за ней падишах [Гургули],
Изобразила безразличие [на своем лице] Шарифамах,
Взбежала к трону,
Стала заигрывать с могучим шахом,

Прислуживала ему как кравчий [вместе] с восемьюдесятью девушками.
«Сын мой,— сказала Шарифамах,— ловкий Саки»,
Этому поверил могучий шах.
Привел Саки восемьдесят девушек,
Украсил престолы искусный Саки.
Сели все девушки друг против друга,
Сбросили с голов свои покрывала,
И [каждая] девушка показала свою красоту —
Все засветилось в трапезной,
Враги [от досады] поникли.
Осмотрелся Гургули,
Увидал вокруг себя восемьдесят девушек.
Вскочила тут быстро Шарифамах,
Прошла через крепость и покои
В конюшню к скакуну.
Приветствовала вороного,
Поцеловала четыре копыта бессловесного животного:
«Я буду твоим конюхом, животное,— сказала,
Ты — подарок Гургули из породы коней Райханараба,
Ты привязался любовью к Авазхану,
А он вражий сын!
Попрошайка в Чамбуле, простой пастух,
Развратник он,— сказала,— этот сын султана.
Есть у меня просьба к тебе, животное,
Окажи мне помощь, вороной конь султана.
Пока я буду жива на этом свете,
Я буду твоим конюхом, скакун султана».
Внял ее просьбам вороной конь султана,
Оседлала она животное
И составила послание Шарифамах-красавица:
«Какие бы ни были царства на белом свете,
Я опозорю тебя перед ними и поведу их на тебя, султан!
Я разрушу твой Чамбул!
Ты показал мне отрубленную голову отца,
Так берегись, Авазхан!»
Она положила послание для Саки
И села верхом красавица,
Торговые ряды Чамбули-мастана проехала,
Дворцовым садом и обсаженной деревьями улицей,
Миновала пруды Чамбула,
Проехала Зарчаман и холмы,
Отправилась в пески Кашкакум красавица, ясный месяц.
Большой перекресток там был на перепутье,
Там она остановила скакуна,
А потом направилась в сторону Зангубара,
К великому падишаху направила скакуна султана.
Наступила ночь, прошло время ночной молитвы,
[Опять] показалось солнце.
Проснулся Саки полуживым:
Не увидал в конюшне скакуна,
Увидел послание, быстро схватил его,
Прочел и понял: «От Шарифамах султану».
Отправился Саки, горько плача.
Пришел к султану, поклонился Гургули:
«Что ты плачешь,— сказал,— дорогой сын?»
«Шарифамах нет в светлице,
В конюшне нет скакуна...
Вот послание Шарифамах».
Прочитал Саки послание и разъяснил.
Разрыдался шах-султан:
«Бездетен я»,— сказал и опечалился.
Пришли сорок туркменских шахов, все от мала до велика,
Пришел Ахмад и Юсуфхан,
Каххар пришел и Заххархан,
Надирхан пришел и Карахан,—
Сели [все] вокруг султана.
Поднялся шум в Чамбуле хайбарском,
Пришли воины и все дружинники,
Пришли военачальники мужественные,

Конюшие впереди, и богатыри по сторонам,—
Огромное воинство собралось один к одному.
Издал приказ могучий шах,
Разлетелись во все стороны восемьдесят пери,
Расстелил большой дастархан Саки,
Прислуживали военачальникам кравчими несколько девушек.
Рассказал тут Гуруглишах:
«Шарифамах украла ветроногого коня.
Скажи, что нам делать, Ахмадхан?
Ты главный военачальник войска и малых и великих,
[Ведь] Чамбул[-то] будет разрушен?»
И головы не поднял Ахмадхан...
Всех людей объял ужас.
Агаюнус и Ширмо-красавица
С восемьюдесятью пери из покоев
Отправились все, от мала до велика,
К Гуруглишаху-султану:
«Не печалься,— сказали,—
Пошли Саки, пусть приведет Авазхана,
[Он ведь] благоденствие Чамбули-мастана,
Это все забота Авазхана,
Пусть предводительствует этот мужественный воин».
Гуруглишах-султан отдал приказ Саки.
Саки отправился на улицу, обсаженную деревьями,
Дошел до ворот [покоев] Авазхана,
Крикнул, и прибежали два привратника:
«Откройте,— сказал,— ворота!»
«Ты кто такой, милый дедушка?»
«Меня зовут Саки, мой отец султан».
«А ты не обманываешь нас?
Ведь врагов у нас словно снежинок в небе,
Ты не волшебник, не чародей,—сказали,—
Не колдун ли ты злостный?
Ты не богатырь ли, не пахлаван,— сказали,—
Ты не собираешься ли походом на Чамбули-мастан, - сказали -
Ты видел своими глазами державу султана? — сказали,—
Так докажи нам, [что ты не враг».]
В доказательство он показал им послание султана.
Один привратник остался, а другой побежал в покои.
Воздал приветствие Гулинор:
«Прибыл дедушка, певец Саки,
Разрешить ему войти, госпожа?» — спросил.
«Отца моего зовут Аваз, мой дед султан.
Друг ли он, враг ли,
Все равно пойди и отвори ворота!»
Привратник быстро-быстро побежал,
Раскрыл большие ворота,
Вошел Саки, сын султана.
От грозного вида Аваза
Краска сбежала с лица Саки,
Стал он желтым, как шафран.
Восседает на троне сын султана,
С ним Гулоим, ясный месяц,
А провожает Саки к трону Гулинорджан.
Прижал Саки руки к груди,
Потекли ручьем слезы из глаз Саки,
Воздал он приветствие Авазу.
Пододвинула сиденье Гулинорджан,
Уселся Саки, милый дедушка,
Рассказал все Авазхану:
«Чего ж ты трусишь,— сказал,— Сакиджан?
Расскажи мне,— сказал,— про моего отца-султана».
«Все,— сказал Саки,— живы и веселы,
Кормилицы-матушки, восемьдесят красавиц
Восседают вокруг султана,
И все, от мала до велика.
Агаюнус и Ширмо-красавица,
Восемьдесят красавиц и наш отец, султан,—
Все скучают по Авазу».

Авазхан сказал Гулинор:
«Принеси-ка мое оружие».
Гулинор быстро побежала,
Принесла оружие Авазхану.
Надел на себя оружие Аваз,
Натянул сапоги-вездеходы,
Подковки их из золота, а гвозди — жемчуга,
Выпустил из-под шлема на плечи два локона,
Пошли Аваз и ловкий Саки,
Отправились в Чамбул хайбарский.
Увидали их туркменские девушки,
Все прижали руки к груди,
Воздают приветствие могучему льву:
«Добро пожаловать, златокудрый,
Сын Гуругли, могучего шаха!
Ты — благоденствие Чамбула хайбарского.
И сердце ты у нас похитил и душу».
Показался Аваз в воротах,
Увидал вокруг Гуругли много людей,
Увидал сидящих военачальников и воинов.
Принесли тетради семь писарей.
Прочитал Аваз тетради и сам увидел
Сидящим несметное войско.
Но головы у всех опущены к самым ногам,
На всех лица нет, все полуживые.
Горько плачет Гуруглишах:
«Ни вороного коня нет у меня,— сказал,— ни Шарифамах.
Крах, конец пришел моей державе, О красавец Аваз!»
«Не беспокойся так, отец, — сказал,—
Но разве я тебе не говорил, чтобы ты был осторожен?
Не смирилась перед тобою Шарифамах,
Позорит она тебя по белу свету,
Царства поведет она на нас,
С нами будет воевать она, отец».
Пока шел разговор,
Послали Саки в покои:
«Взгляни в подзорную трубу, Саки, на широкую безводную степь
Если заметишь в степи пыль,
Быстро сообщи [нам]».

***
Расскажем теперь про Шарифамах и скакуна.
Она превратилась в красивого юношу-каландара,
Отправилась на улицу города Зангубара, великого падишаха.
Открыл ворота привратник,
И стал милостыню просить [каландар] у каждой двери и лавки.
Жены Зангубара заметили ее
И сообщили Зангубару:
«Это не каландар,— сказали,— это искусный певец».
Зангубар приказал и отправились соглядатаи,
Увидали ясный месяц:
«Раскрой нам свою тайну, каландар!»
Погнали ее перед собой соглядатаи.
[Каландар] воздал приветствие Зангубару.
Рассказала про себя Шарифамах:
«Мой отец Харчанг — великий падишах,
Мой старший брат — Назар-пахлаван.
Бродяга-юнец — Авазхан срубил голову Назархана.
Отец мой направил [тогда на Чамбул] несметное войско,
Затеял битву и начал ее,
Был разбит он и попал в руки султана.
Голова моего отца на воротах у султана.
Я пришла к тебе, дорогой падишах,—
Спаси мою честь,
Я буду тебе служить кравчей, великий падишах».
Повернулся и посмотрел Зангубар-падишах,
Увидал ее красу, подобную полной луне:
«Ради такой красоты я готов служить»,— сказал.
Призвал всех, от мала до велика,

Послал глашатаев и быстро известили всех,
Возгласил: «Все, от мала до велика,
Пускай наденут на себя доспехи,
Пойдем походом на Чамбул хайбарский!»
Поднялся шум в городе,
Войско было оповещено,
Отряд за отрядом пришли воины.
Писари переписали всех:
Восемнадцать тысяч — море войска!
Семь тысяч колдунов и волшебников,
Несколько тысяч метателей сетей.
Восемнадцать ворот засыпали землей.
Пошли в поход и стар и млад
Против Чамбула султанского.
Прошли степи и пустыни,
Ни ночью, ни днем не останавливаясь,
Показались у стен Чамбула.

***

Посмотрел в подзорную трубу сын султана,
Увидел в большой безводной степи пыль:
Показалось в степи войско,
Направлялось оно к прудам Чамбули-мастана.
Саки прибежал к султану.
Воздал приветствие Гургули:
«Враг появился, дорогой отец,
У прудов Чамбули-мастана,
Его сети взметены в небо.
Стрелки держат в руках луки.
Палиценосцы с палицами,
Борцы с арканами на поясе,
На поле боя — копьеносцы,
Поставили шатры один около другого,
Семью рвами окружили Чамбул хайбарский».
Посмотрел Гургули:
Белая земля стала черной от войска.
Известил златокудрого.
Выпрямился во весь рост могучий лев [Аваз].

***

Наступил полдень. Копьеносцы вышли на поле боя,
Ударили в барабаны, и звук их поднялся к поднебесью.
Потребовали Аваза, сына султана:
«Пусть идет,— сказали,— на поле боя».
Аваз отдал приказ: «Принесите мне оружие!»
Принесли оружие из оружейной палаты
Матушки-кормилицы златокудрого.
Надел на себя [Аваз] панцирь и кольчугу мраморную,
Надел латы,
К поясу привязал кинжал и нож.
Шлем золотой надел на голову,
Выпустил из-под шлема на плечи два локона.
Привели Гулябодом, могучего коня,
Оседал его ловкий Саки,
И подвели его к Авазхану:
«О отец,-— сказал [Аваз],— о могучий шах,
Я не страшусь врага!»
Сел верхом на животное,
Сказал: «Чу!» — и вступил в бой.
Богатыри, увидев Авазхана,
Весело рассмеялись:
«Недостоин похвал-то, оказывается, этот сын султана,
Мал годами, оказывается он, совсем юнец!»
Аваз направился на поле боя,
Ударил в боевой барабан сын султана,
Ринулся в бой, и пыль взметнулась к небу.
Натянул удила и привстал в стременах Авазхан,
Крикнул: «Кто тут богатыри?
Зовут меня Аваз, отец мой султан.

Вот,— сказал,— поле боя и вот — битва!»
Прибыли на поле боя копьеносцы,
Взяли копья и двинулись на битву,
Устремились на Авазхана.
Латы были на сыне султана,
Острое копье отскочило, перевернулось и упало.
Ударил алмаз [ным кинжалом] сын султана —
Копья [врага] разбились вдребезги.
Ударил он в барабан к бою —
Земля задрожала, и небо загремело!
Обернулся назад Авазхан,
Прочитал молитву: «Велик Аллах!» —
Отпустил удила коня,
Положил копье на уши животному,
Ударил своим копьем —
Семь слоев булатных лат разбил вдребезги,
Вышиб [врага] из седла.
Пришли Хасан и Шадман,
Повели [врага] в темницу султана.
Вступил в бой Хасанхан,
А Шадман устроил засаду,
Взял отравленную стрелу,
Выпустил ее из лука.
Пришли Ахмад и Юсуфхан и сорок шахов туркменских,
Войско султана.
Пришел Нурали-богатыръ,
Пришел Мирали, сын Авазхана,
Яростно выступил вперед богатырь Тюрк
С бесчисленными войсками султана.
Поднялся шум битвы над Чамбулом...
Воодушевилась и дочь Авазхана,
Поклонилась Гургули:
«Разреши мне, дедушка милый,
Дай мне оружие из палаты,
Я отправлюсь на поле боя,
Я покажу свою силу врагу,
Слух обо мне пройдет по белу свету».
Разрешил ей шах-султан.
Принесли оружие из палаты —
Обрадовалась, повеселела красавица.
Шалями обвязала голову,
На поясе затянула ремни,
Надела оружие, мраморную кольчугу, „
Кундузскую шапку надела на голову.
Села верхом ясный месяц.
Прочитал ей благословение могучий шах.
Все сказали: «Аминь, велик Аллах».
Пошла Гулинорджан,
Ударила в барабан к бою,
На сорок шахов напал Нуралихан,
Он заметил Гулинор,
Яростно стегнул плеткой,
Метнул тотчас же свое копье.
Тут показался Хасанхан.
Разогнал он сорок шахов, всех от мала до велика,
Спасся Нуралихан.
Кони [врага] пустились вспять,
Зангубар растерялся:
«Из-за одного слова красавицы [,— сказал,—]
Стал я смертельным врагом и султана,— сказал,—
И Аваза-богатыря, и Хасана-пахлавана».

***

Шарифамах села верхом на коня
И удрала в широкую безводную степь.
«Чтоб тебя господь забрал, Зангубар-чудовище! —сказала,-
Имя у тебя славное, а страна негодная.
Пойду-ка я в страну Гурджинхана —
Не разрушит ли он Чамбул?»

Отправилась Шарифамах-красавица
В страну Гурджинхана,
Показала свою красоту ясный месяц,
Погнала галопом вороного коня султана
В большие садовые улицы.
Караульщики заметили ее.
Бегом побежали привратники,
Донесли немедленно падишаху:
«Пришла красавица, ясный месяц,
Ее красота словно полная луна.
Верхом она на скакуне, удила коня натянуты,
Позвякивание удил доносится до неба».
Быстро открыли ворота,
Пришла она гостем к Гурджинхану.
Люди Гурджинхана бегом сбежались
К своему великому падишаху,
Показали ему ее послание:
«Если примешь мои условия, буду твоим гостем,.
Отвечай же на мое письмо».
Ответил Гурджинхан:
«Я берусь погубить Чамбул!»
Принесли и показали ей ответ,
Сошла тогда она со скакуна,
Вошла и поклонилась.
Сели друг против друга [красавица и падишах],
Расстелили дастархан,
Но не стала есть девушка:
«Прикажи, чтобы сначала войско привели».
Вызвал писаря Гурджинхан.
Быстро составили послание, [чтобы отправить]
в Чамбули-мастан.
Колдунам [своим] сказал Гурджинхан:
«Кто из вас ловкий искусник,
Кто отправится с посланием к Гургули-султану?»
Один сказал: «Беру это на себя, светлейший».
Взял за пазуху послание и совершил колдовство лукавый,
Превратился в голубя, стал кружить над головой,
Направился к Чамбулу хайбарскому.
Кружился день и еще одну ночь до утренней молитвы.
Он достиг Чамбула хайбарского, бросил послание,
И вернулся обратно, этот колдун.
День пролетел, еще ночь,
К полудню прилетел домой.

***

Брат Ахмада, Камалхан,
Нашел послание, быстро схватил его,
Отправился к Ахмадхану, показал его Ахмаду:
«Я нашел послание,— сказал,— мой милый старший брат».
Писарь Ахмада, прочитав, объяснил:
«Зовут меня Гурджинханом,
Шарифамах ясный месяц,
Привела ко мне скакуна,
Выдай мне Аваза, плешивый султан,
[Тогда] твой народ пребудет в мире.
А коль не выдашь мне Авазхана,—
Сам выходи на поле боя!
Огромное войско соберу я,
Разрушу твой Чамбул,
Голову тебе сниму, султан!»
Ахмад взял и отправился
К Гургули-султану.
Аваз там сидел, и Хасанхан, и сын стрелка — Шалман.
Ахмад показал послание Гургули.
Саки прочитал и объяснил.
И не побледнел Аваз, а отдал приказ Саки,
Чтобы быстро подготовил ответное послание.
Ширмо взяла его и отправилась,
Бросила письмо перед Гурджинханом.

Прочитал послание Гурджинхан:
«Зовут меня — Авазхан,
Мой могучий отец — султан.
Нашего народа чамбульского— несметное количество,
Приходи к Чамбулу, Гурджинхан,
Если ты силен, выходи на поле боя!»

***
Быстро послал глашатаев Гурджинхан,
Собрал войско — всех от мала до велика,
Всех, кто моложе семидесяти лет:
«Мы,— сказал,— разрушим Чамбул!»

***
Аваз пришел к султану,
И Атаюнус пришла, и Ширмо-красавица, пришел Нуралихан,
Поклонились все Гуругли.
«Великая сила у Гурджйнхана,— сказал Аваз,—
Он может разрушить Чамбул.
Мой отец у великого падишаха служит мясником,
Напиши, дорогой Саки,—сказал [Аваз],—
Привет отцу от меня. Пиши:
«Когда я был малым и неразумным,
Ты мучил меня, дорогой отец,
Была у тебя кобылица Кулло из породы коней Райхан[араба]
 Ты обещал мне ее подарить.
[Сейчас] пошел на нас походом Гурджинхан,
Он может погубить Чамбул.
Скакуна украла колдунья Шарифамах,
Дочь Харчанга-падишаха,
И вот пешими остались мы, дорогой отец.
Я отправляю к тебе Нурали,
Пришли [мне коня] Кулло из породы коней Райхан [араба]
Отдал Авазхан послание Нурали,
И Нурали отправился в путь.

***
На земле Гуругли, могучего шаха,
У стен Чамбула собралось множество войск.
Поднялся шум боя над Чамбулом.
В засаде засел Шадман, а также Хасан-пахлаван,
На жеребце сидел верхом Авазхан —
Невелика была сила животного,
Сдох конь под Авазханом,
Остался пешим сын султана.
Беда нависла над Чамбули-мастаном...
Вся; надежда на Нуралихана.
Вернулся из путешествия Нуралихан,
Достиг он прудов Чамбули-мастана,
Быстро взял подзорную трубу.
Среди вражеских войск увидал Авазхана,
Враги на конях, а Аваз — пеший.
Ударил [Нурали] в барабан,
Принесся сквозь ряды воинов,
Отпустил узду [коня] златокудрый,
Сел верхом могучий лев.
Нурали подошел к золотому шатру,
Потом вернулся и напал на вражеское войско.
Шарифамах взглянула,
Увидала она златоволосого [человека] и ветроногого коня:
«Бог нас наказал, я опозорена,
Попаду я в плен к красавцу Авазу...»
Атаковал Аваз врагов.
Земля задрожала, небо загремело.
Потерпел поражение Гурджинхан-падишах,
Обратился вспять и удрал,
Отряды его рассеялись по безводным степям,
Многие сдались Гуруглишаху,
Да так и остались там жить —

В Чамбуле Гуруглишаха.
Попала в руки [Аваза] колдунья Шарифамах.
На своего вороного коня [опять сел прекрасный Аваз].
Запели веселые песни,
Стали их встречать все, от мала до велика.
Все воздают приветы Авазу,
Нурали и Миралихану, Гулинор, ясному месяцу,
Сорока шахам Чамбули-мастана,
Разостлали дастархан,
На трон свой воссел шах-султан.
Благодаря силе Авазхана
Народ Чаомбула пребывает в мире и спокойствии.

XV. О ТОМ, КАК АВАЗ-БОГАТЫРЬ ОТПРАВИЛСЯ НА БОЙ С ЗАНГУБАР-ПАХЛАВАНОМ

Было утро, время завтрака.
Пир устроил эмир-султан,
Помолились [за него] малые и большие.
Аваз прижал руки к груди:
«Привет тебе,— сказал он,— о эмир-султан!
Я надеюсь, дорогой отец,
[Что ты] благословишь своего сына:
Хочу идти на поединок в Чулистан,
В страну Зангубара-чудовища».
Эмир сказал: «О сын,
Очень уж могуч этот безродный!
Его имя известно всему свету».
Аваз сказал: «О покровитель мой,
Ты знаешь, что и я могуч на белом свете.
Если бы не был он силен, то я и вовсе не пошел бы.
Если же Зангубаршах окажется сильнее [меня],
То придется покориться ему, о покровитель мой,
Каких только сражений не было у нас в степи!
Этот мир, отец, не постоянен.
На белом свете человеку неразумному,
Человеку неискусному, о покровитель мой,
Зачем такому человеку жить на этом свете...»
Сколько эмир ни умолял его,
Не послушал Аваз слов авлиё.
Эмир сказал: «О богатырь,
Я благословлю тебя, Авазхан.
Но, не обдумав все, не переступай границ проклятого.
Сначала узнай хитрости этого безродного
И хитростью же проникни в его страну.
Поговори с народом его, о воин:
Дружны они или враждуют друг с другом.
Если недружен народ того падишаха,
Знай, что ты победишь его, воин.
Если же народ дружен,
Если по-братски относится к падишаху,
Если есть согласие между людьми,—
Возвращайся [тогда] из этой страны,
Знай, что тогда живым никогда не вырвешься,
Невредимым ты
Из сражения с ними не уйдешь».
С утра есаулам приказал он:
«Сын мой отправляется в далекий поход,
Есаулы, снарядите гнедого коня,
Принесите боевое снаряжение для воина!»
Баглан бегом побежал,
Принес снаряжение Авазхана.
Встал со своего места могучий лев,
Надел на голову золотой шлем,
Вдел ноги в стремена, выпрямился в седле,
Выехал из ворот авлиё.
Через два месяца Аваз-пахлаван
Достиг страны Зангубара-чудовища.
В ней четыреста городов с базарами,
Много живет в ней народу,
Много коронованных правителей,

Много всадников-богатырей,
Много отчаянно смелых лучников,
Несметное количество палиценосцев.
Аваз посмотрел на город,
Семнадцать караванов верблюдов увидел в степи,
Пасутся они.
Аваз [принял вид] лихого бакалейщика,
Сказал: «Разузнаю-ка я все у купцов.
Узнаю, какая ожидает меня судьба».
Снял он мраморные латы,
Снял с головы золотой шлем,
Свернул латы и щит,
Уложил их могучий лев в хурджин,
Нарядился купеческим сыном с золоченым поясом
И на крылатом Зайналкире
Могучий лев подъехал к купцам.
Приветствовал их могучий купеческий сын,
Шестьдесят купцов поднялись навстречу,
На поводу у них шестьдесят взнузданных коней,
В степи пасутся верблюды,
Купцы богатые там,
Ковры расписные расстелены в степи.
Они посадили гостя рядом,
Приготовили плов,
Есаулы принесли кебаб,
Перед гостем разостлали дастарханы,
Принесли затем подносы.
Прошло время полуденной молитвы.
Купцы поднесли плов,
Поставили сладкие яства.
После еды они помолились.
Поставили в ряд чайники чая,
Разговорились знаменитые купцы
И воскликнули: «О гость,
Добро пожаловать к нам в Чулистан!»
«Что вы скажете, о купцы?
Где ваша родина?»
«Родина наша далеко, юноша,
Мы прибыли из страны Арабистан.
Все мы едем торговать,
Направляемся в страну Зангубара, о гость».
Ввязался тогда в разговор Аваз-воин:
«Я очень богат был, друзья,
Имя мое-—Бахадурхан.
Мое богатство унес Аваз-богатырь,
И остался у меня один лишь хурджин,
О моей еде заботится бог.
Ни гроша у меня нет, ей-богу,
Чтобы остановиться в чайхане.
Здесь я поел вашей пищи, и стыдно мне,
Ведь я тоже был богат, подобно вам,
И намеревался ехать в Хиндустан.
Вот я оказался среди вас,
Очень, люди Зеравшана,
Мне по душе ваши речи».
Понравились его слова купцам.
Старшим у тех купцов был Холмахмад—богатый купец.
Очень приглянулся ему этот юноша.
Он воскликнул: «Гость,
Я дам тебе пять караванов верблюдов, дорогой друг.
Усыновлю тебя, о Бахадурхан».
Аваз прижал руки к груди:
«Тысяча благодарностей, дорогой отец!
Коль буду жив я, о отец,—
До судного дня буду служить тебе!»
День прошел, наступила ночь,
Все уснули, от мала до велика.
Приближался рассвет,
Потянулись караваны верблюдов в Чулистан.

Раздается звон колокольчиков караванщиков.
Поднялось солнце на небе.
Купцы проснулись,
Сели на своих коней-ашкаров
И все отправились в путь следом друг за другом.
Десять дней ехали они по степи
И прибыли на рынок Зангубара-падишаха.
Сняли они там тюки и грузы.
Наступила ночь.
Погонщики отпустили верблюдов пастись,
Издалека слышится топот копыт.
Каждый купец воссел в своей лавке.
Аваз и Холмахмад сели вместе:
Товар — Холмахмадхана, А продавец — Аваз-богатырь.
С утра стал собираться народ,
Ходят по лавкам.
Каждая лавка славится по всему белу свету.
У товаров Холмахмада давка
Из-за красоты Аваза-воина.
[Вмиг] он распродал товар Холмахмада!
Купцы Арабистана
Все выбрали Аваза старшим,
Сделали продавцом того юношу,
Солнце взошло в небе,
Золото и серебро купцы крепко держат в руках,
Ежедневно торгуют товаром.
И Авазшах продает товары.
Слухи дошли до трона падишаха:
«Прибыли купцы из Арабистана,
Холмахмад — богатый купец,
Торговля из-за него во всем мире прекратилась».
Зангубар-чудовище послал человека:
«Иди, приведи одного из них!»
Холмахмад вскочил с места:
«Я пойду,— воскликнул,— к золотому трону!»
Аваз сказал: «О покровитель мой,
Я пойду к [падишаху]».
Холмахмад сказал: «О сынок,
Многоопытен [твой] отец.
При каждом своем прибытии Холмахмадхан
Этому чудовищу подносит [ведь] дорогую жемчужину».
Холмахмад встал и пошел.
Впереди — есаулы,
За ними — Холмахмадшах.
Подошли они к золотому трону.
Есаулы поклонились [Зангубару],
Холмахмад пошел за ними,
Зангубар-падишах посмотрел,
Сошел с золотого трона,
Потом снова сел на место,
А купца посадил повыше везиров.
Сел Холмахмад,, богатый купец,
Тотчас же помолились за его счастье.
От падишаха принесли поднос [с едой].
После еды помолился
Холмахмадшах и вынул пару жемчужин —
Двумя руками схватил жемчужину Зангубаршах.
«Добро пожаловать,—сказал он,— отец наш!»
Холмахмад сказал: «Что нужно тебе, о падишах?
Твои есаулы силком увели меня с базара».
Зангубар сказал: «Не обижайся, отец.
Купцы рассказали мне про тебя [много нехорошего]».
Холмахмад сказал [купцам]: «О друзья,
Продавайте ваши товары!»
Они снова открыли лавки.
Сын Холмахмада продает товары.
Зангубархан [вновь] послал есаула,
Тот пригласил купцов к большому трону.
Зангубар увидел Аваза,

Запала ему в сердце страсть к Авазу.
Все гости сели рядком,
А Аваза усадили на золотой трон.
Зангубар сказал: «О друзья,
Всегда, когда иноземные купцы приезжают в нашу страну,
Люди оповещают [нас],
Что наша торговля прекращается.
Наши купцы хотят,
Чтобы никто не приезжал на их базар.
Прошло десять дней, как гости торгуют,
Народ радуется на этих купцов.
[Говорят, что] товар покупают у них дешевле.
Большими купцами
Люди недовольны, дорогие друзья,
Гневаются мои родственники [на то],
Что падишах не закрыл [иноземной] торговли.
Слушайте, старики,
Верны ль, по-вашему, эти слова?»
Старики, малые и большие [сказали]:
«Неуместны эти слова для нашей страны,
Нужно кончить такие разговоры.
Мы тоже бываем в Арабистане,
Мы привозим [к нам] чай из великого Египта.
Всегда [ведь] торговцы [наши] ездят и в Хиндустан».
Старики сказали купцам:
«Не сердитесь на нас.
Все это — напраслина.
Откуда ни возьмись недруг,
Становится он между нами и вами —
Так не годится».
Взошло солнце на небе.
Купцы Арабистана получили благословение
И ушли от золотого трона
На базар Зангубара-падишаха,
Аваз — вместе с купцами.
Пришли они на базар,
Связали товары в тюки, помолились,
Холмахмад дал Авазу-воину шесть караванов верблюдов.
Купцы ушли в степь,
А Аваз стал закупать товар в стране Зангубара,
Он садился в лавке на базаре падишаха.
Каждое утро и каждый вечер доносится до падишаха:
«Слава сыну Холмахмадшаха!
Всегда толпится народ у его товаров.
На всем базаре он сбил цены на товары!»
Однажды [Аваз] отправился к золотому трону.
Вступает в разговор могучий лев
С могучим Зангубаром.
Зангубар спросил: «Как тебя зовут, о брат?»
«Зовут меня — Саломатшах многоискусный».
Зангубар говорит: «О юноша, славишься ты как купец,
Твое имя на устах у людей,
Ты стал отцом народу,
Ты заботишься о бедняках.
[Зато] купцы гневаются.
Но ты не обижайся на них,
Приходи к моему трону каждое утро и каждый вечер,
О купец Арабистана».
Тут купец [наш] сказал: «Почему же так поступают эти люди?
Раскрой секрет, о падишах!
Может, они сердятся на тебя?»
«О купец, твой товар распродается,
А в их сторону народ и не смотрит.
Ты полцены берешь у народа
Или вовсе бесплатно раздаешь товары».
Наш купец рассмеялся.
Сказал купец: «О Зангубар-пахлаван!
Нет согласия в вашей стране,
Но ты не будь жесток со своим народом.

Благослови меня, я прекращу торговлю».
Падишах сказал: «О купец,
Что нравится народу, братец,
То любо и нам, сынок,
Наши купцы и так разбогатели,
Они втридорога продают товары нищим —
Вот почему все, что ты делаешь,
Мне тут же сообщают купцы [требуя,]
[Чтобы] купцам Арабистана не было дороги на базар.
Я устроил угощение,
Пригласил всех, от мала до велика,
Показал жалобу наших купцов,
А народ не согласился [с ними].
Это расстраивает дружбу между нами и вами.
У нас у самих ведь есть в Чулистане купцы,
Во всех странах [они торгуют] и со всеми падишахами.
Старики наши не согласились [с их жалобой] —
[Вот] наши купцы и разгневались.
О купец Арабистана, мы предоставляем вам базар».
Купец засмеялся,
Поднялся, прижал руки к груди:
«Спасибо»,— сказал он Зангубару-пахлавану.
Получил он благословение Зангубара и отправился на базар.

XVI. ПОЕДИНОК АВАЗА С ТУРАБЕК-ПАХЛАВАНОМ, ЦАРЕМ ХОРАСАНА

В Миср направился Аваз-[богатырь],
Принимали его там [падишах] Умархан
Вместе со своим сыном Усманом.
Несколько дней был [у него] Аваз в гостях,
И захотелось им повидать Чамбул.
Отправился туда Умархан и пропал:
Попал он в плен к Турабеку-богатырю.
Из Египта выехали и стар и млад,
И Аваз с ними на бессловесном [коне] Зайналкире.
Богатырь [Аваз] впереди,
А за ним бесчисленное войско,—
[Так они] прошли через [всю] страну Умархана.
Попало бесчисленное войско в пески пустыни,
До стремян тонут кони в песке,
Солнце поднялось в небе,
И проехали они через эту пустыню —
Аваз — впереди, Усман — за ним.
Попали они в густые заросли,
Проехали и сквозь заросли.
Прошло время вечернего намаза,
Прибыли они в Хорасанскую страну.
Аваз, могучий лев, остановил войско,
Раскинул боевые шатры и золотую палатку,
Воскликнул Аваз-богатырь:
«Войско, остановись в степи Чулистан,
Пока мы не разведаем тайну этого богатыря,
Не начнем сражения на поле боя».
Так сказал Аваз-богатырь
На дороге в степи Чулистан.
Аваз на гнедом коне султана
Отправился в глубь страны.
Расскажем об Авазхане.
Вернулся богатырь к своему войску,
Сбросил с головы [дервишский] колпак
И воскликнул: «Войско,
Турабек кажется неспокойным,
Много у него стражи
С четырех сторон города.
Отберите-ка тридцать добрых коней-ашкаров,
[Мы еще] не выведали [всех] тайн этого падишаха.
[Сегодня] утром мы возьмем тридцать [добрых] коней-ашкаров
И отправимся на базар,
[Чтобы] узнать тайну богатыря:

Умер или жив Умархан».
Пять златокудрых слуг,
Держа на поводу добрых коней-ашкаров, привели их.
Аваз — впереди, тридцать [добрых] коней — за ним.
Был базарный день у падишаха.
На второй день прибыл Авазхан,
Явился на большой базар.
Падишах глянул,
Увидел тридцать коней на базаре,
Их ведут на поводу тридцать слуг.
Увидел он богатого молодого купца
В пешаварской чалме,
Приказал богатырь-падишах:
«Приведите-ка купца к высокому трону!
Откуда этот гость?
Зачем пожаловал к нам этот богатырь —
Продавать, что ли, бессловесных коней?»
Есаулы побежали друг за другом,
Явились в то утро на базар,
Поздоровались с богатым купцом.
Есаулы сказали: «О гость,
Интересуется тобою великий падишах.
Мы пришли позвать тебя к нему, о гость.
Иди поклонись падишаху, дорогой брат!»
Впереди [едут] есаулы,
А за ними — Аваз-воин,
Подошли они к золотому трону.
Слуги увели Зайналкира,
А Авазхан подошел к трону,
Прижал руки к груди, поклонился великому падишаху
Падишах взглянул на него,
Поздоровался с гостем,
Посадил гостя на высокий трон.
Гость сел, помолился
За умножение богатства падишаха.
Поставили перед гостем угощение.
Спрашивает гостя [падишах-]богатырь:
«Откуда ты, о богатый купец?»
Лукавый Аваз
С пешаварской чалмой на макушке
Сказал: «Что ответить мне, о богатырь?»
Начал гость свой рассказ:
«Я из страны Андалусхана.
Явился [к нам как-то] Тюрк Баглан,
Рассеял наше богатство по белу свету,
Увез его в Чамбули-мастан.
И только тридцать молодых слуг сумел я сохранить, о падишах,
А от богатства осталось у меня лишь тридцать коней.
Был я знатным человеком в своей стране.
Но никого из моих людей не оставил [мне] Тюрк Баглан,
Он увез всю добычу в Чамбули-мастан,
Ничего не знает [об этом] великий Андалус.
Вот тридцать коней я и привел на ваш базар».
Рассмеялся Турабек:
«И не говори,— сказал он,— о знатный купец!
В темнице сейчас Умархан —
Побратим Аваза-богатыря.
[Было дело так:] явились [как-то] к нам
Хасанхан-безумец
И Шадман — охотник султана.
Я Шадмана пронзил стрелой [из лука],
Кровь полилась из его тела,
И мы не схватили того великого охотника.
На поле боя был безумец Хасан.
Тридцать два наших богатыря Хасанхан
Одолел, а оружие их разбил вдребезги.
[Тогда] я метнул сеть в небо
И сетью пленил Хасанхана.
Уж несколько лет сидит он в темнице,

[Тогда и] прибыл Умархан-богатырь,
Падишах Египетской страны, о гость.
Хитростью освободил его [Умархан] и забрал с собой в степь.
И погнался за ним.
Попался к нам в руки Умархан со своим войском».
[И еще] сказал падишах: «Добро пожаловать, о гость.
Аваз бесится против нас,
Потому что друг его в зиндане.
Пришел в наш город какой-то каландар,
Не поймала его стража.
Скрытен этот Аваз-богатырь,
Коварен этот юноша,
Он так просто нам не попадется...»
Прошло время полуденной молитвы,
Аваз встал с золотого трона.
Пришел богатырь на базар
К тридцати ветроногим коням.
Часть их он продал за золото,
Остальные остались.
Наступает ночь, и [Авазшах]-воин
Прохаживается возле темницы:
«Какой хитростью вызволить бы мне Умархана
Из этой темницы, как освободить богатыря?»
Утром взошло солнце,
Отправился в путь Аваз-воин.
Десяток его коней не был продан.
Он подошел к золотому трону
И сказал: «О падишах,
Я много слышал о тебе,
И вот сам увидел тебя на золотом троне.
Десяток коней-ашкаров остался у меня,
Я надеюсь, что ты купишь их.
Придется мне продать этих коней,
Ведь люди мои в стесненном положении».
Турабек сказал: «О юноша,
Только б не пришел Авазхан...
Я нагружу на семь верблюдов много товаров,
Дам тебе много серебра и золота.
А твои добрые кони-ашкары пусть останутся при тебе.
Ведь имя мое — Турабекхан,
Я—падишах Хорасанской страны».
«Спасибо,— сказал Аваз-воин,—
Дай бог тебе богатства,— сказал,—
Да не будет тебе обид в обоих мирах!
Аваз ведь и наш враг.
Я останусь в твоей стране —
Если появится Аваз,
Я помогу вам».
«Аваз [как-то] вызвал [на единоборство] нескольких богатырей.
Семь дней мы сражались на поле боя
С этим самым Авазханом.
Через семь дней, о гость,
Мы разошлись в разные стороны.
Привлек Аваз-богатырь сердца наших людей к себе:
Роздал подарки всем, от мала до велика.
Народ не стал больше признавать нас —
Ушло от нас царство».
Так беседуют они между собой.
Наступило время вечернего намаза,
Аваз поднялся с золотого трона,
Пошел на базар и воскликнул: «О слуги,
Будьте начеку,
Расположитесь на базаре.
За нас спокоен падишах,
Доверяет он нам [во всем].
Даст бог — вызволю я Умархана»,
Прошло время ночной молитвы —
Слуги изготовились,
Сели на добрых коней,

А [Аваз]-воин— на Зайналкира,
Выехали с базара.
[На одну] лошадь погрузили хурджин.
Подъехал Аваз-богатырь
К дверям зиндана,
Перед ним выстроились шесть богатырей,
Схватили они за поводья коня гостя,
Закричали: «О всадник
На крылатом скакуне,
Уже ночь наступила, о гость,
Зачем ты пришел к дверям этого зиндана?
Поворачивай-ка обратно!
У нас есть приказ —
Мы снесем тебе голову с плеч мечом!»
Засветился улыбкой богатырь,
Отстегнул от пояса рукоятку меча
И накинулся на шестерых караульщиков.
Троих из них он ударил, богатырь, Нанес им раны на майдане,
Троим же на шеи накинул цепь.
Закусил от напряжения губы,
Ударил ногой по двери темницы,
Сорвались засовы с двери,
Дверь сразу упала.
Аваз-богатырь вошел,
Темница озарилась блеском его зубов.
«Ох»,— сказал Умархан и поднялся.
Прижал Умархан руки к груди:
«Ассалом алейкум, —сказал он,— могучий лев!»
«Ва алейкум ассалом, о вечный брат!
Мы благодарны тебе.
Пришел богатырь авлиё,
Ради нашего спасения
Прошли сквозь степи.
Ты головой рисковал, [когда] наше племя попало в беду
Сотня благодарностей тебе, молодец!
Мы будем благодарны тебе до судного дня».
Распахнул дверь настежь богатырь,
Все пленники вышли за ним.
Вышел Умархан со своими людьми,
Выехали все из того города — и стар и млад.
Четыре часа они ехали по степи.
А Аваз-воин притаился на окраине города.
Утром, когда падишах завтракал,
Авазхан вынул из хурджина боевой барабан
И ударил в него на майдане.
Барабан богатыря гремит,
Дрожит цитадель Турабека,
Отваливаются от цитадели кусками камни,
Стали падать к подножию трона,
Из горла [Турабека] кровь течет,
Из носа [Турабека] кровь сочится.
От страха перед богатырем
Прикусил он свой язык.
Подавился пораженный куском хлеба,
Из языка его хлещет кровь.
Снова богатырь [Аваз] ударил в боевой барабан.
Барабан Аваза гремит, гремит,
Грохот барабана подобен грому.
«Кто тут враг,—вскричал он,— горе тому!»
На окраине города падишаха
Выпрямился воин на гнедом коне.
Вызывает он противника;
«О Турабек-богатырь,
Продавцом лошадей был Аваз-воин,
Разве не слышал ты имени этого богатыря?
Ты посадил в зиндан Умархана,
[Но] сегодня вышел [оттуда] богатырь.
Подготовься к поединку на майдане —
Не обижайся, падишах Хорасана,

Не говори, что Аваз-воин не предупредил тебя!
Я даю тебе срок до утра:
[Как только] взойдет на небе солнце,
Мы сразимся с тобой».
Аваз — мужественный богатырь —
Тронул Зайналкира
И воскликнул: «О великие и малые
Люди, и стар и млад,
Зовут меня Аваз-богатырь,
Мое копье пробивает кремень,
Слава моя распространилась по белу свету,
Мое войско в степи,
Я отправляюсь за ним и завтра утром вернусь...»
Выехал из города Авазхан,
К войску отправился воин
Он догнал Умархана
И посадил его сзади себя на ветроногого гнедого коня.
Аваз— впереди, а люди, вышедшие из зиндана,— за ним.
Всю ночь они ехали до утра.
Солнце поднялось в небе.
Усман — сын Умархана
Увидел своего отца.
Подошел Усман, а за ним множество народу.
Спешился Умархан,
Обнял сына, поцеловал его в обе щеки.
Умархан сказал: «О Усман,
Ты видел побратима своего отца?
Да проживет он сто лет, о юноша!»
Сошел с коня и Аваз-богатырь.
Турабек-пахлаван [между тем]
Собрал есаулов на майдане:
«Друзья,— сказал он,— без хитрости нам не обойтись.
Дело тут не в силе.
Был я богатырем,
Не было на свете силача, подобного мне,
Глупость допустил я.
Аваз прикинулся было нищим,
Но ничего у него не вышло, и он ушел в степь.
Во второй раз он притворился большим купцом,
Назвался жителем страны Андалусхана.
И в конце концов мы поверили в хитрость воина,
Подготовьтесь все, и стар и млад,
Придет завтра утром Аваз —
Будьте же все готовы!
Раздавайте всем, от мала до велика, боевое снаряжение!
И хоть он только слуга эмира-султана
И народ Чамбула называет его рабом,
Но безгранично силен [этот] воин
[Ведь это он] разгромил дэвов!»...
Он поднял знамя на майдане,
Схватился за рукоятку меча,
Разломал большую кладовую с оружием,
Раздал богатырям боевые латы,
Раздал всем, от мала до велика, боевые копья,
Дал всем богатырям палицы.
Они прикрепили мечи к поясам.
Знамена выстроились в ряд,
Словно весенние тучи,
Так много было знаменосцев.
Выстроились все войска.
Впереди — отряд копьеметателей,
За ним — отряд лучников,
В стороне — отряд палицеметателей,
За ними вышли сетеметатели
И бесчисленное количество колдунов,
Все двинулись в степь
На бой с Авазом-пахлаваном.
Воскликнул падишах:
«Кто уклонится от этого сражения,

Имущество того пойдет в казну падишаха!»
Он сказал это на майдане,
И смятение охватило всех.
Поднялся Аваз-богатырь,
Увидел суматоху.
Взял он бессловесного коня за поводья,
Семь подседельников, один на другом,
Затянул Аваз, могучий лев,
Подтянул стремена на животе животного.
Вдел ноги в стремена молодец,
Выпрямился в седле,
Пустил гнедого на поле боя.
Смотрит на него Умархан:
Натянул поводья Аваз-богатырь,
Получил благословение от великих и малых,
Подъехал к краю майдана,
А войско он оставил на расстоянии дневного перехода
Ударил в боевой барабан Аваз-воин.
Барабан богатыря гремит –
Сотрясаются горы Хорасана,
Дрожит дэв в горах,
Убегает дичь из Хорасана
При звуке барабана Аваза-богатыря,
Барс прячется в большой пещере.
Войско Турабека потрясено!
Галопом скачет Авазхан.
Бьет в боевой барабан воин,
Вызывает противника на поле боя.
Падишах [же] Хорасана
Смотрит: несется вскачь гнедой конь султана,
Охвачен боевой страстью бессловесный,
Круп – выгнут, хвост – на отлете.
Прекрасен в битве Аваз-богатырь!
Воскликнул богатырь Аваз:
«О Усман – сын Умархана,
Пусть зря не выходят люди на поле боя,
Я один выйду на поле боя,
Пусть уж моя голова слетит с плеч,
[А только] затем польется на поле боя кровь люде
Я сам пойду на бой,
А люди тут ни при чем».
И вышел Аваз на поле боя.
«Противника сюда!» – восклицает герой.
Гневно раздается его голос по всему белу свету,
Отдается в высоких горах.
Туракул-богатырь свой отряд осьминогов
Вывел на поле боя против Аваза-богатыря.
Воскликнул Аваз-богатырь:
«О народ Хорасана,
Вы сами будете повинны в своей погибели –
Нет вражды у меня к вам.
Знайте, бедняки и все бездомные,
Поймите же вы, друзья,
Пусть выйдет ваш старший
На поединок со мной на майдан,
А вы – смотрите!»
[Тут вышел] богатырь и сказал: «О Авазхан,
Ты ведь поступаешь как разбойник,
Твой черед [наносить удар], о юноша,
От моего удара дэвы надвое раскалывались!
Но бессмертным [окажешься], Авазхан?»
Аваз натянул поводья, отъехал назад,
Конец копья –под мышками у него,
Острие копья – между ушами ветроногого.
На четверть выступает копье.
Погнал он гнедого коня султана,
Подъехал Аваз-богатырь:
Два коня столкнулись морда к морде.
Направил свое копье могучий лев.

Зазвенел кованый щит,
Осколки [щита] рассыпались на майдане,
Семь лат пробило копье богатыря.
Кровь брызнула на тело коня из груди врага.
Полетел враг вверх тормашками.
Надел на него цепь Авазхан,
Обе руки связал ему на майдане,
Пленил его сокол [нашего] времени,
Привел [его] к Умархану.
Бросил его Аваз на майдане.
Аваз сказал: «О друзья,
Позаботьтесь об этих [моих] пленниках.
Приложите лекарства к их ранам –
Они не сегодня завтра покорятся нам,
Найдется и для них дело».
Прошло время вечернего намаза.
Войско Турабекшаха отошло назад...
Взошло солнце.
Приготовились оба войска,
Аваз надел боевое снаряжение,
Вышел на поле боя многоискусный.
Ударил в боевой барабан богатырь,
Все услышали – и стар и млад.
«Противника сюда!» – воскликнул Аваз-воин.
Поднялся со своего места Турабек-богатырь,
Вышел на поле боя,
Впереди него отряд колдунов.
Боевое знамя развевается в небе
Над Авазом-богатырем.
Воин – словно беркут,
Играет [под ним] гнедой конь авлиё.
Аваз говорит: «О друзья,
Если вы из народа, возвращайтесь домой,
Не слушайте слов этого Турабекшаха!
Это – гнедой конь султана,
На нем я победил громадных дэвов,
Разрушил несколько стран.
Я покорил Нахрандэва – чудовище.
Жизнь ваша – в ваших же руках!»
Старые везиры посмотрели и сказали:
«Верны слова Авазшаха.
Мы слышали имя этого юноши –
Он действительно богатырь.
Куда бы ни ступил конь султана –
На нем потомки Авазхана
Одолевают большие страны.
У него еще и сын есть – могучий лев.
Имя его – Нуралихан,
Его копье пробивает кремень.
Ничего еще не знает этот юноша –
Он сейчас в Чамбули-мастане.
У них есть и Ташараб и Барзу-дехканин,
Турабек, наш глава, ничего об этом и не подозревает».
Так сказали везиры,
Но не согласился с ними падишах,
Турабек[шах] Хорасана,
Напал он на Аваза-воина.
Аваз – посреди майдана,
Бросили в воздух стальную сеть.
За каждым звеном – богатыри,
За каждым звеном – по двадцать богатырей,
Думают они поймать Авазхана.
Аваз – в степи.
Вытащил воин железный крюк,
Железный крюк забросил воин,
Зацепил им сеть богатырь.
Взлетел гнедой конь султана,
На двух крыльях летит ветроногий,
Одним глазом вперед смотрит, другим – назад

На коне — Аваз-богатырь.
Волосы его на теле дыбом встали
И пробились сквозь тяжелые латы.
Аваз смотрит на коня:
Два уха насторожены, торчат как тростинки в воздухе,
Грызьмя грызет удила,
Голова коня достает до неба.
Размахнулся плетью,
Ударил Аваз-богатырь
Между ушей гнедого коня султана,
Пришпорил гнедого коня,
На сорок четыре аршина отлетел конь влево и понесся,
В одной руке Аваза — железный крюк,
В другой его руке — меч.
Зацепил сеть богатырь и оборвал ее,
Острый меч выхватил
И разрубил сеть богатырь—
Растерялся отряд сетеметателей.
Воскликнул Аваз: «О народ Хорасана,
Ты сам отвечаешь за кровь свою на поле боя!
Зовут меня Аваз-пахлаван,
Я сын несчастного Карима-мясника.
Я не видел своего отца,
Сто ударов приму я на поле боя,
Но и одним ударом сражаю я врага.
Эй, народ, уходи с поля боя!
Пусть выходит Турабек -— великий падишах,
Сразимся с ним один на один».
И люди разошлись, один за другим.
А Турабек-пахлаван метнул свою палицу в небо
На Аваза-богатыря.
Глаза гнедого [следят] за палицей богатыря.
Пролетела палица в воздухе, выпрямился Аваз-воин,
Летит конь авлиё.
Смотрят бедняки и нищие
[И так говорят]: «Прекрасный наездник Аваз-воин,
Прекраснобровый он, златокудрый,
Аркан его бровей — украшение мира.
Этот богатырь радеет о народе,
Да будет счастье этому юноше»,— говорили они.
Два коня столкнулись морда к морде.
Выставил свое копье могучий лев.
Грудь противника в чугунной броне —
В чугун угодило копье воина,
Отскочило копье, ударившись о чугун.
Натянул поводья Авазхан.
Турабек-пахлаван засмеялся.
Он сказал: «О Аваз, я —не Тюрк Баглан,
Я — не Успиёнхан,
И не Умархан из великой Египетской страны,
Чтобы служить тебе, о юноша!
Я повелитель Хорасана!»
Схватился Аваз за рукоятку меча,
Ударил по голове богатыря.
Сверкнули золотые латы,
Искры взметнулись кверху и рассыпались по степи.
Схватили они друг друга за пояса.
Напряглись в седлах богатыри.
Аваз-герой схватил [противника],
Вцепился руками в золотой пояс.
Два добрых коня взлетели на крыльях,
Мчатся оба галопом.
Смекнул Зайналкир
И распустил крылья бессловесный.
На сорок четыре аршина летит над полем боя
Падишах Хорасана,
Но конь его отстает.
Отстал его конь на целый переход,
[И вот уж] сам [богатырь] в руках Аваза-воина.

Вытащил цепь Авазхан
И надел ее богатырь [противнику] на шею,
Руки богатырь связал ему за спиной.
С двух сторон смотрят люди:
Увидели они, [как] повел [противника] Аваз-воин,
Связаны руки у богатыря.
[Аваз] повел и швырнул его перед Умарханом,
Сын Умархана по имени Усман
Взял за поводья бессловесного гнедого коня,
Спешился Аваз-богатырь,
Развязал на майдане руки Турабеку.
Авазхан посадил [пленника] перед собой.
Приказал .Аваз Умархану:
«Принеси угощения,— сказал он,— этому богатырю!
Мы утомились в степи,
Устали от скачки и оба ветроногих».
Умархан принес поднос с угощением
И поставил перед обоими.
Едят оба богатыря —
Опустошили поднос.
Благословил Аваз-богатырь,
Сказал Аваз: «О Турабек-пахлаван,
Не покидай свой народ,
Снова назначу тебя старшим,
Но плати дань Умархану»,
Турабек-пахлаван сказал: «О Аваз-богатырь,
Я покорился тебе, о лев битвы.
Отруби мне голову мечом,
Я отдаю в твои руки свою жизнь, о Авазхан!»
Когда он произнес эти слова,
Аваз кликнул писца,
Турабек-пахлаван заверил Аваза-богатыря,
Что дань великому Египту
Он отдаст Умархану.
Поднялся со своего места Турабек-пахлаван,
Пригласил Аваза в Хорасан.
Все встали, и стар и млад,
Турабек прижал руки к груди,
Всех он пригласил -— от мала до велика.
Приказал Аваз-богатырь,
И Турабеку подали бессловесного коня.
Вскочил на коня на майдане
Турабек и отправился в Хорасан.
Он выехал в степь
И крикнул своим людям вслед,
Сказал он: «Отправляйтесь вы все,
Возводите город:
На золотой трон взойдет
Аваз-воин,
[Сделайте так,] чтобы нам не осрамиться».
Отправились все,
И стар и млад,
Чтобы украсить свой город.
Украсили Хорасан,
И у каждой двери в шатры и палатки
Они говорили: «Придет Аваз-воин».
Полили водой все улицы,
По улицам текут ручьи.
Черноглазые девушки Хорасана
Вышли из покоев, все от мала до велика.
Вот-вот придет Аваз-воин.
Девушки говорят: «Дай бог увидеть нам Авазхана —
Каков из себя этот юноша?»
Все выбежали из покоев,
Наводят свои мушки,
Подравнивают свои локоны:
«Мы увидим сына авлиё,
Красу Чамбула шахского»
Взошло солнце на небе,

Аваз — впереди, Умархан — за ним
Въехали в Хорасан.
Все прижали руки к груди.
Отдельно стоят старики,
Выстроились они на площади,
В сторонке — дети,
Вышли даже старухи.
Глаза всех устремлены на Аваза-богатыря.
Авазхан спешился у базарных рядов,
Все бросились к поводьям богатыря.
Из каждой двери палаток и золотых шатров
Вышли друг за другом старухи.
В руках у богачей золотые подносы.
Аваз — впереди, за ним — Хасан,
Отдельно идет Умархан со своим племенем.
Зазвенели песни в Хорасане
О празднике в честь Авазхана.
Турабек прижал руки к груди:
«Добро пожаловать, Аваз—могучий лев!
Слава тебе, о молодец-богатырь!
Взойди на наш трон,
Я отдаю тебе страну и все ее богатства».
Турабек сказал: «О Аваз-богатырь,
Жизнь без тебя для нас — не жизнь!»
Поднял руку Аваз-воин,
А народ весь стоит за ним.
Аваз сказал: «О друзья,
Тот, кто посадит яблоню в землю,
Тот, кто посадит где-нибудь молодой саженец,
Тот, друзья, соберет плоды.
Все мы — добыча бренного мира,
Сегодня мы здесь, а завтра — где?
Злого же человека настигнет зло, друзья.
Кормит крестьянин и нищего и бедняков.
[Но] тот, кто крестьянствует на этой земле,—
Дай бог ему счастья!
Роющий колодец [другим] сам в него упадет,
Бесчестный пожнет зло.
Аминь!» — сказал Аваз-богатырь.
Он помолился на троне Хорасана.
Все встали — и стар и млад:
«Сто лет живи, о Аваз-богатырь,
Жемчужина нашего сердца!»
Все сели в согласии:
Сорок шахов Хорасана, сели и везиры,
Сел правитель Хорасана и сын Гурутли.
Турабек [сидит] и беспокоится,
Суетится все о госте-богатыре.
Он выставил обильное угощение,
Завтрак длился целое утро.
[Потом] помолились [они] о благополучии державы,
Приказал Аваз-воин:
«О Турабек-пахлаван,
Раскрой свою казну сейчас же!»
Раскрыл [Турабек]-богатырь казну,
Подошел Аваз-богатырь,
Собрал народ на майдане,
Раздал казну Аваз-воин
Беднякам и неимущим,
Всем одиноким,
Всем бездетным старухам.
Раздал несколько тысяч золотых.
После раздачи Авазхан
Народу Хорасана
Громко объявил, воин:
«Слушайте, о друзья,
Это государство—ваше государство!
Оно не мое и не Турабекшаха».
Аваз сказал: «О падишах Хорасана,

Я скажу тебе великое поучение:
Не тиранствуй над этим народом,
Слушайся советов седовласых,
Заботься о бедняках и нищих,
[И] они будут благословлять тебя.
Ибо держава — это держава народа,
И нам и вам без народа,
Что делать в этом мире?»
Такое сказал он великое поучение.
«Помолимся,— сказал Турабекхан,—
За поездку в Чамбули-мастан».
Турабек воскликнул: «Могучий лев,
О Аваз, воссядь на золотой трон!»
Посадили Аваза-пахлавана.
Есаул отправился по белу свету,
Привел семь табунов с табунщиками,
Семь отар овец с чабанами,
Караван верблюдов с погонщиком.
Аваз встал, посмотрел
И отделил один табун коней,
Взял себе воин отару овец,
Шестьдесят пять верблюдов взял за плату золотом,
Поручил [их] есаулу Аваз-воин.
Он благословил народ Турабека.
Добычу погнали в степь,
А.Умархан, Аваз и Хасан — пошли следом.
Прошел он мутную речку Чамбула.
Табун передал Шахсалману —
Старшему над восемьюдесятью табунщиками,
Овец передал чабану
На горном пастбище Чамбули-мастана.
Эмир посмотрел, увидел Аваза-воина,
Шадмана-пахлаваиа,
На шее у него боевой лук,
Умархана Египетского — мужа битвы.
Вышло племя дурменское,
Увидели охотника Шадмана
С Авазом-пахлаваном
И Умархана Египетского — мужа битвы,
Увидели восемьдесят девушек луноликих —
Все бегом побежали.
Эмир-султан воскликнул:
«О родня Шадмана,
Шадман как будто с того света явился!»
Каххархан сказал: «О авлиё,
Аваз — счастье для нас всех,
Мы завтра устроим пир в честь Шадмана!»
У ворот эмира-султана
Спешился Аваз-богатырь.
Эмир сошел с золотого трона.
Прижал Аваз руки к груди:
«Салом алейкум,— сказал он,— о отец!»
«Ва алейкум ассалом, о сын!»
Аваз поклонился авлиё
И всем правителям.
Аваз — впереди, дурмены следом,
Подошли к золотому трону.
Аваз сел перед отцом,
Правители уселись рядом.
Авлиё раздал угощение,
Из казны эмира принесли одежды.
Встал Аваз-богатырь,
Раздал малым и большим золотые короны,
Всем гостям пожаловал мускусные халаты,
Дал им золотые латы и щиты.
Десять дней они гостили у золотого трона.
Через десять дней
Встал с места Умархан,
Прижал обе руки к груди богатырь

И сказал: «Благослови нас, авлиё,
Сегодня утром мы отправимся в Египет».
Поднял руку желанный [Гургли],
А за ним народ [Гуруглишаха].
Благословили они гостей.
Дурмены впереди всех гостей
Сели на бессловесных коней.
Аваз на гнедом коне султана
Выехал из ворот авлиё.
Гости выехали за ним следом
И направились в степь.
Авазхан доехал до мутной речки Чамбула.
Авазхан сказал: «О Умархан,
В добрый путь, о дорогой брат!»
Умархан сказал: «О богатырь,
Разузнавай о нашем житье-бытье.
Не забывай нас, дорогой друг!»
Аваз вернулся,
Наступил полдень.
Аваз воскликнул: «О авлиё,
Прошло много времени, как не было меня в Чамбуле.
Пусть придут все сироты.
Аваз для бедняков и несчастных
Привел девушек из Хорасана».
Приказал он сладкоголосому Саки:
«Посватай,— сказал он,— каждого!»
Саки поднялся с места,
Ахмад — следом.
Добычу, привезенную Авазханом,
Раздал и старым и малым.
Распределяют два великих правителя:
Никто не должен
Оставаться обездоленным.
Они помолились за Аваза.
Пятьдесят двух юношей-сирот
Поженил Аваз — могучий лев.
Все нищие старухи сказали:
«И в судный день мы будем звать тебя сыном, Авазшах!»
Аваз на золотом троне
Прижал руки к груди,
Он сказал: «Благослови меня, отец,
Хочу узнать о двух своих дочерях:
Волнуются ведь младшая и старшая сестрицы».
Поднял руку авлиё, благословил Аваза и Шадмана...
Аваз покинул Чамбул,
Приехал в Балхубан,
Бегом прибежала Гульхумор,
Взяла поводья у богатыря.
Вышла из покоев Гуланор,
Обняла за шею отца,
Поцеловала отца в шею.
Вышли Нурали и его младший брат Шерали.
Прижали богатыри руки к груди,
Они приветствовали отца.
Пришел Тюрк Баглан-пахлаван,
Приветствовал Аваза-богатыря.
Этот дастан мы закончили.
Авазхан достиг своей цели.
Начнем, друзья, другой дастан.

17. Бой Тюрка Баглана с Акилханом великим падишахом.

Как-то раз на пиру падишах [сидел] на золотом троне.
Тюрк Баглан подошел к Гуруглишаху,
Было раннее благодатное утро,
Взошло солнце вселенной,
Земля наполнилась светом, мир засиял.
Было время веселья бойцов.
Прижал Тюрк Баглан руки к груди

И сказал: «Салом алейкум, эмир-беглар,
Благослови меня, о эмир-султан,
Отправляюсь я на охоту в Чулистан,
Очень истомилось мое сердце [по охоте]».
Эмир сказал: «О Тюрк Баглан,
На перекрестке дорог в степи [совершают] набеги,
Не попади в какую-нибудь засаду, о Тюрк Баглан!»
Засмеялся Тюрк Баглан
И сказал: «О эмир-султан,
Что бы ни было в моей судьбе,
То я и встречу».
Поднял руку авлиё
И воскликнул: «Слуга,
Пойди принеси боевые доспехи!»
Бегом побежал слуга,
Принес богатырское снаряжение,
Положил его перед Тюрком Багланом.
Встал со своего места богатырь,
Натянул на голову шлем,
Грудь прикрыл семью щитами,
На тело надел мраморные латы,
Семь раз обернул стан поясами,
К поясу прицепил кинжал.
В руки он взял лазуритовое копье,
Взял молодец боевой барабан,
Потом попросил благословения.
Поднял руку авлиё,
А за ним и правители.
Пересек [Тюрк Баглан] мутную речку Чамбула,
Проехал еще через четыре реки
И оказался в Гульрухане.
Он пустил ветроногого скакуна,
По охотничьим угодьям Гульрухана
Едет Тюрк Баглан.
Нигде не встретил он дичи,
Не поймал ни серны Багланшах.
Крепко задумался он тогда:
«Не дал мне бог счастья»,— сказал он.
Десять дней бродил он по степи
И не встретил ни одного живого существа.
Однажды утром он прибыл в Оинакуль
И увидел в степи лису:
Лиса промчалась мимо
И скрылась в густых зарослях.
Встревожился Тюрк Баглан:
«Слышал я поучение у старших:
Коль в Чулистане
Увидишь лису в степи —
Удачи и вовсе не будет»,
В раздумье богатырь
Проехал места охоты
И достиг перекрестка в степи.
Утром он проехал перекресток
И увидел в степи семь всадников
В золотых коронах, в тяжелых латах.
Стали они гадать:
«Что это за всадник в степи?»
Придержали коней и стали всматриваться.
«Не Аваз ли воин это,— сказали,—
Соглядатай эмира-авлиё?»
Преградили ему путь семь всадников.
Тюрк Баглан увидел это
И сказал [про себя]: «Лучше отступить,
Чем возвращаться в Чамбули-авлиё.
Лучше уж умереть!
Если убегу от них,
Станут корить меня до седьмого поколения,
Будут попрекать меня братья,
Что, мол, отправился на охоту Тюрк Баглан,

А от семи всадников в степи Чулистан удрал».
Пришпорил ветроногого скакуна
И появился перед всадниками.
Натянули поводья семь всадников,
Выстроились в боевом порядке в поле.
Подъехал богатырь,
Приветствовал их Тюрк Баглан.
Заговорили они все разом:
«Добрый путь,— сказали всадники,—
Ты не славный ли Аваз,
Сын великого авлиё,
Богатырь — умыкатель девушек?
Имя Аваза прошло по всему белу свету,
Не обошло оно и страны Шам
Мы семеро отправились,
Чтоб разузнать про Авазхана.
Пришли в степь,
[Но пока еще] не встретили этого юношу.
Говорят, что он вечно находится в Чулистане».
Рассмеялся Тюрк Баглан,
Крикнул он семи богатырям:
«Вы, видать, пришли в степь,
Чтобы сразиться с Авазшахом.
Одолейте [сначала] меня,
И можете считать, друзья, что вы победили Аваза.
Я здесь за Аваза-воина».
Спросили всадники: «А как тебя зовут?
Только говори нам правду!»
Тюрк Баглан сказал: «О друзья,
Хвала Аллаху, я всегда твержу лишь одно,
Нет у меня другого слова:
Имя мое — Тюрк Баглан,
Я из страны Арабистан.
Сражался я с Авазом-богатырем,
Бились мы с ним несколько месяцев,
Аваз-пахлаван одолел меня
И отдал за меня в Чамбули-мастане свою дочь Гуланор.
Я оставил свою родину, о друзья,
Служу [теперь] Авазу-воину.
Я верен земле шаха Чамбула,
Чамбул стал для меня отцом,
Он стал для меня и матерью».
Так сказал Тюрк Баглан.
Семь всадников спешились на майдане,
Разбили боевые шатры и палатки.
Главным [у них был] Акилхан-пахлаван.
Тюрк Баглан— в седле.
Один богатырь получил благословение.
Имя его Шарифкул-пахлаван,
И вышел [он] на поле боя.
Стали они задирать друг друга,
Богатырь сказал: «О Тюрк Баглан,
Ты продал себя в этом мире,
За одну дочь Авазхана
Ты стал слугой в Чамбули-мастане,
А уж что теперь тебе делать?
Голова твоя слетит с плеч!»
Отвечал Тюрк Баглан:
«Не говори так, дорогой друг.
Не отступлюсь я от своего слова,
Мы дали слово [друг другу] с Авазханом,
И так будет до конца нашей жизни!
Давай, богатырь, начинай!»
Повернул назад богатырь,
Отъехал на расстояние одного перехода,
Конец копья под мышкой у него,
Острие копья между ушами ветроногого,
На четверть выступает копье.
Погнал он своего коня-ашкара по полю,

Прискакал Шарифкул-пахлаван,
Направил копье на Тюрка Баглана,
Острие копья разбилось,
Осел на задние ноги конь богатыря,
[Тогда] натянул поводья [и вновь] вступил в бой.
Вытащил восьмиконечную стрелу богатырь,
Вложил [камень] в пращу,
Раскрутил ее вокруг головы
И пустил ее в щит молодца.
Загремел щит Баглана –
Стрела упала на черную землю.
Тюрк Баглан сказал: «О богатырь,
Снова уступаю тебе черед для нанесения удара».
[Тот] взялся за рукоять меча
И ударил по золотому панцирю Баглана.
Искры взметнулись над полем боя –
Смеется богатырь [Баглан]:
«Может быть, есть у тебя еще какой-нибудь прием?
Еще раз уступаю тебе черед для удара –
Так учил меня Авазхан».
Посмотрел тот богатырь
И сказал: «О Тюрк Багланшах,
Передаю тебе очередь на удар,
Не осталось у меня надежды».
Тюрк Баглан осадил лошадь, отъехал назад,
Конец копья под мышкой у него,
Острие копья между ушами ветроногого,
На четверть выступает копье.
Взглянули шесть богатырей:
Скакун Баглана взлетел на крыльях,
Гремят мраморные латы.
Галопом поскакал многоискусный.
Выставил копье Тюрк Баглан,
Копье богатыря пробило щит,
Прожгло шелковое покрывало [коня],
Свалился [противник] со своего коня,
Две ноги его мелькнули в воздухе.
[Все это] видел Акил-пахлаван –
Победил его, богатыря, Тюрк Баглан
И на поле боя надел ему на шею цепь.
Ударил в барабан Тюрк Баглан:
«Выходи, противник!» – сказал богатырь.
Появился на поле боя другой богатырь,
Зовут его – Амирхан,
И его одолел и пленил Баглан.
Загремел барабан Тюрка Баглана.
«Выходи, противник!» – сказал он.
Поднялся [сам] Акилхан-пахлаван.
Направился на поле боя.
Оба ударили в боевые барабаны,
Барабаны обоих гремят,
Гром барабанов поднялся к небу.
Отошли друг от друга богатыри,
На расстояние одного перехода.
Снова Баглан передал свою очередь [на удар].
Противник вложил в лук восьмиконечную стрелу,
Натянул тетиву на поле боя,
Ударил по латам богатыря,
[Но] стрела отскочила и взвилась кверху.
Выхватил он тогда меч,
Ударил по щиту Баглана,
Искры взметнулись к небу,
Раскололся его меч.
Передал он очередь [на удар] Тюрку Баглану.
Тюрк Баглан отъехал от него,
Ударили они оба в боевые барабаны,
Четыре богатыря смотрят на них.
Двух богатырей [уже] пленил Тюрк Багланшах.
Конец копья [Баглана] – под мышкой у него,

Острие копья — между ушами ветроногого,
На четверть выступает копье.
Пришпорил он ветроногого скакуна,
Быстро поскакал по полю боя.
Бросил в противника копье Тюрк Баглан —
Сломалось копье Баглана,
Проняло его до косточек...
Выхватил он тогда меч,
Ударил по противнику Тюрк Баглан —
Меч его раскололся.
Взял [тогда богатырь] восьмиконечную стрелу,
Пустил ее в щит Акилхана.
Стрела согнулась и упала на землю.
Съехались два коня вплотную,
[Богатыри] схватили друг друга за пояса,
Два пахлавана скрутили оба пояса.
Пустили они коней по майдану,
Два животных взлетели на крыльях.
Два дня и две ночи мчались оба ветроногих.
Земля в той степи каменистая —
Копыта у скакуна Багланшаха белого цвета.
На четвертый день в степи
Отстал ветроногий скакун.
Подгоняет его Тюрк Баглан,
Бьет скакуна на майдане.
Полопалась кожа у скакуна,
Мясо проступило наружу —
Ржет скакун в степи,
Отстает проклятый.
Сколько ни умоляет его Багланшах,
Скакун — ни с места.
Взял он тогда плеть
И ударил бессловесного промеж ушей —
Лопнула у того кожа,
Брызнула кровь в небо,
Но и с места не сдвинулся бессловесный конь,
Скатился со скакуна богатырь.
Закусил Акил губы в гневе.
Слетел с седла Тюрк Баглан,
Надел [Акил] на шею Баглана цепь,
Связал Тюрка Баглана сокол [своего] времени,
Потащил его к четырем пахлаванам,
Двух пленников освободили на поле боя —
Шарифкула и Амирхана.
Шесть пахлаванов уселись рядком,
А Баглана бросили в степи,
Связали ему обе руки.
У скакуна Баглана кровоточат все четыре копыта.
Задумался Тюрк Баглан:
«Встретил я в степи лису,
Слышал я от старших, что это дурная примета,
[Но] не вернулся я с пути.
Сам бросился я в силки чудовища!
Не знает Аваз-воин [, что я,]
Увы, попал в беду.
Что мне теперь делать?»
Акилхан сидит и смотрит,
Он крикнул своим спутникам:
«Давайте отрубим голову Баглану!»
Поднялся Шарифкул-пахлаван.
Прижал руки к груди
И воскликнул: «О Акилхан!
Не убивай этого богатыря,
Ведь он самый главный у Авазхана.
Аваз каждого, кого одолевает на поле боя,
Крепко связывает,
[Но] никого не убивает этот богатырь.
Так же поступил и Тюрк Баглан,
Когда одолел он нас на поле боя,

Не отрубил нам головы этот юноша.
Не пойду я, Акилхан,
На то, чтобы отрубить голову Тюрку Баглану,
Он друг Авазхана.
Пленником мы повезем его в страну Шам».
Привели бессловесного скакуна,
Погрузили на него Тюрка Баглана.
Отправились они в степь:
Посредине Тюрк Баглан,
Трое впереди него, трое — позади.
Три дня и три ночи ехали они,
Проехали реку Хумьён,
Проехали реку Джайхун,
Еще целый месяц ехали они,
Проезжали заросли и большие пустыни.
На второй месяц в страну Шам
Они въехали после вечернего намаза.
Подбежали есаулы,
Приняли поводья у семи богатырей.
Падишах Шама поглядел [на них],
Сказал Акилхан: «О есаулы,
Примите поводья у пленника!»
Спустили [с коня] Тюрка Баглана,
Подвели его к высокому трону,
Посадили на трон Тюрка Баглана.
Развязал ему руки Акилхан.
Приказал богатырь есаулам,
И [те] принесли подносы с жареным [мясом].
Поставил он поднос перед гостем,
Приказал: «Слуги,
Позаботьтесь о скакуне Багланшаха!»
Слуги пришли все, от мала до велика,
Двое [из них] подошли к бессловесному [коню],
Стали ухаживать за скакуном Баглана.
Тюрк Баглан — на золотом троне,
Три ночи оставался богатырь.
Однажды чудесным утром
Крикнул Акилхан,
Созвали всех, от мала до велика.
Посадил он в почетном углу майдана
Всех знатных стариков.
Все, хотя и немощны,
Во рту у них нет ни зуба,
Акилхан угостил их всех,
А после сытного угощения пахлавана
Все они благословили [Акилхана].
Воздели руки седовласые:
«О великий завоеватель мира, да будет острым твой меч!»
Акилхан поднялся с золотого трона,
Прижал руки к груди:
«У меня,— [сказал] он,— ко всем вам просьба, о отцы,
Мы отправились на охоту в Чулистан,
Хотели встретить Аваза-богатыря,
Появился какой-то богатырь,
Мы сразились с ним в степи.
Он пленил на поле боя Шарифкула,
Пленил он и Амирхана.
Мы оба сражались четыре дня.
Слушайте, друзья!
У коня Тюрка Багланшаха
Из копыт пошла кровь,
И я пленил Тюрка Багланшаха.
Слушайте, о друзья,
Не убить ли нам Тюрка Баглана?»
Ответил беззубый старик:
«Много богатств у Аваза,
Есть у него Ташараб и Барзу-дехканин,
На поясе у него семь железных крюков,
Порвет он сеть на небе,

Срубит он головы многим богатырям.
Слышал я от старших,
[Что] в стенах есть мыши, а у мышей есть уши.
Тюрк Баглан — славный богатырь,
Имя его известно всему миру.
Аваз не останется [один] в Чамбули-мастане
После смерти Тюрка Баглана —
Ведь они побратались,
Аваз явится следом за ним,
И [наш] восход превратится в закат.
Это нестоящее дело, о дорогой падишах,
И неблагородное дело в бою.
Возьми Тюрка Баглана,
Брось его в темницу,
Давай ему обильную пищу.
Когда же ты победишь Авазхана,
Когда не останется потомства у Гургули-султана,
Тогда у большого трона
Поговорим с Гургули-султаном».
Акилхан, муж битвы,
Тотчас отдал приказ,
И Тюрка Баглана поместили в темницу.

***

Расскажем же теперь о Чамбуле беглара.
Аваз сидел на золотом троне,
Тут же сидели правители-хакимы, авлиё,
Сидели Нурали и Шералишах.
Было начало года, весенний день [Навруз].
На грядках цвели цветы,
В саду великого авлиё
Распевали свои трели соловьи.
Эмир сказал: «О Аваз-воин,
Мы [встречаем] Новый год на золотом троне».
Аваз задумался,
Он тосковал о Тюрке Баглане
И не ответил на слова авлиё,
Не открыл тайны своего сердца воин.
Авлиё распорядился устроить пир.
Гонцы отправились по базарным рядам,
Оповестили людей о пире.
Все дурмены собрались на майдане.
Правители-хакимы [расположились] каждый на своем месте
По старшинству вокруг золотого трона,
Те же, кто помоложе,— в садах и на площадях.
Раздаются песни на площадях,
Затеяли козлодрание на майдане —
Вышли победителями Нуралихан и Шералихан,
Сыновья богатыря Авазхана.
Эмир сказал: «Сладкоголосый Саки,
Саки, где ты? Ты — свет в темной келье,
Ты — бальзам для моей раны,
Я зову тебя, о Сакимулло!
Возьми свой сетор и подойди к моему трону
О Саки, сладкоголосый муж!»
Взял Сакимулло сетор,
Подошел к золотому трону,
Преклонил колена, сел бедняк,
Настроил тридцать два лада [сетора] сладкоголосый,
Настроил сетор,
Мелодия сетора поднялась к небу.
Зарыдали в клетках попугаи и скворцы,
Спустилась с неба пара соловьев,
Потекли слезы из глаз эмира.
Сладкоголосый Саки поет:
«О небо, что же ты мне чужбину уготовило!
Я был у самой цели, а ты меня обездоленным сделало,
Я был у цели, я наслаждался жизнью,
А ты мой дом наслаждения в обитель горя превратило,

Я безумствую, я нигде не нахожу пристанища,
Ночью я брожу по улицам моей любимой, а дни провожу в развалинах.
Сладко сердцу моему, очаровательная, что пришла ты в баню
С прислужницей и рабом, со всем своим добром,
Камень целует ее ноги, когда она ступает на него,
Гребешком ее локоны я расчесал, на каждом зубце волосок,
Ее любовь — противоядие для рабов ее и соотечественников,
А чужак прольет на голову свою лишь ядовитое зелье.
Горе тому, у кого нет брата,
Он подобен бескрылой птице на земле.
Если ты дашь полную полу золота и купишь брата,
То разве за золото купленный брат — истинный брат?
О, сотни сожалений, что мы молодыми умерли,
В расцвете жизни своей мы умерли.
Вот клочок бумаги для письма к любимой,
Напиши на бумаге: „Мы на чужбине умерли"».
Как только пропел эти байты сладкоголосый Саки,
Застонал Аваз-богатырь.
От стона Аваза-пахлавана
Задрожало все крутом.
«Друг мой любимый,— сказал он,— где ты?
Разлучился я с Тюрком Багланом!»
Аваз сказал: «О эмир-султан,
Такая жизнь для меня — не жизнь!
Вот уж год, как нет Тюрка Баглана,
А Аваз-богатырь — в Чамбуле.
Жизнь без Тюрка Баглана
На земле Чамбула — не жизнь
Для Аваза-богатыря.
Благослови меня, эмир-султан.
Тюрк Баглан в плену в Чулистане,
Я пойду за Багланшахом,
Ибо договор [о дружбе] мы заключили между собой,
Жизни без Баглана
Не желаем ни малу, ни велику».
Эмир приказал слугам:
«Снарядите ветроногого гнедого коня,
Приведите его к пруду,
Помойте все тридцать два пятнышка на теле ветроногого».
Есаулы побежали,
Взяли за недоуздок бессловесного коня,
Повели его к пруду султана.
В их руках мускусное мыло,
Обмыли они круп животного,
Расчесали гриву крылатого самшитовым гребнем.
Грива животного — волосок к волоску,
Пряди ее словно весенние облачка.
Хвост его словно шелк,
Словно крылья скакуна эмира,
Привели бессловесного [коня]
И у крепости эмира-султана
Привязали его к золотому крюку.
Принесли слуги снаряжение [коня].
На спину животному положили обшитый золотом бархатный подседельник,
С обеих сторон надели кундузские покрывала,
Туркменские седла положили на крылатого,
Семь подпруг подтянули одну за другой,
Потник положили на спину животного,
Коврики положили один на другой,
Затянули подпругу, ее звенья из золота,
Попону из золота положили сверху.
Надели нагрудные ремни [с украшениями] из серебра и золота.
Прибрали гнедого коня.
Аваз поднялся с золотого трона,
Надел на голову шлем,
Надел на тело мраморные латы,
Грудь прикрыл семью щитами,
К поясу привязал кинжал.
Все снаряжение — на нем,

А с двух сторон собраны пряди волос.
В руки взял лазуритовое копье.
[Тут] поднял руку авлиё:
«О Аваз-богатырь,
ерный друг Тюрка Баглана!
Тюрк [Баглан]—друг нам всем.
[Так] возвращайтесь [же] невредимыми оба».
Отошел Аваз-богатырь
От трона эмира-султана.
Два львенка Авазхана
Закричали вслед богатырю:
«И мы пойдем, дорогой отец,
Вместе с тобой в Чулистан!»
Аваз сказал: «О сыновья,
Я буду молиться за вас,
Вы же отправляйтесь в Балхубан,
Чтобы не волновалась ваша мать».
Аваз, могучий лев, подошел
К крылатому Зайналкиру.
Вдел богатырь ноги в стремена,
Выпрямился на бессловесном коне,
Пустил бессловесного вскачь.
Подъехал бессловесный гнедой конь
К покоям Гулынирмо,
Гулынирмо помахала ему рукой вслед.
Выехал из Чамбула могучий лев.
Скачет конь авлиё,
А утром уже у мутной речки Чамбула.
Зайналкир султана
Словно на крыльях летит по полю.
На седьмой день приученный конь
Проскочил четыре реки
И оказался в Гульрухане.
Осмотрел [Аваз] степь Гульрухана,
В руке у Аваза-воина подзорная труба.
Нигде не увидел он следов пыли.
«Не дает мне бог удачи»,— сказал он.
Отпустил он поводья ветроногого,
Проехал Гульрухан,
Наступило утро, взошло солнце.
Подъехал он к берегу реки,
Отпустил поводья ветроногого,
Оглядел реку Пандж.
Целый месяц скитался Авазхан
И подъехал к Хиндустану.
Задумался богатырь:
«Уже кончились у нас запасы еды,— сказал он,-
А страна Хиндустан показалась [нам],
О крылатый Зайналкир,
Не забудь, что я твой хозяин.
Я превращусь в каландара».
Он произнес заклинания священным именем.
И вот — дервишский колпак у него на голове,
Благодарующая тыква — у золотого пояса,
Дервишское рубище — на теле его.
Произнес он молитву над горстью земли,
Прочитал заклинание в степи.
Ударил по голове ветроногого гнедого коня,
Зайналкира султана,
И изменилась масть коня.
На обе ноги захромал бессловесный,
Оба глаза у него загноились.
Божественную песню запел каландар,
Поет он от всего сердца,
Поет чужбинную песню «Гариби» молодец.
Тоска в груди богатыря,
Он грустит о Тюрке Баглане.
Попугаи и скворцы на базаре стонут,
Соловьиная пара спустилась с небес,

Из сухой земли просочилась вода.
На базаре Хиндустана раздались стенания,
Все лавки заброшены,
Серебро и золото потекли к нищему.
Наступило время вечернего намаза.
Семь богатых купцов
Пригласили нищего в гости.
Обильную пищу и напитки
Расставили перед нищим.
Разговаривают меж собой купцы:
«Откуда он, бедняк?
Уж очень хорошо поет гость!
Ты пел, нищий, [— сказали,—]
И сердце нам истерзал.
Наше богатство в лавках мы разделим с тобой».
Каландар сказал: «О друзья,
Я из страны Катилхана,
Нищим я брожу по земле.
Не нужны мне серебро и золото,
Лишь крошки я возьму на пропитание малым детям.
Что мне делать в лавках и мастерских?
Утром я снова отправлюсь в степь...»
Стали говорить меж собой два больших купца,
Сказали они: «Мы ездили торговать в страну Шам,
Правителем в той стране был Акилхан.
Он ездил на прогулку с шестью богатырями,
И на перекрестке дорог в Чулистане
Встретили они Тюрка Баглана.
Они думали, что это Аваз-богатырь.
Затеяли битву в поле,
Семь ночей и семь дней сражались они в степи,
Двух богатырей победил Тюрк Баглан.
Вышел на бой сам Акилхан
Против Тюрка Баглана.
Они сражались на майдане.
Акилхан одолел Тюрка Баглана
И привез его в страну Шам».
Сказали это купцы,
И узнал тогда тайну Аваз-воин.
Воскликнул «немощный старец»:
«Сколько дней прошло, как вы уехали из страны Шам
 Отвечали они: «Вот уже два месяца, как мы приехали.»
Ужас охватил богатыря...
Наполнил он всякой едой свой хурджин,
Погрузил его на бессловесного коня
И выехал с базара Хиндустана
По густым зарослям [и лесам],
По всем бескрайним степям,
У которых нет ни начала, ни конца.
По горам и долинам скачет конь авлиё.
Десять дней и десять ночей ехал богатырь
И подъехал к перекрестку больших дорог.
Выбился из сил Авазхан,
Отпустил он гнедого коня в степь.
«Будь, что будет»,— сказал он,
Погрузился в сон богатырь...
Вернулся громадный дэв.
[Он] взял [с собой] семь красивых периподобных юношей,
[Таких же], как сам Аваз-богатырь.
Дал им семь бессловесных коней,
Посадил их на ветроногих коней,
Дал драгоценные товары
И привел их к Авазхану.
Разбудил он в степи Аваза.
Аваз встал и смотрит: семь юношей
Явились вместе с громадным дэвом.
Спешились они,
Поклонились Авазу-воину,
А предводитель их, громадный дэв,

Нагрузил два сундука товаров на гнедого коня султана,
Сел на коня Аваз-богатырь.
Дэв сказал: «О Авазхан,
Когда явишься в страну Шам,
На золото не зарься,
А завоюй сердца людей,
И народ пойдет по твоему зову.
Раскрой тайну тамошнего падишаха.
[Если] народ не пойдет за тобой, богатырь,
Ты сам попадешь в силки.
[А если] народ пойдет за тобой
И послушает тебя, о воин,
Ты, может быть, избавишься от беды».
Так наставлял его тот [дэв]-богатырь...
Семь красивых юношей отправились,
Вместе с ними –Аваз-богатырь.
Аваз-богатырь рвет на себе ворот рубашки:
«Хоть бы застать мне живым Тюрка Баглана!»
Несколько дней и ночей Ехали они по степи.
На двадцатый день утром
Добрались [наконец] до Шама,
Въехали [в страну] восемь всадников,
А еще через три дня и три ночи
Прибыли на большой базар.
Спешились восемь гостей,
Поставили лавку, приходят люди,
Говорят: «Сейчас нет торговли».
Не стали торговать они до следующего дня.
Наступил полдень следующего дня.
Купили они барана,
За барана уплатил Аваз-воин.
Пригнали барана все вместе.
Зарезали его на базаре, зажарили.
Наступило время вечернего намаза...
Позвали они купцов Шама,
Оказали уважение и малым и большим.
После угощения [все] помолились,
Собрались на беседу и стар и млад,
Три часа говорил Аваз-пахлаван,
Назвал он себя и [своих спутников жителями] великого Хисара.
Сказал Аваз: «О друзья,
В какой стороне дорога на Чамбул?»
Купцы сказали: «А к чему тебе Чамбул, о гость?»
Аваз ответил: «У меня в Чамбули-мастане серьезное дело.
Была у меня сестра Гульхираман,
Украл ее Аваз-богатырь.
Я не знаю, волшебник ли он или знахарь,
Его, безродного, называют лукавым,
Он произносит заклинания
И превращается в каландара.
Он появился в стране Хисар,
Проник в наш сад,
Превратился в девушку
И похитил, безродный, Гульхираман.
Одна дочь была у отца,
Я в тоске по ней плачу каждый день,
Нет у меня больше ни сестрицы, ни братца».
Закончил Аваз свой рассказ.
Тут заговорили купцы Шама,
Сказали они: «О великие купцы,
Так ли уж находчив Аваз-богатырь?
Из степи привезли [сюда] Тюрка Баглана.
[Вот уже] полтора года, как он в зиндане,
Его ноги – в тяжелых колодках,
[Он] в руках Акилхана.
Если Аваз [на самом деле] так мудр,
А Тюрк Баглан его побратим,
Неужели он так и не придет [за ним]?»
Аваз сказал: «О великие купцы,

Если так случилось в степи,
Видать, умер Аваз-воин,
Раз за [эти] полтора года [сюда] не явился богатырь.
Отправлюсь-ка я в путь,
Разузнаю все в Чамбуле,
Разрушу страну Чамбул,
Разузнаю я о Гульхираман».
Так сказал Авазшах...
Наступило утро.
Приказал [Аваз]: «Начинайте торговать!»
Открыли они сундуки,
Вытащили товары для продажи.
Явились большие купцы,
Пригласили их в лавку.
Все купцы уселись рядом,
Все собрались вместе,
Начали они беседовать с гостями.
Снова наступило утро.
Заныло сердце у Авазхана,
От горьких дум остались от него лишь кожа да кости.
Места себе не находит мужественный богатырь,
Еле теплится в нем душа.
Взял он два золотых подноса
И пошел по базарным рядам
Мимо дверей палаток и шатров.
[Вдруг] увидел он трех нищих. Подошел воин,
Встал перед тремя нищими Авазхан,
Сказал [Аваз]: «О беспомощные!»
И отдал им оба подноса с золотом.
Трое нищих помолились [и сказали:]
«От всякой болезни есть лекарство,
Пройдет и твоя боль, о наш друг».
Аваз вернулся обратно.
Трое нищих стали радоваться,
Все трое спрятали золото:
«Кто-нибудь не выхватил бы его из наших рук».
Трое нищих пошли, радуясь.
Пришли они к себе домой.
Навстречу [им] вышли [их] старухи, горько плача:
Детям кушать нечего».
«Не печальтесь,— сказали они,— о дорогие душеньки-старушки.
Господь дал нам пропитание,
Конечно же, не отнимет его у нас».
Уселись нищие по домам,
Запрятали золото,
Взявши с собой понемногу,
Пошли, отправились на базар,
Чтобы купить еду.
Принесли ее с базара.
Когда соседи заснули,
У нищих запылал очаг.
Замесили тесто старухи,
Испекли лепешки.
Детей у нищих — куча,
Разбудили они их всех,
Посадили за еду в один ряд,
Едят лепешки дети,
Смотрят на них отец и мать.
Простирают руки в молитве,
Без конца благодарят бога:
«Дал нам пропитание богатый купец,
Приехал этот гость издалека,
Он из великого Хисара,
[А] люди Хисара гостеприимные».
Положили спать детей.
Взошло солнце на небе.
Трое нищих пошли по соседям,
Купили масла,
Расстелили все трое дастарханы

Перед Авазом-богатырем.
Аваз многоискусный крикнул
И позвал богатых могучий лев.
Все богатые уселись вместе,
Поели лепешек.
Аваз благословил [нищих],
Наполнил их блюдо золотом,
Завернул [блюдо] в дастархан богатырь
И отдал блюдо им в руки.
Сказал Аваз: «О бедняки,
Пусть не будет раздора между вами».
Встали они, все трое прочитали молитву,
Уселись рядком, делят золото
И благословляют Аваза.
Наступило время вечернего намаза,
Аваз зарезал еще одного барана,
Позвал богатых купцов,
Поставил обильный плов.
Выведывает тайны их страны богатырь..
Два часа провел с ними.
Внимательно слушает, их Аваз-воин.
Снова зашла речь о дурменах,
Речь – о Тюрке Баглане.
Говорят между собой богатые купцы:
«Если приведет войско Авазхан,
[Ведь] у дверей темницы двести богатырей»
«Не хватит силы у Авазхана» –
Так говорили [купцы, собравшись] в лавке..
Затрепетало сердце у Авазхана.
Десять дней вели [его спутники] торговлю.
[И вот] отправились в заросли семеро юношей
На расстоянии одного дня перехода от того города
Аваз благословил семерых юношей,
А сам вернулся обратно,
Наступил полдень.
Загородили ему дорогу богатыри,
С ним в разговор вступили караульщики:.
«Откуда ты, о юноша?
Мы здесь караулим дорогу.
Ты не Аваз ли богатырь?»
Он сказал: «О шестьдесят богатырей,
Что плохого сделал вам Авазхан?»
Отвечали они: «Он враг нашего великого [царя].
Акилхан-пахлаван привез Тюрка Баглана.
Если явится Авазхан, он разрушит нашу страну».
Аваз сказал: «О друзья,
Если вдруг явится Аваз,
Что вы сделаете с ним?
Если вы преградите путь богатырю,
Вам не жалко будет своих детей?»
Они сказали: «О гость,
Мы отрубим ему голову мечом».
Аваз отошел назад, вынул золотое копье,
Конец копья под мышкой у него,
Острие копья между ушами ветроногого.
Блеснуло в воздухе острие копья.
Растерялись шестьдесят богатырей,
Не в силах сдвинуться с места на поле боя.
Живыми связал их сокол своего времени,
Бросил богатырей на поле боя.
Наступил вечер.
Встал с места Аваз-воин,
Произнес [Аваз] заклинание
И принял облик каландара:
На теле его – рубище, на голове – дервишский колпак.
Направился дервиш в сторону города.

***
Расскажем о шестидесяти богатырях.

Один из них добрался до страны Шам.
Голова его и тело покрыты кровью,
Прошел он на большой базар,
Не разговаривает с людьми,
Устал его ветроногий конь-ашкар.
Кто бы его ни спрашивал: «Эй, парень, в чем дело?»,
[Он только оглядывался:] одним глазом вперед, другим – назад.
От страха перед Авазом он не находил слов.
Язык его совсем одеревенел во рту
От страха перед Авазом-богатырем.
Подъехал он к крепости падишаха.
Есаулы приняли у него коня-ашкара,
Он поднялся к золотому трону.
Вдруг Акилхан посмотрел
И сошел к нему с золотого трона:
«Рассказывай, о богатырь!»
А [тот] и слов не находит.
«Есаулы,– крикнул [Акилхан],– принесите воды!»
Есаул побежал.
Великие везиры дали ему воды.
Когда выпил он немного воды,
Наполовину пришел в себя.
Везиры сказали: «Ну, говори же, богатырь!»
«Что сказать вам, о дорогие друзья?
Появился Аваз-богатырь!
Только я один спасся,
А других богатырей он одолел в степи –
Живыми связал их Аваз-воин».
Растерялся падишах,
Велел кликнуть клич по большому базару:
«Коли ты воин – не медли,
Коли ты спишь – проснись,
Коли проснулся – готовься,
Коли готов – садись [на коня],
Коли сел на коня – скачи вперед!
Враг появился у ворот!»
Пронесся призыв по базару,
И войско всадников уже в поле.
Клич пронесся по горам,
И под знамена встали всадники.
[Стоит] отряд на черных лошадях в степи
С черным знаменем в руках,
Отряд на бурых лошадях – сзади,
Синее знамя [реет] в воздухе,
Все высыпали из больших шатров
И направились в Чулистан.
Навстречу вышел немощный старец,
Конь его еле бредет по майдану,
Посохом бьет его старец.
Поравнялись с ним богатыри,
Спрашивают каландара:
«О отец, не видел ли ты какого-нибудь всадника?»
«Я очень голоден, братцы,– сказал тот,–
Дайте мне кусок лепешки,
А потом я поведаю вам о тайнах мира».
Дают старику лепешку.
Тогда он воскликнул: «О богатыри,
Я видел всадника на буром коне, сыновья.
Мне показалось, что голова его коня достает до неба.
Я не знаю, побили ли его богатыри или он прорвался сюда.»
Падишах щелкнул плетью и поскакал.
Двинулось знамя за знаменем.
Один отряд спешился перед пленными,
И оставшихся в живых они освободили в степи,
Дали им поесть.
Затем заговорили богатыри:
«Что сказать нам, о падишах?
Аваза лучше и не встречать,
Его конь взлетает в небо».

Войско двинулось в степь...

***

Вошел каландар в город,
Он поет по базарным рядам.
Все старухи и бедняки,
Дети которых ушли на войну в степь,
Преподносят нищему поднос с золотом:
«О отец, помолись –
Может, вернутся наши дети из степи».
Каландар [же] говорит: «О матери,
Я видел, как сражается Авазхан,
Богатырь не воюет с простым народом.
Богатырь вызывает противника,
С тем, кто против него,
С тем лишь он и воюет, о дорогие матери.
Когда богатырь начинает бой,
Он трижды восклицает:
„Если ты одинок и беден,
Если ты из простого народа,– уходи с поля боя!
Аваз воюет только с правителями и богачами!»
Заплакали все старухи,
Стали молиться за юношу [Аваза]:
«Если таков Авазхан –
Да ниспошлет ему бог счастье в обоих мирах!»
Каландар прошел по базарным рядам.
По всем рядам пел старец.
В большой конюшне
Он увидел скакуна Баглана.
[А тем временем] войско шло по степи.
Десять дней пел нищий старик,
Войско [же] перешло две реки.
[И вот,] дождавшись вечернего намаза,
Аваз решил действовать ночью.
Нет [больше] на голове [его дервишского] колпака,,
Нет рубища на теле –
На поле боя вышел могучий лев.
Достиг многоискусный дверей темницы.
У дверей стояли десять караульщиков –
Все остальные ушли в Чулистан.
В руках Авазхана копье,
Встал у дверей темницы юноша.
Заплакали караульщики:
«Мы и не хотим биться, о Авазхан,
Мы не виноваты, о богатырь,
Мы только сторожа у дверей темницы».
Аваз сказал: «Откройте двери темницы,
Выведите,– сказал он,– Тюрка Баглана».
Отворили двери темницы,
Сняли оковы с ног богатыря,
Вывели Баглана из темницы.
Солнце взошло на небе.
Повел он Баглана на большой базар
Обнялся с Тюрком Багланом.
Тюрк Баглан заплакал.
Засмеялся Аваз-пахлаван:
«Не будь малодушным, о Баглан!.
Чтобы после моей и твоей смерти
Никто не мог сказать, что мы были трусливы.
После нашей смерти, о Багланшах,
Наших имен никогда не забудут».
Приободрил он Баглана.
Приказал Аваз-воин,
Привели бессловесного коня,
Вынесли снаряжение на майдан,
Приказал Аваз-воин,
Разбил он оружейную кладовую падишаха,
Дал Баглану одежду,
Дал боевые латы и золотое копье,

Надел сам боевое снаряжение.
Аваз-пахлаван подъехал к горе Альбурс
И утром поднялся на гору.
Он увидел: [стоит на выстойке] конь-ашкар Ташараб
Заржал бессловесный конь.
Вышел Ташараб-пахлаван, заметил Аваза.
Обрадовался Ташарабшах:
«Скажи мне что-нибудь, о Аваз-воин!»
Аваз сказал: «Не время сейчас разговаривать, богатырь,
Неси свои боевые доспехи!»
Вернулся Ташараб,
Надел боевые доспехи.
К поясу привязал кинжал,
Взял железные крюки богатырь.
С горы Альбурс оба мужа битвы
Решили идти в Чулистан.
Войска Акилхана несметны,
Они направляются в Чамбули-мастан.
Расскажем же про Аваза и Ташарабшаха.
Два богатыря встали рядом,
Словно два брата.
Ударили в боевые барабаны оба богатыря –
Раздался грохот их барабанов.
В войске поднялось смятение.
[Кони] вырываются из рук своих хозяев,
Кони впереди, а хозяева-—-за ними.
Закричал Аваз-воин.
Он сказал: «Человек ли ты из народа,
Беден ты или слаб,
Если ты одинок, уходи с поля боя.
Зовут меня Аваз-богатырь,
Копье мое пробивает кремень,
Я сын эмира-султана!»
Видит Акилхан: Выходит на поле Аваз-воин.
Наскакивает на врагов Ташараб-пахлаван,
[Словно] голодный волк на отару овец,
[Словно] месяц на тучу небесную,
[Словно] овод на стадо гуртовщика,
[Словно] лев на табун в Хорасане.
Бьется Аваз-богатырь.
Мертвые падают, как осенние листья,
Кровь его врагов [течет словно] река Джайхун.
Вышел Акилхан-пахлаван.
Он сказал: «О Аваз-воин,
Богатырь авлиё,
Из поединка со мною не уйти тебе живым,
Я снесу тебе голову с плеч долой!»
Смеется Авазхан; зубы у него—жемчуга.
Блеск его зубов осветил все поле боя.
Акилхан рядом с ним
Он на своем коне-ашкаре.
От блеска зубов могучего льва
Покинул [Акилхана] рассудок.
Засмеялся Авазхан: «От одной улыбки моей, о богатырь,
Ты обезумел, о Акилхан.
Не ошибаешься ли ты?!
Снесу я тебе голову с плеч долой,
Ты еще не знаешь, что такое удар Авазхана!
Я громадных дэвов одолевал,
Иди, уступаю тебе очередь для удара!»
Акилхан отошел назад
И сказал: «О Аваз-воин,
Я не Тюрк Баглан,
Имя мое – Акилхан,
Я богатырь из страны Шам,
Я разрушил несколько государств,
Я снесу тебе голову с плеч, Аваз-богатырь.
Тебе я уступаю очередь для удара, о богатырь!»
Оба пришпорили коней, отъехали назад,

Оба коня взлетели на крыльях.
Ударили [богатыри] копьями по латам друг друга
Загремели латы у обоих,
Копья полетели в воздух.
Пустили они коней по степи,
Несутся два коня по полю.
Глядит Ташараб Вместе с Нурали-богатырем,
Оба они наблюдают за битвой,
А Тюрк Баглан готовит им пищу.
Аваз с Акилханом
Снова ударили в барабаны.
Оба они — украшение поля боя.
Золотые короны на их головах.
Авазшах одолел Акилхана
И вместе с Ташараб-пахлаваном
Подъехал к Тюрку Ваглану.
Встал тот богатырь,
Принял поводья у обоих.
Акилхана [Аваз] отдал в руки Багланшаха.
[И вот уже] ставят подносы в ряд
И дали поесть пленникам на майдане.
Развязал богатырей Авазхан,
Всех их усадил на майдане.
Нурали [один] остался в седле,
Аваз кричит ему вслед:
«Да буду я жертвой твоих кудрей, Нурали!
Веди себя справедливо на поле боя!»
Нурали пустил вскачь ветроногого коня,
Ташараб следом за ним вскочил в седло,
И Тюрк Баглан, муж битвы,,
Вскочил на своего бессловесного' скакуна.
Выстроились три всадника,
Ударили в барабаны на лужайке.
Гремят барабаны всех троих,
Разносится гром их барабанов по стетам-
Войско Шама испугалось.
«Выходи, противник!» — сказал Нуралишах.
Никто не выходит на поединок.
Старшие отделились,
Совещаются между собой,
Слушают слова старшего.
Алим, седовласый муж,
Сказал [им]; «О друзья,
Выслушайте мои слова.
Это сын Аваза-богатыря,
Его копье пробивает кремень,
Он одолел многих богатырей.
Авазхан не злобен,
Ударьте в барабан радости.
Акилхан уже схвачен на поле боя.
К чему же этот поединок?»
Ударили везиры в барабаны радости.
Гром барабанов радости разнесся по всему майдану.
«Слава тебе,— сказали,— Нуралишах!»
Нурали пришпорил коня, отъехал обратно,
Он спешился перед желанным Авазом,
Спешились и Ташараб и Баглан,
Богатыри Акилхана
Подошли и прижали руки к груди,
Знамена боевые в их руках,
Они приветствовали Аваза-пахлавана:
«Салом алейкум, Аваз-ботатырь!»
Ответил на их приветствия богатырь.
Все спешились — от мала до велика.
Увидели Акилхана на майдане,
Перед ним поставлены подносы с едой.
Сказали они: «Почет тебе, Акилхан,
Но власть — у Аваза-богатыря;
Мудрость — у Аваза-пахлавана.

У него тридцать две уловки [в мире],
В любой стране, какую бы ни завоевал он.
Наделили ли Аваза богатой добычей?
Ведь честно он ведет сражение на поле боя.
Когда он вызывает на бой,
Три раза он отдает очередь для удара,
Он и мудрый и ученый,
Есть у него ветроногий конь,
Разумен этот конь авлиё».
По приказу Аваза приготовили угощение,
Угостили всех, от мала до велика,
Всем людям угодил богатырь.
Когда взошло солнце,
То и вовсе отпустил всех пленников Аваз-воин.
Воскликнул Аваз-богатырь;
«Что ты хочешь, о Акилхан?
Ведь не я пошел на тебя войной,
Ты [же] услышал про мою славу,
Захотел помериться с Авазом силой, о Акилхан,
Ты принял Тюрка Баглана за Авазхана,
Тюрк Баглан ни в чем не виноват.
Это ты пленил его в степи,
Так что на меня не обижайся!
Скажи мне, что ты хочешь –
Покориться или угодить в темницу?»
Акилхан ответил: «О богатырь!
Лукавый из Чамбули-мастана,
Ты победил меня, о богатырь!
Считай, что страна Шам – это твоя добыча!»
Аваз ответил: «О друзья,
Не пристало нашему роду мстить [противнику],
Нам довольно и нашей добычи, о Акилхан,
Остальное пусть останется тебе в стране Шам,
Роющий колодец [другому] сам в него попадет.
Ты лучше познакомься с Чамбули-мастаном,
Чамбул недалека отсюда, богатырь!»
«Ладно»,– ответил Акилхан.
Отправились все в Чамбули-маетан.
Аваз подъехал к золотому трону,
Слуга принял у него Зайналкира.
Привязал гнедого в конюшне из золота,
Под копытами у него – мрамор,
Кормят его свежим кишмишом,
Поят его сладкой медовой водой.
Собрались все правители-хакимы.
Из добычи Тюрка Баглана
Наградили всех одеждой, [одели всех] с головы до ног
Вскочил многоискусный Тюрк Баглан
На крылатого скакуна,
Получил он благословение от авлиё,
Выехал из Чамбула шахского,
Миновал ворота [дворца] эмира,
Направился могучий в Балхубан.
Выбежала [ему навстречу] из покоев Гульхумор,
Раскрыла ворота дворца Аваза-воина –
Въехад [домой] Тюрк Баглан.
И на этом закончим дастан.

XVIII. СКАЗ О ТОМ, КАК НУРАЛИ ОТПРАВИЛСЯ НА ОХОТУ С СОРОКА МУЛЛАМИ ИЗ ЧАМБУЛА И САКИ.

Однажды утром поспорили сорок учеников мулл Чамбула.
Алимхан, сын Ахмадшаха,
Сказал: «Я потомок сильных богатырей!
Мой отец – самый знатный в Чамбуле».
Ташпулат, сын Гулюсуфхана,
Сказал: «[Нет], мой отец самый знатный человек».
Разгорелся спор между учениками и Нуралиханом
Перед их учителем,
В медресе авлиё.

Учитель воскликнул: «О сорок юношей,
Решайте свой опор у трона султана Гуругли».
Сорок учеников бросили книги в большую пинту
Получили благословение от учителя
И вышли из школы.
Подошли они к золотому трону,
Сорок [учеников], скрестив руки на груди,
Сказали: «Салом алейкум, светлейший беглар!»
Приветствовали авлиё.
Сорок учеников преклонили колена и сели.
Руки Алимхана прижаты к груди.
«Просьба у меня к тебе,— сказал он,— светлейший беглар».
«Говори, Алимхан»,— откликнулся [Гуругли].
«Что ж мне говорить,— сказал [Алимхан]— эмир-султан?
Кто из нас всех, кто находится у твоего трона, более благородного происхождения?»
Опустил глаза эмир.
Засмеялись, услышав вопрос, Аваз-воин
И правители-хакимы.
Алимхан сказал: «Почему ты не отвечаешь, эмир-султан,
Кто же из нас, что у твоего трона, из рода правителей и богатырей?»
Воскликнул Аваз-воин: «[Что же] ты не отвечаешь им, авлиё?»
Эмир сказал; «Всех нас старше Ахмадхан,
Пусть он и отвечает им».
Ахмад же воскликнул: «О авлиё,
Слово за тобой.
Ответь им падишах!»
Эмир воскликнул: «Правители-хакимы,
Если вы согласны,
Мы назначим старшим Саки-муллу
[И] благословим [их всех, учеников,] выехать в степь,
Пусть пойдут они на охоту.
Пусть расскажет о них Саки-мулла!»
Все согласились с этими словами.
Воскликнул Саки-мулла;
«Не пойду я с ними!»
Стали попрекать его Аваз и авлиё:
«Что случилось, почему ты не пойдешь, Саки-мулла?»
Отвечал он: «Смотрите, если что-нибудь случится, то отвечать будете
Эмир [снова] попрекнул Саки, а за ним и Аваз;
«[Ладно], чтобы ни случилось,— мы отвечаем!»
Сорок учеников подготовились у золотого трона к походу.
Подготовился и предводитель их — Саки-каландар.
Каждый принес военные доспехи для сына.
На головы надели золотые короны.
И Нурали возложил на голову золотой венец.
На ноги натянул сапоги-вездеходы,
И шлем надел он, молодец,
Грудь прикрыл, семью щитами,
К поясу привязал кинжал,
На тело надел мраморные латы,
В руки взял копье лазуритовое.
Прикрепил восьмиконечную стрелу, могучий лев,
И сказал: «Благослови меня, светлейший беглар».
Поднял руку авлиё.
За ним — все дурменское племя.
Предводитель Саки выехал в степь,
Выехали из Чамбула сорок учеников.
В степи Гульрухан
Они положили на майдане кремень-камень.
Саки сказал: «Друзья,
По очереди ударьте копьем по камню».
Первый попросил благословения сын Ахмадхана.
Вскочил на коня Алимхан,
Конец копья — под мышкой у него,
Острие копья — между ушами ветроногого,
На четверть выступает копье.
Отъехал он на расстояние одного перехода,
Потянул за повод, чуть попятился назад,
Загремели мраморные латы.

Конь-ашкар Алимхана взлетел на крыльях.
Ударил копьем о кремень-камень –
Копье Алимхана сломалось,
Острие копья взлетело к небу –
Алимхан готов был умереть [от стыда].
Натянул поводья, отъехал назад,
Спешился перед Саки-муллой.
Наступила очередь Нуралишаха.
Встал с места златокудрый,
Подошел к гнедому коню,
Поцеловал ему четыре копыта, погладил его по глазам.
Отъехал Нурали на расстояние одного перехода.
Конец копья – под мышкой у него,
Острие копья – между ушами ветроногого.
Натянул он поводья, чуть попятился назад,
Разогнал коня Нуралишах,
Ударил копьем о кремень-камень на майдане –
На семь кусков раскололся камень,
И осколки его полетели к небу!
Саки сказал; «Слава сыну Авазхана!»
А вам всем только отрубями бы и питаться».
Стал скандалить сын Ахмадхана:
«Я не согласен с тобою, Саки-мулла!»
Саки ответил: «У льва родится львенок, дети!»
Саки впереди, дурмены за ним,
Отправились они [еще дальше] в степь.
Двух бегающих уток увидел Саки-мулла.
Он воскликнул: «О друзья,
[Видели ли] вы двух уток?»
Сорок учеников посмотрели на двух уток.
Саки сказал; «Окружите их плотным кольцом –
Мимо кого проскользнут они,
Голову с того сниму!»
Выстроились в ряд все ученики.
Две утки шепчутся в поле:
«О сестрица,– Сказала одна,– ты видишь Саки-муллу,
Нурали и учеников.
Давай превратимся, сестрица, в голубок и перелетим
Через голову Саки-муллы –
Тогда он не снимет головы ни одному из учеников,
Я ручаюсь за это».
Произнесли они заклинание –
Мигом превратились обе в голубок
И через голову Саки-муллы
Поднялись в воздух.
Сорок учеников посмотрели им вслед,
А Саки готов был умереть со стыда.
Никто не бросился за ними,
[Только] Нурали припустил гнедого коня авлиё,
Погнался за двумя голубками, красавицами-розами.
Две розы летят по небу,
А Зайналкир мчится по черной земле.
Десять ночей и десять дней скакал Нуралишах.
Показалась пещера,
Две розы скрылись в пещере.
Нурали осадил коня и повернул обратно.
[А] пещера была жилищем черного дэва.
Дэв вышел поохотиться в степь.
Он увидел златокудрого юношу:
«О юноша,, ты пери или человек?
Ты дух или, тело, что тебе здесь нужно?»
«Я не пери и не черный дэв,
Я земной человек в степи».
Натянул поводья Нуралишах,
Отъехал на расстояние одного перехода,
Разгневался львенок, ударил в барабан.
«О черный дэв,– сказал он,– я сын Аваза-воина,
Я пришел сюда за двумя красавицами,
Две девушки скрылись в пещере,

Я явился за девушками.
О дэв черной пещеры, не избежать тебе поединка со мной!»
Дэв зарычал — конь Нурали отпрянул,
Отлетел на расстояние одного перехода,
[Но] Нурали натянул узду и повернул коня обратно,
[Вновь] встал он перед черным дэвом:
«Эй, проклятый дэв, читай свою последнюю молитву!»
Дэв замахнулся палицей на воина,
Понесся вскачь гнедой конь авлиё,
Пробежал по степи на расстояние одного перехода,
Черный дэв хохочет
Над бегством коня Нуралихана,
А проклятый [дэв] кричит.
Палица дэва ударилась о землю.
Нурали, могучий лев, взял копье,
Ударил он копьем дэва на майдане:
Семь крепких лат на дэве лопнуло,
И полетел он вверх тормашками.
Храбрый львенок Авазхана
Отрубил голову дэву на поле боя.
[Потом], произнеся заклинание, [обернулся каландаром].
Нуралишах отправился за двумя пери.
Одна из пери сказала: «О сестрица,
Вернемся в пещеру поскорее,
Нурали не уйдет из наших рук, сестрица».
Две девушки, запрокинув головы, посмотрели —
Сверху показался нищий.
Девушки увидели немощного,
Сказали [они]: «О дед, дорогой дедушка,
Да будем мы твоей жертвой, жертвой твоего колпака.
Ты пришел сверху,
Ты нигде не видел всадника?»
Нищий воскликнул: «О девушки,
Я видел породистого коня,
А хозяина его нигде не видно!»
Вышли две девушки, горько плача,
И увидели Зайналкира султана.
А хозяин его пропал.
Девушки подошли к нищему:
«Побирушка-дед, ей-богу, ты убил Нурали!
Скажи, куда ты дел Нурали?»
«Брожу я по свету всю жизнь,
Уже стукнуло мне без двух восемьдесят лет,
[Но] не видел я Нурали,
Не позорьте меня, несчастного!»
«О побирушка-дед,
Ты заплатишь своей кровью за Нурали!»
Они схватили за руки немощного,
Посадили его на коня султана:
«Достань нам хозяина коня!»
[Тот] клялся, божился: «Не видал я Нуралишаха!»
Каландар снял с головы колпак,
Кудри его рассыпались по плечам.
Две девушки увидели, что это и есть мулла [Нурали],
И бросились ему в ноги:
«Прости наш грех!»
«Я простил вас, девушки.
Садитесь-ка скорее на гнедого коня!»
Сел на коня [и] Нуралихан,
Две розы сзади на бессловесном коне.
Направились в Чамбули-мастан,
Сзади на лошади — две луноликие.
Десять дней и десять ночей ехал Нуралишах.
[А] сорок учеников из Чамбула авлиё
Охотились на газелей.
Трапезничают они в степи.
Ожидают Нуралишаха:
«Когда же вернется сын Аваза-воина?»
Однажды в полдень

Беседовали они
[И вдруг] увидели издалека гнедого коня,
[А] на коне увидели Нуралишаха,
Алимхан закричал: «Дедушка Саки!»
Саки закричал: «Останови Нуралишаха!
Отрубим ему голову,
Заберем обеих девушек
И привезем их в подарок авлиё.
Если привезет сын Аваза-воина двух девушек,
Не прибавит он чести нашим отцам!»
Саки сказал: «Друзья,
[Коли поступим так] — еще сильнее запятнаем нашу честь».
Сын Ахмада сказал: «О Саки, [тогда] я отрублю тебе голову!»
[И] вынужден был Саки пойти за Нуралишахом.
Встал, пошел бедняга,
Подъехал тут Нуралишах.
[Прижал] Саки руки к груди:
«Салом алейкум,— сказал [он],— братец!
Давай раздели с нами хлеб-соль в нашем шатре,
А затем все отправимся в путь».
Саки вернул Нуралишаха с дороги,
Поставили коня авлиё на выстойку.
Нурали разбил шатер и палатку —
Две девушки в золотом шатре.
Отдыхает Нурали с сорока муллами.
Домулло принес поднос,
Поставил его перед Нуралишахом,
Но не ест юноша.
Саки сказал: «Что случилось с тобой, почему ты не ешь с нашего подноса?»
«Очень сыт я,— сказал Нурали,— бедняга мой, Саки».
Саки сказал: «Ей-богу, что-то на душе у тебя».
Нурали кое-что отведал с подноса
Ради Саки-муллы.
После обеда они помолились.
Нурали подошел к входу в шатер,
Снял снаряжение с золотыми латами,
Погрузился в богатырский сон златокудрый.
Обе девушки сидят в шатре.
Уснул Нуралишах,
А сын Ахмада Алимхан
Разбудил сорок учеников и сладкоголосого Саки.
Алимхан сказал: «О Саки-мулла,
Если этих двух девушек привезет сын Аваза-воина,
[Все будут говорить]: «Слава Нуралишаху!»
Племя дурменов умрет со стыда.
Саки, ты старший среди нас!
Сладким сном спит Нурали,
Мы во сне убьем его мечом,
Заберем двух его девушек
И привезем их в подарок Гуругли-султану —
Прославится Ахмадхан».
Саки сказал: «О сорок мулл, Не говорите так!
Нурали убил черного дэва —
Это будет вам хвала и честь!
Пожалейте этого юношу!
Что вы ответите Авазу-богатырю?
[Ведь] все разузнает этот богатырь,
Он разрушит Чамбул».
Алимхан сказал: «О безродный Саки,
Ты самый чужой человек в Чамбуле беглара,
Мы снесем тебе голову с плеч кинжалом!»
Испугался Саки Алимхана,
Вышел вперед сладкоголосый муж:
Сладким сном спит Нуралишах,
Они подошли к его изголовью,
Впереди — Саки, за ним — сорок мулл,
Вбили большой железный кол около Нуралишаха.
Сначала связали ему руки и ноги.
Проснулся Нуралишах.

Увидел над собой сорок мулл.
Нурали сказал: «О друзья, Нет за мной вины.
Вы хотите двух девушек –
Я отдаю их вам в подарок.
Везите их в дар падишаху!»
Воскликнул Алимхан: «Нет, нам нужен ты сам,
У нас и мысли нет о двух красавицах!»
Нурали сказал: «Друзья,
Что вы ответите Авазу-воину?»
Алимхан воскликнул: «Бейте все Нурали!»
Сколько ни умолял Нурали,
Их сердца остались непреклонными.
Они ударили мечами муллу [Нурали],
Потерял он сознание, богатырь.
Зайналкир убежал в заросли.
Те вражьи [дети] вернулись к себе,
Забрали из шатра двух красавиц,
А Нуралишах [как был] без памяти [, так и] оставили [его],
Посадили двух девушек сзади себя [на лошадей]
И направились в Чамбул авлиё.
Вот уж скрылись из глаз недруги...
Взошло солнце на небе,
Посмотрел Зайналкир,
Не увидел врагов Нуралишаха,
Вернулся Зайналкир с поля.
Разумен конь Аваза-воина,
Подошел он к изголовью Нуралишаха,
Увидел своего хозяина, залитого кровью,
Встал напротив солнца,
Заслоняет от солнца своего хозяина ветроногий,
Хвостом отгоняет мух,
Ночью отпугивает шакалов.
Прошла ночь, наступил следующий день.
Подошел караван верблюдов,
Караван купца Абдуллахана.
Взглянул купец,
Увидел в поле коня без хозяина.
Подошел поближе Абдуллахан, богатый купец,
А у купца не было сына. 330 Приблизился конь авлиё.
Купец – впереди,
За ним гнедой конь султана,
Подошли они к воину.
Купец увидел юношу, залитого кровью.
Нагнулся купец над его головой,
Вырвался стон из его груди:
«Вместо сына,– сказал он,– будешь мне до смерти.
Не дал мне бог сына,– сказал он,–
Чей сын этот мулла?
Я назову его своим сыном, о боже!..»
Он завернул Нурали в кисею,
Принес большой сундук
И спрятал юношу в сундук.
Сундук погрузил на большого верблюда.

***
Расскажем теперь о недругах [Нуралихана],
О сорока учениках Чамбула авлиё.
Прибыли они в Чамбул,
Воскликнул Аваз-воин: «О Саки-мулла,
Всегда ты говоришь правду,
Но сейчас ты лжешь, позор тебе!
Погиб Нурали от ваших рук!
Говори правду,– сказал,– открой тайну.
Что вы сделали с Нуралишахом?
Найдите его живым или мертвым!»
Саки воскликнул: «О Аваз-богатырь,
[Подумай], ведь ты всех нас считаешь виновными за [пролитую] кровь»
Аваз сказал: «О авлиё,
Нурали погубили сорок мулл».

Глубоко задумался эмир,
У золотого трона пошла перебранка.
Поднялся Ахмад, глава правителей хакимов:
«Не говори такие слова, Аваз-воин.
Попробуй докажи сначала, что убит Нуралишах!
Коль и вправду убили его Алимхан и сорок мулл,
Мы согласны пролить их кровь,
Сними голову с их плеч».
Все согласились с Ахмадгяахом.
Поднялся Аваз с золотого трона,
Получил благословение авлиё.
Выехал из Чамбула богатырь
На коне своего сына.
Увидел он в степи заброшенный шатер,
Нигде не обнаружил его хозяина.
Он сказал: «Посмотрю-ка, что за шатер,
Ведь он здесь неспроста».
Вошел он в шатер.
Увидел большой кол, что вбили дурмены.
Много крови увидел он на земле —
Так зарыдал Аваз-богатырь,
Что задрожало все кругом.
«Сын мой»,— говорит и рыдает богатырь.
Кровь полилась из глаз могучего льва.
«О горе! — воскликнул он,— о Нуралишах!
Тело его съели шакалы!»
Зарыдал Аваз-богатырь
[И тут] нашел прядь волос Нуралихана.
Вернулся в Чамбул богатырь,
Привязал коня своего сына.
Подошел Аваз к золотому трону,
Поклонился [Гуругли] падишаху.
Сел Аваз на золотой трон,
Вынул из своего кармана прядь сына,
Положил ее перед авлиё.
Заплакал Гуругли-султан.
Аваз сказал: «О покровитель,
Тело твоего внука съели шакалы!
Я надеюсь, ты благословишь меня
На кровную месть дурменам за Нурали?
Он был не только моим сыном, авлиё,
Он был сыном для всех вас.
Его погубили сорок мулл.
Змир, разреши мне, [и] я отомщу за его кровь дурменам!»
Задумался падишах.
Воскликнул [тогда] Ахмад-воин:
«Послушай меня,— сказал он,— Гуругли-султан,
Мало ли прядей волос в Чулистане.
Аваз раздобыл откуда-то прядь
И называет всех нас убийцами.
На это мы не согласны, о падишах!»
Воскликнул Гуругли-султан:
«О Аваз-богатырь, а ведь слова Ахмадхана верны,
Прядей много в степи.
Если бы ты привел ветроногого Зайналкира,
Вот тогда мы благословили бы тебя».
И не отдал приказа авлиё [о мести].
Аваз взял прядь сына,
Поднялся с золотого трона.
Сказал Аваз: «О авлиё,
Да не сделает [бог] никого одиноким и обездоленным,
Да не лишит [бог] никого близких и родных...».
В Балхубан отправился Аваз-воин.
Вошел в Балхубан богатырь,
Навстречу Авазу вышли две дочери:
Гуланор и Гульхумор,
Они приняли поводья от прославленного [отца].
Вышли Шерали-богатырь
И Каракуз, ясный месяц,

Прядь Нуралишаха
Аваз отдал им в руки.
Взяла мать прядь волос,
Расцарапала лицо свое до крови.
Поднялся плач в Балхубане,
Справляют траур по Нуралихану.
Там, где были друзья Аваза, всюду плакали,
Там, где были враги, всюду радовались.

***

Расскажем теперь о Чулистане,
О купце Абдуллахане.
Однажды утром он подъехал к воротам [своего дома].
У него было две дочери, степные горлинки,
Они положили лекарство на раны [Нурали],
Ухаживали за Нурали,
Каждое утро девушки поили его молоком.
Двадцать дней и двадцать ночей отпаивал его молоком купец.
Через двадцать дней и двадцать ночей вернулось к нему [Нурали] сознание.
Ухаживал за ним [купец] еще сорок дней и сорок ночей.
Затем он назвал этого юношу своим драгоценным сыном:
«Будешь мне вместо сына, о юноша.
[Расскажи мне,] откуда ты, о юноша?
Открой нам свою тайну».
«Зовут меня Нуралихан,
Мое копье пробивает кремень,
Я сын Аваза-пахлавана,
Я из Чамбули-мастана».
Целый год [купец] выхаживал Нурали.
Через год купец
Стал упаковывать дорогие ткани.
Воскликнул Нурали: «О отец,
Торговать — это дело сыновье.
Твоя служба кончилась, покровитель [мой],
Теперь я буду тебе служить.
Дай мне ткани, покровитель».
Сколько купец ни уговаривал: «Нуралишах.
[Ведь] это город падишаха Сиёхпуша.
[Смотри], не попади в сети врагов,
Ведь я перед тобой в ответе».
Нурали говорил: «О отец,
Служба это удел меня, златокудрого.
Благослови меня, покровитель,
Я послужу тебе».
Купец сложил товары в два сундука.
А Нуралишах снарядил гнедого коня,
На коня погрузил богатырь сундуки,
Получил благословение купца,
Вскочил на Зайналкира богатырь
И выехал за ворота отца.
Побежали есаулы, хозяева коней,
Прибыли к падишаху Сиёхпушу,
Все рассказали они о юноше
Сиёхпушу-пахлавану:
«У Абдуллы-купца есть сын,
Достоин он милости великого падишаха.
Подобного юноши мы еще не видели!»
Взволновался падишах.
Он приказал есаулам:
«Скорее приведите купца с сыном!»
Бегом побежали есаулы,
А Нурали сидел с купцом,
Вид надменный у богатыря.
Есаулы подошли к их двери
И закричали: «О Абдуллахан-купец,
Выйди к нам, подойди к двери!»
Купец подошел к двери:
«Что скажете,— спросил он,— есаулы?»
«У тебя есть сын,

Его просит падишах.
О нем рассказали ему купцы».
«Нет у меня сына, есаулы,
Передали вам ложные слухи».
[Тогда есаулы] вынули [приказ с] печатью падишаха
И сказали: «Тебе отрубят голову,
А мы не вернемся обратно,
Не выполнив приказания падишаха.
Забирай своего сына и приходи!»
Растерялся купец,
Слушает внимательно Нурали,
Потом Нурали сказал: «О покровитель,
Возьми меня за руку и веди,
Продай меня этому падишаху,
Возьми золота высотой с меня,
А за гнедым конем присматривай!»
Воскликнул купец: «О великий падишах,
Я продаю вам своего сына.
Дайте [кучу] золота высотой с него,
Не дадите — не отдам его вам!»
Слуги бегом побежали,
Принесли золотую казну,
Насыпали золота вокруг Нуралихана,
Столько насыпали — с его рост.
Купили Нурали девушки,
Повели в покой этого юношу.
Купец же унес серебро и золото,
Загрузил несколько караванов верблюдов.
Сидит Нурали в башне с девушками,
Отдыхая, смотрит [вокруг] могучий лев.
Однажды во время вечернего намаза
Служанки вышли из башни.
Остались только Химчагуль и Нурали.
Химчагуль сказала: «О юноша,
Открой мне правду,
[Ведь] ты не сын купца!
Чей же ты сын, о гость?»
Воскликнул Нуралишах:
«Ты разгадала меня, клянусь богом,
Я расскажу тебе о своем происхождении
Ты же не открывай тайны врагам.
Зовут меня Нуралихан,
Мое копье пробивает камень,
Я сын Аваза-богатыря,
Юный воин эмира султана».
Подслушали эти слова служанки,
И пока Нуралихан трапезничал,
Две девушки подошли к золотому трону
И донесли на Нуралихана:
«О Сиёхпуш-падишах,— сказали,—
Этот юноша не сын купца,
Он сын Аваза-воина,
Его зовут, кажется, Нуралихан,
Его копье пробивает камень!»
[Падишах] приказал есаулам:
«Приведите палачей,
Поставьте золотую виселицу,
Схватите сына Аваза-воина.
Снимите ему голову на виселице!»
Сказал он: «Этот Аваз — наш враг,
Он увел у нас несколько стад,
Убил немало наших родственников».
Ударили в барабаны радости везиры,
«Мир-мир»,— сказали они.
Осадил коня Нуралишах.
Сиёхпуш подозвал того юношу:
«Мы покорились,— сказал он,— тебе,
Сын Аваза, Нуралишах!»
«Если ты покорился, Сиёхпуш-падишах,

Раздай свою золотую казну народу».
Раздал [шах] казну с золотом народу,
Беднякам и бездомным.
Они помолились за счастье Нурали.
Нурали сел на золотой трон,
С ним Абдуллахан, его названый отец,
Целый месяц Нуралишах был падишахом,
Через месяц отдал он власть падишаха народу
[И сказал:] «О Абдуллахан-купец, благослови меня!»
Абдуллахан поднял руку, а за ним и Сиёхпуш.
Нурали впереди, девушки – за ним,
Вот появился он у мутной речки Чамбула.
Направил коня в степь, Посмотрел на Чамбул,
А в Чамбуле увидел волнение и суматоху.
Он припрятал в зарослях Зайналкира с девушками.
Сам же подошел к конюху авлиё.
Не узнает конюх юношу.
«О конюх,– сказал Нурали,– что происходит в Чамбуле авлиё?»
Шахсалман сказал: «О гость,
И не спрашивай о Чамбуле султана».
Сказал [Нурали]: «Нет, расскажи мне, конюх, тайну Чамбула авлиё!»
«Что мне сказать тебе?
Прошло несколько лет, как исчез Нуралишах.
Сегодня пир у дурменов.
Жену Нурали отдают за Гулюсуфшаха».
«А где Аваз?» – спросил [он].
«Аваз – в тоске по своему сыну».
«Дай мне эту кобылицу, [дядя],
Я поеду на туй дурменов».
«Уходи-ка, путник, подобру-поздорову, –ответил [конюх].
Аваз увидит нашу кобылицу и проклянет меня.
Ведь все это добро Аваза-воина».
[Тогда] Нурали схватил Шахсалмана,
Связал ему руки и ноги на майдане.
Стащил с главного конюха чалму и лохмотья,
Взял чалму путник
И надел на свою голову.
Вскочил на его кобылу богатырь.
Когда наступило время вечернего намаза,
Он поехал в Чамбули-мастан.
Пришли две свахи в Балхубан.
Позвали златокудрую [жену Нуралихана]:
«Кого ты назначаешь своим доверенным?»
Зарыдала девушка:
«Есть немощный, нищий...
Конюх он на этом свете,
Пришел [этот] немощный конюх.
Его и назначаю доверенным, султанские свахи».
Взяли они чаши с водой и ушли.
Подошли обе к трону авлиё,
Чаши с водой в руках у обеих,
Поставили они их перед Саки-муллой.
Саки прочитал брачную молитву,
Привели дурмены шаха-жениха,
Дружки шаха поют песни,
И Нурали поет вместе с ними:
«Ты, что в рубашке гранатового цвета, куда ты уходишь?
Подобная луне в темную ночь, куда ты уходишь?
Смертоносный шах-жених, куда ты уходишь?
Вдоль по улице, куда ты уходишь?
Шах беспощадный, куда ты уходишь?
От изгибов кудрей твоих сердце влюбленного прекрасно,
Бутыль вина в свадебную ночь разбита, [это прекрасно].
Сырой хворост у края котла прекрасен.
Не знающий горя, куда ты уходишь?»
[Когда] спел эти байты Нуралишах,
Воскликнул Ахмад-воин:
«О, как прекрасен твой голос, путник-конюх,
Сладкоголосый покоритель сердец!»

Ушел [конюх] вместе с дружками жениха — шахмардами,
Дошел Нурали до ворот покровителя,
Увидал Нурали своих врагов —
Подошел шах-жених, весь в украшениях,
Подошел и конюх с чалмой на голове.
Дружки-шахмарды тащили пойандоз,
Подводят они невесту к свадебному угощению,
Ставят шаха-жениха рядом с невестою.
Шахмарды тащат пойандоз.
Взял за руку невесту жених, шах дурменов
Смотрит [конюх] из-за двери.
Потянул Гулюсуфхан за руку невесту.
Невеста сказала: «О дорогой гость,
Душу мою спаси, конюх султана».
Конюший поднялся со своего места,
Взял за руку невесту конюх авлиё:
«Разве так ведут дурмены невесту?
Дайте мне срок до утра,
Утром я благословлю ее».
Закричал на него Гулюсуфшах:
«Не болтай языком, конюх авлиё».
Вытащил плеть Гулюсуфхан,
Ударил конюха толстой плетью.
Выхватил Нуралихан за рукоятку кинжал
И так им ударил, что кровь потекла по майдану.
Сам Гулюсуф покатился по майдану.
Убежали все женщины, [родственники жениха],
Вскочил на кобылицу конюх-гость
И выехал из Балхубана.
Ударил в барабан к бою,
Появился перед дурменами султана.
Бросает он копье в шахмардов,
Скачет богатырь через тела убитых.
Вышел посмотреть эмир-султан.
Саки удрал в Чулистан,
Удрал и Ахмад-пахлаван.
Погнался за Ахмадом богатырь,
Остановил Ахмада богатырь,
Надел на майдане ему цепь на шею.
Вскричал Ахмад: «О братец,
Виноват во всем Саки-каландар!»
Разбросаны на поле боя тела убитых дурменов.
Остальных же пленил Нуралихан.
Подошел он к Авазу-богатырю:
«Салом алейкум, отец!»
«Ва алейкум ассалом, о сын,
Радость сердца и души отца!»
Обнял его Аваз-воин
И упал без чувств [от радости].
Три часа оставался без сознания Аваз-воин.
Потом сознание вернулось к нему.
Прибежала мать Каракуз,
Прибежал Шерали, бросился к нему,
Поцеловал он [брата] златокудрого,
Аваз впереди, а Нурали — за ним,
Подошли они к золотому трону,
Поклонились авлиё.
оджав под себя ноги, сел Нуралишах
И обратился к эмиру:
«Позовите Саки,
Куда он дел две мои розы?»
Растерялся эмир:
«Нет Саки в Чулистане».
Ищут все Саки — и стар и млад.
«Выходи,— сказали,— Саки, предводитель сорока мулл!»
Есаул — впереди, Саки — за ним,
Цепь на шее Саки-муллы,
Привели его [так] к золотому трону.
Сидел там и богатырь Аваз.

Саки подошел, поклонился авлиё.
Нурали сказал: «Подойди, предводитель сорока мулл».
Нурали посмотрел на него:
«Встань, Саки, приведи двух моих роз!»
Саки бегом побежал,
Вошел в гарем Ахмадхана,
Две розы с печальными лицами...
Эмир приказал есаулам:
«Обнажите спину Саки!»
Есаулы оголили спину Саки.
Авлиё приказал принести сорок прутьев.
Есаулы принесли сорок прутьев,
Оголили спину Саки
И прутьями исхлестали беднягу Саки.
Нурали же взял поднос с обильными яствами
И на кобылице отправился в Чулистан.
Подъехал он к Шахсалману,
Освободил его Нуралишах,
Поставил перед ним на майдане блюда:
«Прости мою вину,— сказал он,— Шахсалман!
Зовут меня Нурали-богатырь».
Шахсалман простил воина.
Привел он и отдал [ему] двух девушек.
[Затем] отправился Нуралихан,
Прибыл в Чамбул авлиё.
Слуги приняли у него поводья,
Помолились за Нурали.
Эмир авлиё устроил угощенье.
Семь дней и семь ночей [продолжался] падишахский пир,
Потом Нурали уехал в Балхубан.
Свадьбу устроил покровитель
Двух пери из пещеры Чулистана.
Одну выдал за эмира-султана,
Другую выдал за Шералихана.
Обеих выдал замуж.
Этот дастан закончили мы.
Перейдем к другому дастану, друзья.
Они все достигли своих желаний,
И вам достигнуть того же.

XIX. ПРИБЫТИЕ ТРЕХ ДОЧЕРЕЙ САРАНДЭВА-ПАХЛАВАНА В ЧАМБУЛ ДЛЯ ПОЕДИНКА С АВАЗОМ-БОГАТЫРЕМ

Было у Сарандэва-падишаха четыре дочери:
Старшая — Киматгуль, ясный месяц,
За ней — сестрица Зарнигорпари,
За ней — Гульбахорпари, ясный месяц,
[А также] Гулихор, стройная как кипарис.
Три из них подошли к золотому трону,
Приветствовали Сарандэва-падишаха:
«О отец, благослови нас
На поединок с Авазом-воином.
Мы втроем отправляемся в Чамбул,
И, если не принесем вам головы Аваза,
Снеси нам головы с плеч».
Рассмеялся Сарандэв, услыхав такие слова:
«Не срамитесь, дочки дорогие!
Имя Аваза известно по всему белу свету,
От страха перед Авазом дэвы не обитают в степях,
Как вы принесете голову Аваза?
Аваз — могучий богатырь,
Зовут его [Аваз]-воин,
Его копье пробивает кремень».
Воскликнул Сарандэв-пахлаван:
«Идите лучше в свои покои,
Признайтесь лучше, что любовь к Авазу [загорелась] в вашей груди,
И отправляйтесь себе в Чамбули-мастан».
Рассмеялась Зарнигор, слушая отца:
«Отец, дай мне доброго коня-ашкара,
Сегодня же утром прикажи выйти восьмидесяти богатырям,

Пусть сразится с ними твоя дочь!
Если не осилю я восемьдесят богатырей, о отец,
Кинжалом снеси мне голову с плеч».
Сарандэв согласился с дочерью:
«Оповестите восемьдесят богатырей»,— приказал он.
Оповестили восемьдесят богатырей,
У каждого из них по бессловесному коню.
Зарнигор, ясный месяц, взяла доброго коня-ашкара,
Отправилась на поле боя,
Вызвала луноликая противника.
Пришел посмотреть [на поединок] Сарандэв с великими везирами,
Вышла на майдан Зарнигорпари-богатырша,
Загорелась гневом красавица.
Восемьдесят богатырей выходят по одному.
Три дня и три ночи бились они на майдане,
Через три дня и три ночи она покончила со всеми восемьюдесятью.
Всех их связанными положила на майдане.
Засмеялись везиры и Сарандэв-пахлаван,
Воскликнули они: «Она достойна поединка с Авазем-богатырем!»
Тогда поднялся с большого трона Чевархан.
Воскликнул Чевархан: «Богатырь,
Пусть победит меня ваша дочь, о падишах,
И вы узнаете, одолеет ли она Аваза-богатыря».
Смеется Зарнигор, ясный месяц,
Крикнула она: «Эй Чевархан,
Тебя ведь и богатырем назвать нельзя,
Но мы знаем, что влюблен ты в наши родинки!»
Чевархан сказал: «О безотцовщина,
Когда это я думал о твоих родинках, девушка?»
Взял свое копье Чевархан.
Конец копья под мышкой у него,
Острие копья между ушами ветроногого.
Пустил он крылатого коня-ашкара,
Добрый конь-ашкар взлетел на крыльях.
Загремели мраморные латы,
Прибежал конь безродного [Чевара],
Столкнулись кони морда к морде,
Заржали оба верховых коня.
Ударил [Чевархан] копьем по щиту прекрасноликой,
Копье его сломалось и упало на майдане,
Вынул богатырь восьмиконечную стрелу,
Вставил он стрелу в тетиву лука,
Натянул он тетиву на майдане,
Покрутил [лук] вокруг головы
И пустил стрелу в грудь негоднице.
Стрела сплющилась и упала, на майдане.
Тогда он схватил за рукоятку меч,
Покрутил мечом над головой
И ударил им девушку по голове,
Но меч его вылетел из рук.
Задумался Чевархан,
Он сказал: «Передам я ей очередь для удара».
Зарнигорпари отошла назад,
Ускакала на расстояние дневного перехода,
Конец копья — под мышкой у нее,
Острие копья — между ушами ветроногого,
На четверть выступает копье.
Ее добрый конь-ашкар взлетел как на крыльях.
Как увидел Чевархан, что нагрянула на него девушка,
Сдался Чевархан.
«Благословляю тебя,— сказал он,— дорогая сестрица
Удар твоего копья мы знаем!»
Посмотрел Сарандэв
И благословил дочерей.
Три девушки, получив благословение,
Сели на трех ветроногих коней-ашкаров,
А одного коня нагрузили съестными припасами.
Увидела это их старшая сестра Киматгуль,
А Киматгуль была влюблена в Аваза-воина,

Оборотилась она в голубку,
Обогнала трех сестер
И появилась перед ними в степи:
«Куда направляетесь,— сказала она,— сестрицы?»
На ней боевое снаряжение,
В руках лазуритовое копье.
«Вернитесь,— сказала она,— сестрицы!
Отец меня благословил,
[Не то] снесу я вам всем трем головы с плеч».
Зарнигорпари засмеялась:
«О сестрица-душенька, попусту не болтай,
Мы не свернем с нашего пути».
Завязала ссору Киматгуль с сестрой,
Наговорили они много лишнего друг другу.
Разгневались обе в перебранке,
Схватились обе за копья,
Оба коня опустили уши,
Обоих крылатых коней пустили в степь,
Погнали своих коней по майдану,
Грызут друг друга два верховых коня...
Две младшие девушки заплакали:
«О горе,— сказали они,— не ссорьтесь, дорогие сестрицы!»
А две [старшие] девушки взяли копья,
Ударили по щитам друг друга:—
У обеих копья разбились.
Схватились они тогда за рукоятки мечей —
Мечи у обеих вылетели из рук
Искры посыпались во все стороны.
Две [их младших] сестры плачут:
«О горе! [что, если] в конце концов погибнет одна из них?»
На третий день в степи Киматгуль свалилась с седла.
Зарнигорпари отнесла ее в шатер
И сдала на руки сестер:
«О сестры-красавицы, отрубите ей голову!»
Обе сестры заплакали:
«Нет, нет,— сказали они,— старшая сестрица-душенька!
Не губи нашу старшую сестру.
Мы возьмем свою сестру в Чамбули-мастан».
Киматгуль сказала: «О сестры,
Я хотела испытать лишь вашу силу!
Я признала [вашу силу] в степи,
[Я вижу] одолеете вы Аваза,
Я вас всех трех благословляю».
Три девушки вскочили на ветроногих коней
И направились в безводную степь,
Они поехали в степь,
А Киматгуль снова отправилась вслед за ними.
Обогнала она сестер: «О Зарнигорпари, душа-сестра,
Я склоняю голову перед вами.
Когда вы одолеете Аваза,
Не рубите ему головы!
Я во сне видела этого муллу,
Стрела любви [его] попала мне в грудь.
Если не привезете его живым,
Знайте, что вы убили свою сестру».
Три девушки рассмеялись на всю степь:
«Ладно, старшая сестра!»
«Что-то не верится мне,
Вы возьмете себе этого воина,
[Если] вы не привезете его для меня, сестры,
Стоны моего сердца да падут на ваши головы,
Страшную смерть пошлет вам бог!»
Три ее сестры рассмеялись:
«Не проклинай нас, старшая сестрица-душенька!
Опасна дорога на Чамбули-мастан,
В Чамбуле все богатыри.
Сильнее Аваза там могучий Тюрк Баглан...
Если они победят нас
И мы погибнем, что ты тогда скажешь?»

«Если они вас победят,
Я забуду Авазхана.
Будьте же милосердны к юноше,
[А не то] страшной смертью умрете вы все три!»
«Старшая сестра, зря ты проклинаешь нас –
Ведь ты была нам вместо матери,
После этого у нас дрожат руки.
Мы были уже в пути,
А ты прокляла всех нас троих.
Ты, видать, влюблена в могучего льва,
А вовремя об этом не сказала трем сестрам.
Мы собрались на войну,
Не посылай же проклятья нам вслед!»
Киматгуль сказала: «Дурные у вас замыслы...
Да лишит вас бог счастья!»
Киматгуль вернулась назад,
А три девушки поехали в степь
Прибыли они в страну Чамбул,
У мутной речки Чамбула разбили шатер,
Во время завтрака у авлиё
Саки с трона посмотрел.
Сказал: «Салом алейкум, авлиё,
Взгляни на мутную речку Чамбула:
Там три ветроногих коня-ашкара,
Поставлены палатки и боевой шатер –
Это какой-нибудь враг, авлиё».
Эмир посмотрел на Аваза:
«О Аваз, да буду я жертвой твоих локонов,
Разузнай, что там, и приходи».
Рассмеялся Аваз при этих словах:
«О эмир-султан,– сказал,–
Отправь послание обитателям большого шатра:
Неверные это или мусульмане?
Или, может быть, это какой-нибудь друг Авазхана?
Эмир крикнул: «Мулла Саки,
Напиши послание обитателям шатра:
Спроси – неверные они или мусульмане?
Или, может быть, это какой-нибудь друг Авазхана?»
Составил послание мулла Саки
Для обитателей шатра.
Авлиё вручил его есаулу,
Есаул вскочил на ветроногого коня,
Выехал из ворот авлиё,
Подъехал к большому [царственному] шатру.
К нему навстречу вышел один из пришельцев.
Взял за узду коня есаула султана,
Помогли есаулу спешиться,
Вынул есаул письмо султана
И отдал в руки – всем трем пришельцам.
Трое пришельцев ваяли послание авлиё,
Прочли они послание
И написали ответ на обратной его стороне.
Передали его есаулу авлиё.
Есаул взял письмо трех пришельцев.
Вскочил на бессловесного коня.
Эмир смотрит на дорогу.
Есаул приближался к падишаху,
Коня приняли слуги.
Есаул подъехал к золотому трону
И отдал бумагу в руки светлейшего беглара.
Эмир передал бумагу мулле Саки:
«Саки, прочитай вслух послание,
Пусть услышат все: и стар и млад».
Саки взглянул на письмо:
«О эмир, авлиё,– сказал он,–
Это три царевны страны Сарандэва-пахлавана
Написали это послание на твое имя –
Они требуют поединка с Авазом-богатырем».
Эмир взглянул на Аваза,

Аваз же сказал; «Седлайте и снарядите мне ветроногого гнедого коня!»
Есаул эмира бегом побежал,
Взял под уздцы бессловесного гнедого коня.
В руках у слуг самшитовый гребень,
В руках у них — мускусное мыло.
Вывели коня авлиё Зайналкира,
[Аваз] отпустил повод ветроногого,
Выехал он из ворот авлиё.
И вот появился Аваз у [царского] шатра.
Ударил в боевой барабан Аваз-воин,
Барабан богатыря загремел,
Все вокруг задрожало.
Затрепетал дэв в горах,
Горы и холмы взлетели кверху,
Дичь, покинула степь,
Тигр убежал в горы.
Зарнигор рассмеялась: «Ха-ха!
Сестрица Гулихор, принеси-ка узелки с украшениями,
Говорят, что этот воин — бабник...
Ну-ка, взгляну-ка я на него!»
Гулихор лукавая пошла,
Узелки принесла,
Перед красавицей Зарнигор их сложила.
Облачилась та в златотканую одежду и рубашку из змеиной кожи,
На голову — расшитый золотом платок.
Взяла она зеркальце,
Держит перед глазами.
Сурьмой она подвела ресницы
У пары своих черных очей.
Румянами подрумянила щеки,
Заплела свои локоны,
Выпустила их на лицо,
Зазвенели ее золотые украшения, вплетенные в косы
На ноги она надела запястья.
Ноги ее стройные, как алиф,
Ее зубы — чистое серебро,
На шее — золотое ожерелье,
Воротник у нее на груди.
Покачиваясь, пошла красавица,
В зубах у нее сакич,
Щелканье сакича летит к поднебесью.
Пошла она, изгибаясь,
Стан ее гибок, как лоза, а талия — муравьиная,
Уста ее — фисташки, а зубы — жемчуга.
Вышла она из шатра,
Подняла семь покрывал с лица —
Живо повернулась и взглянула она на Аваза.
Он увидел прелесть этой красавицы,
Сразу Аваз и лишился рассудка!
Упал он плашмя на черную землю,
А девушка вошла в золотой шатер:
«О, сестрицы,— сказала она,— слава богу,
Этот воин большой бабник,
Правду говорили о нем люди...»
Она снова вышла из шатра.
Аваз поднялся с черной земли,
Посмотрел по сторонам, туда-сюда:
«Куда делась возлюбленная?»
Сел он на ветроногого коня.
Каракуз с Минарета авлиё
И все [другие] следили за Авазом-воином,
Как взглянул снова Аваз,
Как упал его взгляд на родинку девушки,
Как увидел он ее щеки, свежие, словно гранат,
Так и потерял рассудок Аваз
И снова грохнулся на землю.
Мимо него прошла девушка,
Стала она смеяться со своими сестрами:
«Даст Аллах, я одержу победу над Авазом!»

Каракуз на минарете усмехнулась:
«О Аваз-богатырь!
Никак не насытит тебя бог девичьими родинками».
Аваз пришел в себя,
Посмотрел он по сторонам, туда-сюда,
Никого не заметил могучий лев.
Крепко задумался он над происшедшим:
«Боже, во сне я это видел или наяву?»
Он вдел ноги в стремена, сел в седло.
Но тут снова прошла, [изгибаясь], красавица.
Как взглянул на нее [Аваз],
Тут же лишился рассудка,
Снова он упал кувырком с коня,
Упал богатырь на землю.
А девушка вошла в шатер...
Смеются все три [девушки]:
«Ну и бабник же, видать, этот Аваз-воин...
Мы победим его в степи!»
«Принеси, сестрица, боевое снаряжение!
Подай-ка скорее боевое снаряжение!»
На голову старшей надели шлем,
На тело — мраморные латы,
К поясу привязали кинжал,
Грудь прикрыли семью щитами.
Все снаряжение на ней,
А с двух сторон собраны пряди волос.
В руки она взяла лазуритовое копье,
К поясу привязала кинжал,
Боевой барабан взяла девушка.
Выбежала из золотого шатра,
Вдела ноги в стремена, выпрямилась на добром коне-ашкаре
И выехала на поле, могучая львица.
Она крикнула: «Ты не слыхал еще девичьих голосов, детеныш беглара,
Знай, что страна Чамбул будет разрушена!
Я прибыла на войну с тобой,
Не избежать тебе сражения со мной,
Эй, укротитель девушек, [сын] авлиё,
Я дитя Сарандэва-падишаха,
Цветок, который ты видел в шатре».
Аваз крепко задумался:
«О дитя Сарандэва-падишаха,
Не разговаривай так со мною!
Как я неравнодушен к девушкам,
Выяснится для нас обоих на поле боя.
Ты вызвала меня — пусть будет первым твой удар».
Воскликнуло дитя Сарандэва-падишаха:
«Я не девушка, воин, чтобы отдавать мне очередь на удар.
О Аваз, я уступаю тебе очередь,
Пользуйся своей очередью, сын авлиё,
Раб дурменов!»
Завязалась перебранка,
Оба разъярились на поле так,
Что губы их побелели.
Налетели друг на друга,
Отступили в степь на расстояние дневного перехода,
Натянули [всадники] поводья, подались кони назад.
Один конец копья — под мышкой у всадника,
Острие копья — между ушами ветроногого,
На четверть выступает копье.
Два коня взлетели как на крыльях,
Загремели мраморные латы.
Съехались два коня, столкнулись морда к морде.
Ударили всадники копьями по щитам,
Копья обоих сломались,
Острия копей полетели в небо.
Головами столкнулись бессловесные добрые кони.
Оба коней ударили плёткой.
Гарцуют на поле два коня...
Смотрит на них все дурменское племя.

Три дня Аваз и девушка провели на ветроногих,
На четвертый день девушка приоткрыла свои брови.
Как упал взгляд Аваза на брови девушки,
Потерял рассудок богатырь Аваз,
Лишился он памяти.
А девушка укрепилась [в седле], стащила его с коня,
Надела цепь на шею Аваза красавица,
Унесла Аваза и положила перед сестрами.
Сестры стали ликовать.
Вышли три девушки из золотого шатра,
Быстро связали руки Авазу
И положили его на поле боя,
Зайналкир прискакал в Чамбул султана,
Увидела его Каракуз;
«Видно, не насытил бог Аваза девушками,
До сих пор бабник он.
Девушка – одна,– а победила его, сестрица Гульширмо…
Уж лучше мне умереть!»
Каракуз зарыдала перед Гульширмо.
Поскакал Зайналкир в Чамбул авлиё,
Встал со своего места Тюрк Баглан,
Получил благословение эмира-султана,
Подошел он к быстроногому скакуну,
Вскочил на быстроногого скакуна,
Получил благословение от эмира:
«Что мне делать без Аваза?
Без Аваза жизнь для меня – не жизнь
О, эмир-султан, без Аваза погибнет Чамбул!»
Тюрк Баглан выехал из Чамбула авлиё
Подъехал к шатру,
Ударил в боевой барабан Багланшах.
Барабан Баглана гремит,
Аваз с оковами на шее плачет.
Аваз воскликнул: «О Тюрк Баглан,
Не убивай ее копьем, это – ясный месяц,
Дочь Сарандэва– прекрасный цветок,
Сердце мое испепелила она своей красотой».
При звуках барабана [Баглана] рассмеялась красавица,
Быстро вышла из шатра.
Подняла она семь покрывал со своего лица,
Факел ее лица засиял над миром,
Блеск ее зубов засверкал на расстояние целого дневного перехода –
Потерял рассудок Тюрк Баглан
От красоты прекрасной Зарнигорпари.
Тюрк Баглан упал на землю.
Засмеялся тут Аваз-богатырь.
Девушка вошла в большой [царский] шатер
И воскликнула: «О сестрицы,
А дурмены, оказывается, неравнодушны к девушкам...
Я всех их покорю, сестрицы».
Тюрк Баглан пришел в себя.
Поднялся многоискусный Баглан,
Но нигде не увидел девушки.
Задумался Тюрк Баглан:
«Это была девушка или пери с небес?
Пери ли это была или могучий дэв?»
Тюрк Баглан вскочил на быстроногого коня
И снова ударил в барабан на майдане.
Барабан Баглана загремел,
Девушка быстро вышла из [царского] шатра,
Подняла вверх семь покрывал –
Потерял рассудок Баглан,
Зарнигорпари рассмеялась и опять скрылась в царском шатре.
Сознание вернулось к Баглану,
Снова вскочил на скакуна Багланшах;
Ударил в степи в барабан,
Зарнигорпари поднялась в золотом шатре,
Надела шлем на голову,
На тело – мраморные латы,

Грудь прикрыла семью щитами,
В руки взяла лазуритовое копье,
К поясу привязала несколько кинжалов,
Все снаряжение на ней,
А с двух сторон собраны пряди волос.
Взяла боевой барабан девушка,
Вскочила на коня.
Ударила в боевой барабан безродная.
На шее у Аваза, могучего льва, цепь,
Его разум и сердце отданы девушке,
Он умоляет: «О Тюрк Баглан,
Смотри, не убей ее копьем, мой дорогой друг!»
Солнце наполовину зашло,
Баглана свалила с седла [девушка].
Связала она Баглана на майдане
И вошла в большой [царский] шатер.
Ее две сестры принесли поднос,
Поставили его перед луноликой,
Кушает с подноса богатырша,,
А из Чамбула эмир-султан прислал еду
Для Аваза и Тюрка Баглана.
Посмотрел эмир со своего трона.
И сказал есаулу; «Иди принеси боевое снаряжение!»
Есаул бегом побежал,
Принес боевое снаряжение эмира-султана,
[Султан] надел на голову шлем,
На тело – мраморные латы,
Грудь прикрыл семью щитами,
Семь раз обернул стан ремнем,
К поясу прикрепил несколько кинжалов,
Все снаряжение на нем,
А, с двух сторон собраны пряди волос.
Взял он лазуритовое копье,
Взял эмир-беглар боевой барабан,
Получил благословение от дурменов
И вышел на поле боя авлиё.
Подошел он к быстроногому Зайналкиру,
Семь подседельников возложил один на другой,
Подтянул подпругу на брюхе у животного.
Вдел ноги авлиё в стремена
И выпрямился в седле.
Он погнал коня в степь
Сразиться с обитателями [царского] шатра.
Выехал эмир на поле боя,
Ударил в барабан эмир-султан.
Барабан эмира загремел,
[Царский] шатер трех девушек задрожал.
Вскочили три девушки со своих мест.
Зарнигорпари подошла к доброму коню-ашкару.
Она воскликнула: «О Гулихор,
Садись на коня, на крылатого.
Это могучий авлиё, это знаменитый старик,
Он недостоин моего меча, кудрявая сестрица».
Гулихор побежала,
Собрала все боевое снаряжение,
Подошла к бессловесному коню.
Вышла девушка на поле.
Оба [всадника] ударили в боевые барабаны,
Барабаны обоих загремели,
Задрожало все кругом,
Дэв затрепетал в горах,
Горы и холмы взлетели в воздух.
Эмир сказал: «О юноша, берегись!
Я ведь не Тюрк Баглан, о юноша,
Я не Аваз-богатырь,
Мое имя – Гургули-султан.
О юноша, передаю тебе очередь на удар».
Тут «юноша» засмеялся и сказал: «О авлиё,
Мы явились трое братьев старших и младших.

Мы от Сарандэва-отца,
Мы пришли в Чамбул,
Пленили Аваза, могучего льва,,
Пленили Тюрка Баглана, о эмир султан.
Ты не стоишь того, чтобы сразиться на поле боя.
Дряхлый ты, беззубый старик.
В тебе и силы-то не осталось,
Ты недостоин удара нашего копья.
Давай, старик, слезай-ка с седла.
Аваза не сравнить с тобой,
Я связал его на майдане —
Цепь на шее богатыря.
Ну, эмир, передаю тебе очередь на удар!»
Оба подняли золотые копья,
Конец копья под мышками,
Острие копья между ушами ветроногото.
Оба добрых коня-ашкара столкнулись морда к морде.
День и ночь оба коня были на крыльях,
Прошла третья ночь, наступил опять день,
И эмир слетел с седла, Зайналкир ушел в степь...
Связала эмира сокол нашего времени,
Каракуз заплакала,
Каракуз сказала: «О сестрица Гульширмо,
Дай благословение мне,
Я сама пойду на бой,
Никого не осталось в нашем Чамбуле».
Прискакал Зайналкир авлиё.
Нурали был в школе,
Как вдруг появился перед Нурали [конь]:
Снаряжение гнедого коня все на месте.
Увидел это эмир-султан,
И слезы потекли ручьем из глаз эмира:
«Горе,— сказал он,— Авазу-богатырю...»
Зайналкир подскакал к Нуралихану:
«Пусть Нурали явится на поле,
Помолитесь за богатыря,
Может быть, победит он этого шайтана,
Если же эта потаскуха победит Нурали,
Погибнет тогда наш Чамбул».
Нурали взял гнедого коня за повод,
Сел на гнедого скакуна богатырь,
Он поехал в Балхубан во владения отца.
Вышла Каракуз — светлый месяц.
Смотрит [на Нурали] Каракуз;
«Да буду я жертвой твоих кудрей,
Львенок матери, на поле боя — три девушки,
Три чертовых потаскухи,
Отдайте мне Зайналкира, дорогие дети,
Я сама пойду на бой!
Вы слишком любите девушек, о юноши.
Тебя тоже одолеет этот шайтан».
Нурали сказал: «О дорогая мать,
Если победит и меня эта девушка,
Не считай меня своим сыном [букв. не прости свое молоко сыну]!»
Как ни плакала Каракуз,
[Нурали не остановился].
Нурали крикнул своим сестрам:
«Принесите мое снаряжение,
Вы, обе луноликие красавицы,
Принесите же мое боевое снаряжение!»
Гуланор и Гульхумор
Принесли снаряжение кудрявому,
На его голову возложили золотую корону,
Облачили его в зеленые мускусные одежды:
«Будь разумен, братец,
Не засматривайся на девушку,
Чтобы она не победила тебя, как отца.
Не то опозоришь ты нас с матерью...»
Аваз смотрит на дорогу:

Подъехал Нурали к [царскому] шатру,
Ударил в барабан Нуралишах.
Барабан богатыря загремел,
Задрожал [царский] шатер трех красавиц,
Испугались они, все трое.
Зарнигор сказала: «О сестры,
Кто бы это ни был, он внушает мне страх!
Идите принесите узелки с украшениями,
Быть может, и этот Нуралишах бабник.
Тогда мы одолеем его, свяжем у входа в шатер».
Семь узелков положили перед красавицей,
Но сколько ни кокетничала девушка,
Нурали и не взглянул в ее сторону...
Она сказала: «О Нурали-воин,
Приготовься, мулла,
Я снесу тебе голову с плеч долой!
Садись на коня, выходи на бой!»
Девушка вышла из золотого шатра,
Сняла с головы покрывало,
Натянула на голову шлем,
Села на ветроногого коня:
«Эй, сын Аваза-воина,
Меня зовут Кадирхан,
Я сын Сарандэва-пахлавана,
Я отрублю тебе голову в битве».
Аваз сказал: «О Нуралишах,
Это не юноша, это та самая красавица.
Да буду я жертвой твоего имени, сынок,
Не поранив, живьем возьми эту девушку,
Отдай ее в жены отцу –
Я буду молиться за тебя до судного дня!»
Нурали засмеялся, припустил гнедого коня,
Гнедой конь скачет по полю.
Ударил девушку в грудь богатырь,
Вверх тормашками перевернулась девушка
И упала на землю, заплакал Аваз:
«Эх, умереть тебе молодым,– сказал он,– Нуралихан!
Ты чуть не убил мою возлюбленную,
Ты не внял моим словам».
Но поднялась с земли девушка Зарнигорпари
И крикнула: «О Нурали, могучий лев!
Не думай, что ты победил красавицу,
Я снесу тебе голову мечом с плеч долой!»
Девушка поднялась, снова вскочила в седло,
Двинулась на битву с Нуралишахом.
Аваз стонет: «Не поранив, возьми живьем эту красавицу!»
Смотрит Каракуз с минарета,
Молится за Нурали:
«Жить тебе сто лет,– говорит,– сынок!»
Нурали пришпорил бессловесного гнедого коня,
Ударил ее в грудь богатырь.
Вверх тормашками перевернулась [девушка].
Очень испугался Аваз-богатыръ.
Поклялась Зарнигор-девушка:
«О Нурали златокудрый,
Если не сниму я тебя с крылатого коня,
Пропадет эта девушка».
Оба подняли золотые копья,
Конец копья под мышками [у обоих].
Каракуз смотрит:
«О Аваз-супруг!
Помолись за своих сыновей!
У нас две дочери, подобные утренней луне,
Зачем она тебе, этот шайтан безродный?» [речь идет о девушке].
Нурали же сказал: «О дочь Сарандэва-пахлавана,
Ты пленила моего отца в бою,
Пленила и Тюрка Баглана,
Ты напугала эмира-султана,
Ты бы покончила и со всем Чамбули-мастаном,

Но я снесу тебе голову мечом!»
Пригибается Нуралихан в седле,
При каждом прыжке коня дергает его за повод.
И вот сын Авазхана схватил ее,
Надел ей цепь на шею,
Привел и вышвырнул [ее] сокол времени.
Аваз-богатырь засмеялся:
«О без тебя бы не жить твоему отцу!»
Две девушки вышли, горько рыдая,
Катятся слезы рекой из глаз обеих девушек.
Подошли они к Нуралихану:
«Не отрубай головы нашей сестрице!»
Они стерли родинки,
Разорвали надвое свои шелковые одежды.
Сколько они ни умоляли: «О Нуралихан,
Не убивай нашей сестры!»,
Но богатырь взял плеть,
Связал на майдане трех девушек,
Но девушка произнесла великое заклинание,
И две сестры превратились в голубок и взлетели в воздух.
Нурали надел цепь на шею красавицы, [что осталась].
Освободил он Гургули-султана,
Освободил [отца] Аваза-воина,
Освободил Тюрка Баглана,
Взял девушку Нуралихан.
Бегом прибежал из Чамбула Ахмад.
Он привел бессловесных добрых коней-ашкаров.
Гургули-султану дал коня Охбутана,
Тюрку Баглану – скакуна,
Авазу–бессловесного коня.
Девушку же Нурали привязал на коне сзади своего отца,
И направились они все в Чамбули-мастан.

XX. О ПОХОДЕ КИШВАРИСТАН-ПАДИШАХА НА ЧАМБУЛ

Кишвар во сне увидал Агаюнус и Ширмо.
Собрал он весь свой народ и сказал:
«Кто пойдет и приведет этих двух пери,
Того награжу я серебром и золотом».
Сказал один колдун:
«Я берусь привести Агаюнус и Ширмо-красавицу».
И пошел колдун безводной степью в Чамбул...
Превратился в купца, появился в Чамбуле.
Осмотрелся на все четыре стороны в Чамбуле:
Окружая Гургули, сидели Ахмад, Юсуф и сорок шахов
Жена Аваза выглянула из опочивальни,
Посмотрела в подзорную трубу на безводную степь, на перекресток дорог,
Нигде не увидела во всем Чамбуле воина Аваза.
Сорвала она свое покрывало
И показала красоту свою всему Чамбулу хайбарскому.
Лишился сознания Юсуфхан,
Побледнел Юсуф как смерть,
Посреди дороги стал он пораженный.
Пришла какая-то старуха, немощная, мамаша,
Поклонилась Юсуфхану:
«Ты падишах над тысячью людей,
Что же ты остановился пораженный посреди улицы?
Разве ты еще не видел красоты Гулоим, [жены] Авазхана?
Что так поранила тебя стрела страсти?
Чем отплатишь мне немощной,
Если я склоню к тебе Гулоимджан?»
Вошел в свои покои Юсуфхан,
Раскрыл большой ларь,
Дал старухе богатые одежды.
Старуха отправилась в покои Аваза,
Пришла к воротам Аваза и давай стонать и плакать.
«Кто ты?» – спросил привратник.
«Я кормилица Авазхана,
Открой мне ворота!»

У Гуланор, дочери Авазхана,
Получил разрешение привратник:
«Иди и открой ворота!»
Вошла старуха, горько-горько плача,
Поклонилась Гулоим.
«Что ты плачешь,— опросила та,— милая мамаша?»
Сказала: «Увы, тысячу раз жаль мне эту крепость, и этот дом!
Как жаль мне твоего стана, подобного трепещущей лозе!
Как жаль мне твоей красы, ясный месяц!
Жизнь твоя загублена,— сказала,— Гулоимджан,
С этим караванщиком — Авазханом,
Всему ведь свету известно, что он бабник.
Подобной мне не было никого между небом и землей,
Я тоже была очаровательной девушкой,
Красавицей, вроде тебя, прелестная,
А уж теперь обо всем жалею я, доченька.
Но такого, как Юсуф, красавца я еще не видывала!
Что ты дашь мне немощной,
Если я расположу к тебе Юсуфхана?
[Жизнь коротка, так] хоть два дня надо хорошо прожить».
Краска сбежала с лица Гулоим-красавицы,
Схватила она в руки алмазный кинжал,
Побежала и напала на [старушку],
Старуха дрожала от страха,
И заголосила, и заплакала: «Пусть умрет сын Юсуфхана!
Сто лет живи, красавица,
Проводи свою жизнь с Авазом».
Они еще поговорили друг с другом.
Старуха снова стала заводить речь о Юсуфе —
Красавица опять выхватила алмазный кинжал, старуха кинулась бежать
И удрала из дома красавицы.
[Тут] Гуланор сказала: «Разреши мне матушка-душенька,
Отберу-ка я богатые одежды-дары Юсуфхана?
Я выпущу кровь из врага,
Ведь отца моего зовут Авазханом,
Дед мой султан.
Не плачь, дорогая мать!»
Отправилась Гуланор вслед за старухой,
Сказала ей: «А ведь влюбилась моя мать в Юсуфхана!
[Это] она послала меня за тобой.
Дай-ка мне дары Юсуфхана,
А самого Юсуфхана доставь мне сюда,
Но не приводи через ворота, чтобы привратники не заметили.
Обрадовалась старуха, отправилась к Юсуфхану:
«Я расположила к тебе,— сказала,— красавицу Авазхана.
Гулоим [же себе] сказала: «Этот [Юсуф] — невежа,
Он [и вправду] опозорит меня».
Отправилась она на площадь Чамбула,
Пошла к сладкопевцу, дедушке Саки.
«Что ты плачешь, матушка-душенька?» — спросил Саки
«Помирает Нуралиджан,
Глаза его полны смертного ужаса.
А где сейчас Аваз, сын султана?
Как бы не унес он с собою в могилу тоску по Нурали».
«Он был в трапезной».
«Так скажи, что мне делать?» [— сказал Саки].
«Приведи Аваза,— сказала Гулоим,— да так, чтобы никто не заметил.
Саки отправился,
Привел Авазхана.
Гулоим отвесила ему поклон.
«Что-то ты взволнована, мой месяц»,— сказал [Аваз].
«[Да] Юсуф направил ко мне сваху,
Хочет меня обесчестить Юсуфхан».
Аваз сказал: «Не лги, луна вселенной,
Ты ссору затеваешь в Чамбули-мастане».
Уговорилась она с Авазханом:
«Если сегодня ночью не придет Юсуфхан,
Сними мне голову [с плеч] и повесь на виселице!»
Спрятала Гулоим Аваза в сундук.

Вечером, ближе к ночи,
Старуха привела Юсуфхана.
В страхе перед Авазом стал он дрожать.
Старуха сказала: «Да заберет бог твою душу, Юсуфхан,
Ублажить молодку не легкое дело!
Аваз отправился в какой-то большой город».
Гулоим и Гуланор отвесили Юсуфу поклон,
Восхваляя его, посадили на почетное место в опочивальне.
Разостлали перед Юсуфом большой дастархан,
Старуха все собрала и быстро вышла.
Гулоим сказала [Гуланор]: «Отправляйся в верхние покои,
Направь подзорную трубу на Чамбули-мастан.
Не заметишь ли,— сказала,— где твой отец?»
Гуланор вышла,
Остались только Гулоим и Юсуфхан.
Юсуф сказал: «Гулоимджан,
Покажи-ка мне твои тридцать две родинки,
Я поцелую тебя в твои жемчужные зубки,
Ты испепелила мою душу, изранила мое сердце».
Жена Аваза сказала Юсуфхану:
«Так сладостно свидание, но как бы нам не заснуть?
Давай я влезу в этот сундук,— сказала Гулоимджан,—
А ты отнеси меня в укромное место».
Влезла Гулоимджан в сундук,
Обвязав сундук веревкой, отправился Юсуфхан,
Отнес сундук в укромное место.
Раскрыл сундук Юсуфхан:
«Сейчас мы позабавимся,— сказал,— с Гулоимджан».
Приподнял [Юсуф] крышку сундука.
[Тут] Аваз сказал: «Ага-а! Как поживаешь, Юсуф-падишах?»
Бросил сундук и удрал Юсуфхан —
Выиграла спор Гулоим.
Вернулся к себе Авазхан,
Разбил свой трон
И стал горевать о своей доле на чужбине.
Вокруг Ахмада сидело сорок воинов-туркменов.
Пришел Юсуф и поднял плач и стоны:
«Я уйду из Чамбули-мастана!
Пошел я охотиться к прудам Чамбула,
[Откуда ни возьмись — Аваз,— сказал,— с огромной дубиной,
Избил меня до полусмерти».
Послал Ахмадхан глашатаев собирать народ —
Собрались все — и стар и млад.
Направился Ахмад к султану: «Разреши, я убью Авазхана,
Не разрешишь — я сделаю главарем вместо тебя Юсуфхана»,
Со страха согласился Гургули-султан.
Отправились они к дому Аваза,
Разбили ворота Аваза.
Гуланор вбежала к Авазу, поклонилась ему;
«Разреши мне [высказать],— сказала,— дорогой отец,
Убежим в широкие безводные степи».
«Нет приказа от отца, султана,— [сказал Аваз],—
Сам сдался в плен туркменскому племени».
Привели его к Гургули-султану,
Вышли вперед палачи,
Повели к виселице Авазхана...
Его оружие побросали в хурджин, измазав его в крови,
Самого Аваза отправили в степь,
А оружие принесли к Ахмадхану.
Лазутчик Кишвара [тем временем] рисовал портреты
Агаюнус и Ширмо.
Ахмад издал приказ, привели [к нему] Нурали и Мирали,
Обоих продали этому волшебнику-колдуну.
И отправили их из Чамбула в страну Кишваристан.

* * *

Был в Хорасане Ашур-купец.
Он сидел в [своей] лавке
И узнал детей Аваза:

«Ты сделал,— сказал,— дурное дело,
О лазутчик Кишваристана,
Ты не знаешь,— сказал,— о том, что здесь Авазхан,
Верхом садись на коня,
Навесь свой боевой барабан!»
Лазутчик покаялся в том, что
Дал деньги Ашурхану.
[Тот] забрал у лазутчиков детей Авазхана.
Лазутчик вернулся к падишаху Кишваристана,
Показал портреты двух пери:
«Я убил воина Аваза,
Купил детей Аваза,
[Но] одурачил меня Ашурхан
И забрал у меня детей Авазхана».
Пошли походом на Чамбули-мастан.
Пошли семьдесят богатырей
И вперед послали лазутчиков.
Прикинулся Авазхан каландаром:
«Счастливый путь»,— сказал он семидесяти богатырям.
«Идем походом на Чамбули-мастан.
Чамбул сейчас без хозяина, убили мы Авазхана».
Пошел Аваз и увидел бесчисленное войско:
«Жаль,— сказал,— что Чамбул будет погублен».
Падишах Кишвар быстро направился к Чамбулу,
Стал лагерем вокруг Чамбули-мастана.
Пришли стрелки и лучники,
Семь рвов выкопали вокруг султанского города.
Ахмад же собрал всех, от мала до велика.
Попросил у Гуругли в подарок скакуна.
Снарядил все для боя,
Но попал в плен к Кишваристану.
Появился Хасанхан:
«Где,— спрашивает,— хозяин скакуна?»
«Пусть подохнет сын Ахмадхана,
Убили Аваза-богатыря»,— сказали.
Опечалился Хасанхан:
«Без Аваза не жить мне на белом свете!»
Добровольно сдался в плен Хасанхан,
Гуругли же вооружился и вышел на поле боя.
Из черепов поднялся минарет, а кровь текла рекою.
Потерпел поражение Гуругли-султан,
Скрылся в широкой безводной степи,
Агаюнус и Ширмо попали в плен к врагам,
Великий падишах Кишваристан привез их в свой город.
Весь народ туркменский заточил в зиндан.
Авазхан отправился на улицу, обсаженную деревьями,
Там в каком-то шалаше жила немощная старуха.
Затянул «каландар» божественную песню,
Попросил Аваз-воин поесть.
Старуха показала ему ломоть хлеба.
«Хочу я с тобой договориться,— сказала,—
Примешь мой уговор,— сказала,— дам тебе хлеба.
Есть у меня дочь, слепая она,
Не слышит ничего, немая, и ноги у нее не ходят.
Согласен ты [жениться] на ней, нищий, дам тебе хлеба».
Аваз сказал: «Я разлучен с красавицей...
Принимаю твое условие!»
Старуха впереди, а за нею Аваз.
Показались ворота, высотою в одиннадцать аршин,
Подала старуха голос, пришли сорок богатырей,
Отвесили поклон старухе.
Прошел в расписную комнату Авазхан,
Поднялся наверх в покои,
Тут же попросил поесть Авазхан.
Старуха впереди с девушками.
Отвесила старухина дочь Авазу поклон:
«Глазами я,— сказала,— слепа,
Заплетается мой язык, ногами пошевелить не могу,
Не видела я бела света, никуда я не ходила,

Я — твоя возлюбленная, воин Аваз».
Пока они говорили,
Начался пир у Кишваристана.
Вскочил с места Авазхан,
А девушка спросила: «Куда собрался, сын султана?»
«Свадьба моей кормилицы началась,
Я пойду,— сказал,— на козлодрание Кишваристана!»
«Постой,— сказала,— я возьму у матери гривастого скакуна»..
Девушка пошла к старухе, попросила скакуна:
«Дам тебе раба и рабыню, дам тебе баранов с пастухами,
Отдай мне только, мать, скакуна для богатыря».
«Семь стран света отдам, скакуна не отдам!
Пусть отправится на базар, на базар Кишваристана,
Пусть отберет и возьмет себе коня Рахша или скакуна».
Семь стран света взял «каландар».
Пошел в город Кишваристана.
Взял подзорную трубу и посмотрел,
Огляделся во все стороны: увидал Гуруглишаха,
Глаза у него невидящие, слепые,
Стан согбен и без коня, пеший он.
Аваз предстал перед ним: «Кто ты?
Что ж ты, дедушка, один в пустыне,
Без провожатого, один на чужбине?»
«Не слыхал ли такого на белом свете:
Были хоромы возведены в Чамбуле,
Царем Чамбула был Гуруглишах,
Был у него сын единственный — Аваз-воин?
Этот Гуругли — я сам, нищий дед,
От горя по Авазу ослепли мои глаза».
«Клячу свою не продашь «дедушка?»
«Неумный ты, видать, человек,— сказал нищий,—
Цена кляче — семь стран света!»
Согласился [«нищий»] на такую цену, дал семь стран и взял скакуна.
Привел его и [спрятал] на сеновале в Кишваристане.
Там же посадил Авазхан Гуруглихана.
Вернулся в дом старухи Авазхан.
Дочь почуяла, что он привел хромого коня:
«За сколько купил?» — спросила она Авазхана.
«Семь стран света я отдал за него, и то это дешево...»
Отправилась дочь к старухе,,
Сказала: «Этот нищий привел беззубую лошадь,
Видать, это не сын султана».
Аваз тут же прошел к старухе:
«Благослови меня, душенька-мамаша,
Я отправляюсь на козлодрание в Кишваристан.
Все великие падишахи
Прибыли на свадьбу в Кишваристан».
«Оседлаю я гривастого коня.
Садись верхом, Авазхан.
Помчимся наперегонки сначала друг с другом» — [сказала старуха]
Оба сели верхом и отправились в степь,
Погнались наперегонки — старуха и Авазхан,
Обогнал вороной конь султана гривастого коня старухи
«Очень дешево ты купил [его],
Не было настоящего хозяина у этого коня,— сказала [старуха]
Из породы он коней Райхана,
Старшим братом приходится гривастому этот скакун,
Без сомнений направляйся [на козлодрание] в Кишваристан».
***

Последнего козла бросил Авазхан,
Повернулся и быстро поскакал обратно к старухе.
Боевое снаряжение надел на себя,
Боевой барабан приторочил и золотые барабанные палочки,
Навесил лазуритовое копье,
Собрался в поход на страну Кишваристана.
Ударил в боевой барабан и начал бой.
Тот колдун сказал: «Это Авазхан.
Я буду,— сказал,— сражаться с этим мужественным бойцом».

Поднялся шум битвы.
Сражались они на копьях с Авазханом.
Аваз выставил щит — копье врага разбилось вдребезги.
Сбросил [врага] с седла Авазхан,
Срубил ему голову, ударил в боевой барабан и снова приготовился к бою
Пришла старуха с сорока юношами
На помощь Авазхану,
Разрушили они город,
Разбили все вдребезги,
Удрал падишах Кишваристана в широкую безводную степь.
Дочь Кишвара заточили в зиндан.
Из шалаша привели Гуругли-султана,
Открылся ему Аваз.
Гуругли упросил Аваза простить Ахмадхана.
Простил его Аваз ради Гуругли-султана.
Освободили народ туркменский из зиндана.
Набрали добра из сокровищниц Кишваристана,
Отправились в Чамбул Агаюнус и Ширмоджан.
Взяли с собой дочерей падишаха Кишваристана,
С Авазом, Хасаном и Гуругли-султаном
Вернулись в Чамбули-мастан.
Пришел Саки и заново отстроил Чамбул,
Разбежавшийся народ вернули отовсюду
Воссел на трон Гуруглишах.
Ему служил Аваз-воин.
Саки написал дастан,
Разлетелся он по всему свету.